

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1962

В сборнике опубликованы сообщения о результатах работ экспедиции Института археологии АН УССР в 1960 г. на территории водохранилищ новых гидроэлектростанций (Киевского и Днепродзержинского, Кочетокского и южнобугских), а также статьи и заметки о наиболее интересных памятниках и отдельных находках различных периодов нашей древней и средневековой истории, открытых в недавнее время.

Представляет интерес для археологов и историков, преподавателей и студентов вузов, читателей, интересующихся прошлым нашей Родины.

Редакционная коллегия:

С. Н. Бибиков (ответственный редактор), *В. А. Ильинская*, *М. П. Кучера*,
Е. В. Максимов, *Е. А. Петровская*, *Л. М. Славин*, *Д. Я. Телегин*.

Печатается по постановлению ученого совета Института археологии АН УССР

Редактор издательства *В. Н. Гончарова*

Технический редактор *И. П. Рахлина*.

Корректор *Т. И. Титкова*

БФ 35544. Зак. № 154. Изд. № 553. Тираж 750. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. физ. листов 6.5. Услови. печ. листов 8.9. Учетно-изд. листов 8.55. Подписано к печати 10/IV 1962 г. Цена 51 коп.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Репина, 4.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ В ЗОНЕ КИЕВСКОЙ ГЭС в 1960 г.

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

В 1960 г. Киево-Полесская экспедиция Института археологии АН УССР осуществила разведку в южной части намеченной зоны затопления чаши водохранилища строящейся в настоящее время на Днепре Киевской ГЭС¹. Была обследована территория по нижнему течению р. Тетерева и от ее устья по обоим берегам Днепра до с. Вышгород. Описанию результатов этой разведки и посвящена настоящая статья².

Зона затопления на обследованном пространстве представляет собой обширную низменность, занятую лугами, более высокие участки которых распаханы под посевы. Местность сильно изрезана старицами и различными речными протоками. Несмотря на произведенные здесь мелиоративные работы, и сейчас еще встречаются непроходимые болота и заболоченные низины. Местами очень много лесов. Пейзаж дополняют гряды высоких бугристых песков второй боровой террасы.

Проведение археологических разведок на такой местности затруднено недостатком естественных обнажений. Древние памятники легче всего обнаруживаются здесь только на участках с развеянными дюнами и на распаханых полях с тонким слоем почвы. Высокий берег Днепра между селами Лютежем и Вышгородом также оказался малодоступным для разведки, так как он почти сплошь занят постройками, садами и огородами.

Несмотря на все перечисленные трудности, на обследованной территории все же удалось отметить в 64 пунктах различные археологические памятники (рис. 1), преимущественно поселения и стоянки, а также следы трех небольших разрушенных могильников с трупосожжениями, возраст которых выявить не удалось (они, возможно, раннего железного века).

Среди памятников, обнаруженных экспедицией, наиболее ценными являются неолитические стоянки. На Левобережье особенно много таких стоянок оказалось около с. Ошитки, а на Правобережье — в устье р. Ирпени и по р. Тетереву, между селами Тетеревка и Рытны. На высоком берегу между селами Старые Петровцы и Новые Петровцы и на лугу, в урочище Горбатая Нива, к северу от с. Новоселки-на-Днепре, обнаружены два небольших поселения трипольской культуры.

¹ В экспедиции кроме автора участвовали научные сотрудники В. А. Ильинская, Г. Т. Ковпаненко, Л. М. Рутковская и лаборанты В. Г. Збеневич, В. А. Круц, Э. В. Перова, Е. В. Черненко.

² Разведку северной части будущего водохранилища Киевской ГЭС в том же году осуществила экспедиция Института археологии АН УССР под руководством И. И. Артеменко.

В упомянутом урочище Горбатая Нива, севернее с. Новоселки-на-Днепре (пункт № 15), было обнаружено поселение среднеднепровской культуры, где собрано небольшое количество типичных богато орнаментированных шнуровым орнаментом обломков глиняных сосудов (рис. 2, 2, 3; рис. 3, 3).

Названное поселение среднеднепровской культуры следует раскопать полностью. Место это тем более интересно, что на нем оказались

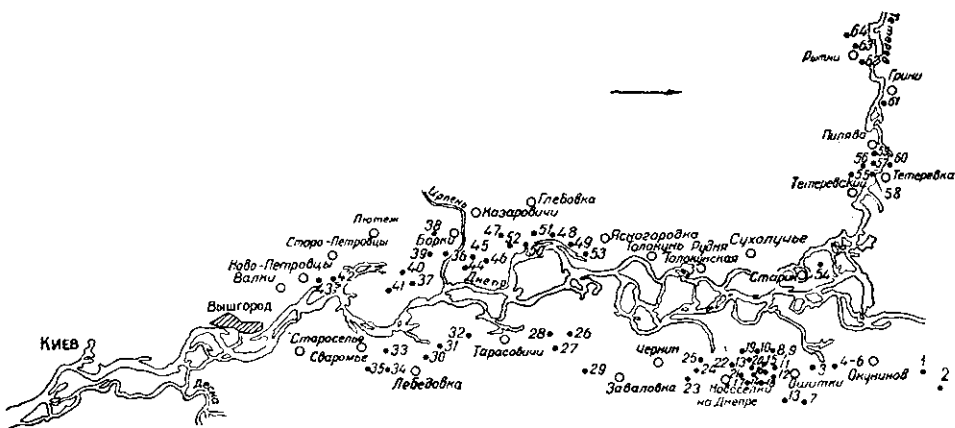

Рис. 1. Зона Киевской ГЭС, обследованная в 1960 г.
1—64 — археологические памятники.

еще остатки поселения зарубинецкой культуры и селища времени Киевской Руси. Вся площадка, занятая этими селищами, не превышает 100 м в поперечнике. Здесь на распаханной поверхности поля были собраны обломки простых горшков с ямками по краю и лошечных сосудов зарубинецкой культуры (рис. 2, 1). Помимо обломков кружальной керамики (рис. 3, 1) о существовании на этом месте древнерусского села свидетельствуют развалившиеся глинобитные печи и остатки железодельного горна. Следует упомянуть, что на этом же поле было найдено бронзовое гвоздевидное височное кольцо скифского времени — VI—V вв. до н. э. (рис. 3, 4).

По всему маршруту экспедиции встречались незначительные остатки небольших поселений, для которых характерна керамика с многоваликовым и шнуровым орнаментом среднего бронзового века так называемого катакомбного типа. Лучший комплекс обломков керамики этого рода (рис. 2, 8—10) удалось собрать на распаханном поселении к востоку от с. Сваромье (пункт № 33). Наряду с ними отмечались повсеместно следы поселений комаровской культуры. Они обозначались находками обломков глиняных сосудов с типичным линейным проглаженным орнаментом и валиковыми налестками. В одном таком месте, около с. Ясногородка, выше устья р. Ирпеня (пункт № 53) кроме фрагментов керамики был найден обломок глиняной литейной формы какого-то крупного орудия.

Нами были произведены сборы обломков глиняных сосудов на известном поселении бронзового века около с. Лебедовка (пункт № 30), обнаруженном в 50-х годах экспедицией «Большой Киев», работавшей под руководством П. П. Ефименко. Культура эта, с которой знакомят (рис. 2, 4—7) нас собранные на поселении многочисленные обломки керамики, вполне самобытна и своеобразна. В. Н. Даниленко называет ее по этому поселению лебедовской. В ней заметно влияние комаровской культуры, чем приблизительно определяется и ее возраст. Знакомство с поселением около с. Лебедовки убеждает нас в правильности мысли С. С. Березанской, что от культуры лебедовского типа, многочисленные

Рис. 2. Керамика.

1—3 — Новоселки-на-Днпре; 4—7 — Лебедовка; 8—10 — Сваромье.

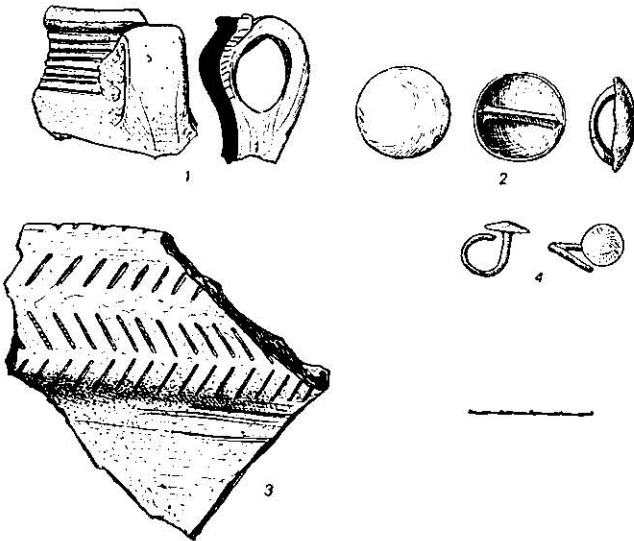

Рис. 3. Керамика и бронзовые украшения.

1, 3, 4 — Новоселки-на-Днпре; 2 — Лютеж.

памятники которой встречаются главным образом к северу от Киева, ведет свое происхождение подгорцевская (милоградская) культура раннего железного века¹. Нужно надеяться, что полные раскопки поселения около с. Лебедовки расширят наше представление об этой культуре и прольют новый свет на генезис подгорцевской культуры. Лебедовское селище, безусловно, является одним из важнейших археологических памятников, находящихся в зоне затопления Киевской ГЭС.

Поселений белогрудовской, чернолесской и скифообразной лесостепной культуры на обследованной территории не обнаружено. В разных местах (на юге чаще, на севере реже) постоянно встречались лишь одиночные обломки глиняных сосудов, относящихся к этим культурам. Очевидно, племена данного круга лесостепных культур не имели в этой части Полесья своих постоянных поселений, а проникали в нее лишь ради различных лесных промыслов, в том числе, может быть, и для добычи железа, так как эти места богаты болотными рудами. В днепровской пойме, около с. Лютежа, в урочище Курган (пункт № 40) была найдена скифского типа уздечная бронзовая выпуклая бляшка с петлей на обратной стороне (рис. 3, 2). Не встречено интересных объектов и подгорцевской культуры, хотя следы ее поселений и были отмечены в нескольких местах. Около с. Рытни (пункт № 62) на небольшой глубине (до 40 см) была найдена кучка раздавленных подгорцевских сосудов, которые восстановить не удалось.

Кроме упомянутого выше поселения в урочище Горбатая Нива, остатки еще одного селища зарубинецкой культуры были обнаружены в урочище Церковное на земле с. Лютежа (пункт № 37). Сборы на нем по распаханному полю дали небольшое количество типичной простой и лошени зарубинецкой керамики.

Следующую небольшую, но весьма важную группу обнаруженных памятников составляют остатки славянских поселений времени раннего средневековья, приблизительно середины I тысячелетия н. э. Всего встречено было три таких поселения. Одно находится на берегу оз. Туред около северо-западной окраины с. Ошитки (пункт № 3), другое — в урочище Задраголюбеча около с. Новоселки-на-Днепре (пункт № 25) и третье — в урочище Церковное близ с. Лютежа, где оказалось также упомянутое зарубинецкое поселение (пункт № 37). Сосуды с этих поселений, как о них можно судить по фрагментам, имеют вид грубо вылепленных черных горшков со слабо отогнутыми краями, слегка выпуклыми боками и днищами, обозначенными снаружи выступами. Они украшены только по краю простыми ямками и поперечными насечками.

Кроме очень интересных остатков древнерусского села в урочище Горбатая Нива (пункт № 15), все другие древнерусские селища оказались очень плохо сохранившимися. Два из них отмечены около с. Лебедовки, между оз. Подбиричье и лесом (пункт № 31), и в урочище Ошвин (пункт № 32), около с. Лютежа, в урочище Довгаль (пункт № 41), около с. Старых Петровцев (пункт № 42), и близ с. Казаровичи (пункт № 44). На всех этих маленьких, сильно попорченных распашкой или развееяных ветром поселениях встречались только обломки горшков, изготовленных на гончарном круге, украшенных волнистым орнаментом.

Материалы, полученные в результате разведки, позволяют прийти к выводу, что обследованная Киево-Полесской экспедицией южная половина зоны затопления водохранилища Киевской ГЭС была слабо заселена в древности. Такая же картина наблюдается и в северной части будущей чаши водохранилища Киевской ГЭС вплоть до р. Припяти, как об этом сообщил И. И. Артеменко.

¹ С. С. Березанська, Деякі нові дані про епоху бронзи в північній частині Середнього Подніпров'я, Археологія, XII, К., 1961, стр. 116, рис. 6, 3, 4.

Судя по сравнительно большому количеству стоянок, долина Днепра к северу от Киева охотно посещалась неолитическим человеком. Нужно думать, что лесные угодья были тогда достаточно богаты зверем и хорошо обеспечивали жизнь древнего охотника. Правда, стоянки эти были небольшие (следовательно, могли принадлежать только маленьким родовым группам) и недолговременные. Может быть, они имели даже сезонный характер. Самые излюбленные места таких стоянок находились на левом берегу Днепра напротив устья р. Ирпеня, в устье этой реки и в окрестностях сел Пилявы и Тетеревки, в нижнем течении р. Тетерева.

Следы пребывания человека в этой части долины Днепра в более позднее время встречаются повсеместно, но в огромном большинстве случаев они оказываются незначительными как по площади, так и по малому количеству встречающихся на них культурных остатков. Очевидно, люди селились здесь ненадолго и постоянно меняли места своего обитания. Остатки более долговременных поселений на этой местности составляют редкое исключение.

В связи с переходом к земледелию и скотоводству человек эпохи энеолита и бронзы стал селиться в более южных районах страны, там, где имеются тучные, лёссовые в своей основе, земли. В скифское время Южное Полесье стало пограничной территорией между носителями скифообразной культуры земледельцев и скотоводов, живших в Среднем Поднепровье, и носителями подгорцевской (милоградской) культуры, главные селища которых, судя по исследованиям О. Н. Мельниковской, находились к северу от р. Припяти (на юге область их расселения простиралась вплоть до р. Стугны).

Поразительно слабо заселенной человеком оставалась долина Днепра на обследованном участке в зарубинецкое время, в эпоху раннего средневековья и в эпоху Киевской Руси. Очевиднее всего, помимо небольшого местного населения, жившего здесь постоянно, обитатели лесостепной полосы, т. е. области Среднего Поднепровья, видели в лесном и болотистом Полесье только места своих лесных промыслов, в частности охоты. Может быть, сюда пригонялись в летнее время и стада для выпаса на обширных приднепровских лугах.

Изучаемые памятники важны для дальнейшего освещения проблемы славянского этногенеза.

Выводы некоторых исследователей о том, что прародина славян находилась в бассейне Припяти, противоречат данным археологии. Все, с чем приходится встречаться археологу в южной части Полесья, не согласуется с этой идеей. Особенно слабо было заселено Полесье в течение раннего железного века. В 1959 г. на Воляни, к северу от Ровно, а в 1960 г. к северу от Киева автор всюду сталкивался с тем, что как только начинается зона сплошных лесов и тощих песчаных и заболоченных земель Полесья, так сразу же фактически перестают встречаться остатки поселений позднего бронзового и раннего железного века, тогда как южнее они очень многочисленны. Судя по незначительности археологических памятников, в припятском Полесье в ту эпоху не могли обитать предки славян, о многочисленности которых свидетельствуют уже самые ранние письменные источники. То же наблюдение подтверждается результатами и всех других производившихся до сих пор археологических исследований к северу от линии Ровно, Житомира и Киева.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАНЕВСКОЙ ГЭС в 1960 г.

В. И. ДОВЖЕНОК

Каневская экспедиция Института археологии АН УССР в 1960 г. провела разведку археологических памятников в зоне будущего водохранилища Каневской ГЭС. Маршрут разведки охватил правый и левый берега Днепра от Киева до места, где будет построена плотина, — несколько выше Канева.

В историческом и археологическом отношении этот район представляет особый интерес. Это лесостепное Среднее Поднепровье, характеризующееся благоприятными физико-географическими условиями для жизни человека. Поросшие лесом многочисленные балки и овраги, изрезающие правый берег, и широкая пойма, покрытая лесом и луговой растительностью, изобиловали в древности дикими животными, в Днепре и многочисленных водоемах поймы водилась рыба, а на примыкающем к Днепру плато находились плодородные черноземные почвы, удобные для земледелия. Все это уже с древнейших времен привлекало сюда человека. Поэтому здесь и сосредоточены памятники различных исторических эпох, уже известные по прежним разведкам и раскопкам. Среднее Поднепровье было центром восточнославянских племен, где формировались их первые государственные объединения и создавалось ядро древнерусской народности. Оно стало центральной территорией Киевской Руси. В древнерусских летописях имеются многочисленные упоминания о городах, сосредоточенных на берегах Днепра от Киева до устья Роси, таких, как Треполь, Халеп, Витчев, Святополч, Заруб, Канев, Родня и других, игравших видную роль в политической и военной жизни государства.

Перед экспедицией была поставлена задача учесть имеющиеся здесь археологические памятники, дать им первичное культурно-историческое определение и выбрать из них более важные и сохранившиеся для стационарных исследований.

Район, подлежащий разведке, был разбит на четыре примерно равных участка (протяженностью 30—35 км), охвативших всю долину Днепра по правому и левому берегам, а также прилегающие высоты правого берега. Обследование каждого такого участка проводилось отдельной группой. Кроме разведок, производились стационарные раскопки древнерусского городища на Иван-горе в г. Ржищеве и раннеславянского поселения на городище у с. Зарубинцы¹.

¹ Участок от Киева до с. Триполья обследовали М. П. Кучера и Г. И. Лысова, от Триполья до с. Балько-Щучинки — Н. М. Шмаглий и Е. А. Петровская, от Балько-Щучинки до с. Зарубинец — М. Ю. Брайчевский и Н. М. Кравченко и от с. Зарубинец до с. Бобрница — И. Г. Шовкопляс и Е. Ф. Покровская. Стационарными раскопками в г. Ржищеве руководили В. К. Гончаров и А. А. Попко, в с. Зарубинцах — Е. В. Максимов. Начальником экспедиции являлся В. И. Довженок, заместителем начальника — Р. А. Юра.

Обследованный район оказался чрезвычайно обильно насыщенным археологическими памятниками. Всего их было выявлено свыше 120, причем многие памятники остались, очевидно, необнаруженными, особенно в задернованных или покрытых лесом и кустарником местах. По культурно-исторической принадлежности эти памятники распределяются так: неолитических стоянок 9, поселений трипольской культуры — 5, поселений эпохи бронзы — 45, поселений скифского времени — 10, поселений зарубинецкой культуры — 5, поселений черняховской культуры — 1, славянских поселений середины и второй половины I тысячелетия н. э. — 7, древнерусских селищ — 27 и городищ — 13. Многие памятники оказались многослойными. Например, керамика эпохи бронзы в большем или меньшем количестве встречается почти на всех поселениях, относящихся к другим эпохам.

Сохранность большинства памятников плохая, что объясняется положением их на песчаных развееваемых дюнах; особенно это относится ко многим поселениям эпохи бронзы и славянским поселениям середины и второй половины I тысячелетия н. э. Но имеются пункты с хорошо сохранившимся культурным слоем, которые заслуживают стационарного исследования. Из таких пунктов особо нужно отметить следующие.

Неолитическая стоянка в с. Андруши, Переяслав-Хмельницкого района, на левом берегу Днепра, расположенная на всхолмлении в пойме, в юго-западной окраине села, близ дороги, ведущей из Переяслава-Хмельницкого на пристань, в урочище Загай. На поверхности встречается много фрагментов неолитической керамики с гребенчато-накольчатой орнаментацией. Здесь также в большом количестве находится керамика эпохи бронзы среднеднепровского типа.

Трипольское поселение в с. Гребени, Ржищевского района. Расположено на правом берегу Днепра в северной окраине села между Днепром и балкой, выходящей устьем в пойму Днепра. Здесь прослежено около 10 жилых пятен, характеризующихся большим скоплением обломков сосудов с углубленным спиральным орнаментом, находками костей животных, раковин *Uplu* и т. д. В обрыве коренного берега Днепра и в стенках траншей военного времени видны глинобитные трипольские площадки.

Трипольское поселение у с. Григоровки, Переяслав-Хмельницкого района. Расположено к северу от села на высоком, изрезанном оврагами правом берегу Днепра близ урочища Крутой Горб. На поверхности и в обнаженных слоях встречаются в значительном количестве черепки сосудов трипольской культуры, скопление раковин *Uplu*, обломки костей животных и куски обожженной глиняной обмазки.

Поселение эпохи бронзы у с. Килов, Бориспольского района. Расположено к северу от села на возвышенной песчаной луговой террасе левого берега Днепра в урочище Куты. На поверхности встречается в значительном числе керамика периода средней бронзы комаровского типа; в незначительном количестве встречается керамика зарубинецкого типа.

Поселение периода раннего железа в с. Рудяки, Ржищевского района. Расположено к юго-востоку от села на песчаном гумусированном всхолмлении на берегу высохшего болота в урочище Хоменков. Поселение тянется вдоль берега бывшего здесь болота на протяжении около 2 км. На поверхности встречена керамика, относящаяся к чернолесскому типу.

Следы могильника рубежа н. э. в с. Ново-Украинка, Обуховского района. Находятся к северо-западу от села, вверх по течению р. Стугны, в урочище Попове. Здесь во время прокладки ка-

навы, ограждающей лес, обнаружено три лепных сосуда с сожжением в одном из них.

Поселение рубежа н. э. у с. Триполье, Обуховского района. Расположено в северной части села на верхней площадке Девич-горы (рис. 1). На поверхности и в обнажениях встречаются единичные фрагменты керамики зарубинецкого типа. Культурных остатков

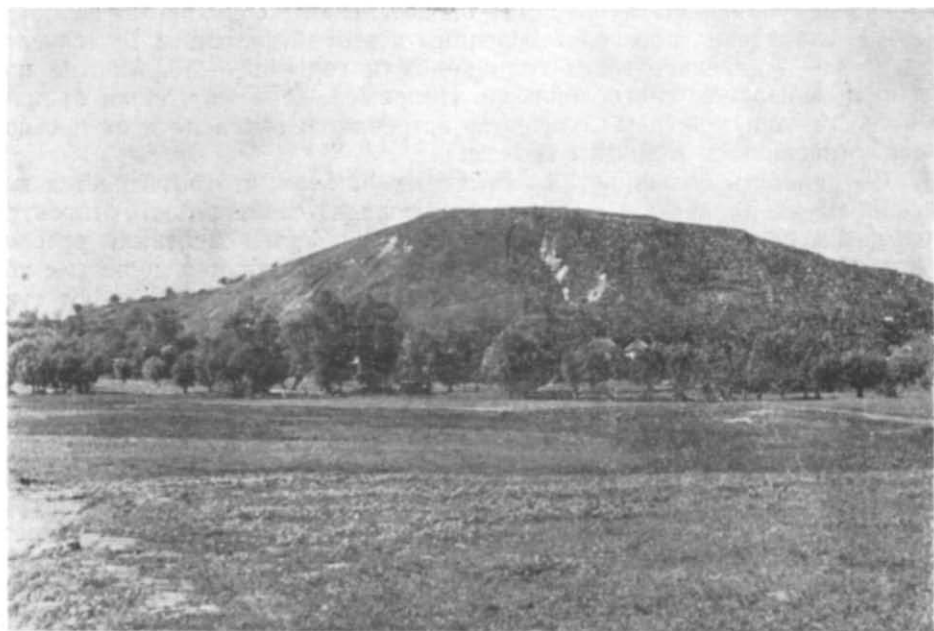

Рис. 1. Девич-гора в с. Триполье.

других периодов не встречено. По краям площадки сохранились следы вала и рва.

Поселение рубежа н. э. у с. Зарубинцы, Переяслав-Хмельницкого района. Расположено у подножья Батуровой горы на надпойменной террасе. На площади его встречаются фрагменты лепной шероховатой и лощеной керамики зарубинецкого типа.

Славянское городище конца I тысячелетия н. э. у с. Зарубинцы. Городище расположено в 2 км к северо-западу от села, на отроге плато, возвышающемся над Днепром. Напольная часть городища укреплена несколькими рядами валов и рвов. На городище были проведены стационарные раскопки, в ходе которых открыто 6 полуземлянок с керамикой и другим инвентарем VIII–IX вв. Имеется культурный слой рубежа н. э., содержащий керамику зарубинецкого типа.

Древнерусское городище в с. Триполье. Городище представляет собой остатки города Треполь, упоминаемого в летописи в качестве важного пункта Киевской земли. Расположено на высоком правом берегу Днепра при впадении в Днепр р. Красной. Ограничено со всех сторон естественным рельефом местности. На площади городища находится центр современного села. На поверхности встречаются культурные остатки эпохи Киевской Руси, в обнажениях прослеживаются остатки построек. Культурный слой распространяется к югу от городища, где находился, вероятно, городской посад.

Древнерусское поселение в с. Халепье, Обуховского района. Расположено на высоком правом берегу Днепра в северо-

восточной части села. Культурный слой распространяется вдоль Днепра на протяжении более 1,5 км. В обнажениях прослеживаются остатки построек, человеческие кости и следы пожарища. Имевшееся здесь городище — остатки летописного города Халеца — занято постройками колхозного двора и в значительной мере разрушено.

Комплекс древнерусских памятников у с. Витачев, Обуховского района. Состоит из двух городищ и селищ. Пер-

Рис. 2. Древнерусское городище в с. Витачев.

вое (центральное) городище находится в восточной части села на высоком правом берегу Днепра (рис. 2). Хорошо сохранились валы и рвы. Площадь городища состоит из нескольких площадок, расположенных на разных горизонтах. Поверхность изобилует культурными остатками эпохи Киевской Руси, в обнажениях прослеживаются следы землянок с глинобитными печами. К западу от городища находится большое поселение; среди предметов, встречающихся на поверхности, найден железный наральник. Второе городище находится в 2 км к югу от первого, на одном из отрогов правого берега Днепра между двумя балками. Валы и рвы сохранились удовлетворительно. На поверхности, кроме обычных находок, встречаются отдельные человеческие кости. К городищу с западной стороны примыкает селище, занимающее значительную площадь. Указанные городища отождествляются, по-видимому, с Витчевом и Святополчем, упоминаемыми Константином Багрянородным и летописью. Причем нужно думать, что древнейший город Витчев, известный Багрянородному, находился на первом (центральном) городище. Город Святополч, построенный в 1095 г. Святополком Изяславичем, по-видимому, нужно связывать со вторым городищем.

Древнерусское городище в г. Ржищеве находится на правом берегу Днепра на горе, именуемой Иван-горой, между Днепром и глубокой балкой. На городище производились стационарные раскопки, обнаружены остатки деревянных конструкций вала, остатки жилых и хозяйственных помещений и многочисленные предметы XII—XIII вв.

Древнерусское городище в с. Балыко-Щучинке, Ржищевского района. Находится на восточной окраине села на высоком мысе правого берега Днепра между поймой Днепра и балкой. Хорошо сохранились валы и рвы, в обнажениях вала видны остатки дерева. На плато, примыкающем к городищу, находится открытое селище.

Древнерусское городище в с. Ходоров, Переяслав-Хмельницкого района. Расположено на высокой горе при впадении в Днепр ручья. Вал сохранился с юго-восточной стороны, в валу видны остатки дерева. В траншеях военного времени прослеживается насыщенный культурный слой со следами печей.

Поселение в с. Монастырек, Переяслав-Хмельницкого района. Расположено в центре села, на площадке нижней террасы правого берега Днепра. В обрыве берега прослеживаются остатки каменного фундамента. На берегу встречены куски канелированного кирпича и древнерусской плитки. На поверхности площадки встречаются обломки керамики эпохи Киевской Руси и более позднего времени.

Древнерусское городище у с. Городище, Переяслав-Хмельницкого района. Расположено на левом берегу Днепра, к северо-западу от села, на небольшой возвышенности среди луговой поймы. Окружено валом, в некоторых местах прослеживаются следы заплывшего рва. К северо-востоку и к югу от городища имеется открытое селище. На поверхности городища и селища встречаются в значительном количестве обломки посуды XII—XIII вв. К юго-востоку от городища на лугу видны всхолмления, возможно, расплывшиеся насыпи курганов.

Курганный могильник у с. Гребени. Находится к северу от села на террасе правого берега Днепра в урочище Попов, состоит из нескольких десятков небольших продолговатых задернованных насыпей, культурно-историческая принадлежность которых неизвестна.

Второй курганный могильник находится ниже с. Гребени, на пониженных участках коренного берега Днепра в урочище Могилки. Состоит из нескольких десятков круглых насыпей высотой около 1,5—2 м и диаметром около 4—5 м. Культурно-историческая принадлежность этого могильника также неизвестна.

Таким образом, разведка зарегистрировала большое количество памятников различной культурно-исторической принадлежности. Материалы разведки уже сами по себе очень важны для археологической карты, фиксирующей степень заселенности данного района, начиная с древнейших периодов и кончая эпохой Киевской Руси. Среди обнаруженных памятников имеется значительное число с культурным слоем хорошей сохранности. Стационарные исследования этих памятников несомненно обогатят историческую науку новыми важными фактами из жизни и деятельности населения Среднего Приднепровья в древности.

ИЗ РАБОТ ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1960 г.

Д. Я. ТЕЛЕГИН

Исследования Днепродзержинской археологической экспедиции 1960 г. на Днепре являются прямым продолжением наших работ, проведенных в этом районе в 1959 г.¹ В задачи экспедиции 1960 г. входило сплошное обследование зоны затопления Днепродзержинского водохранилища и проведение здесь на ряде древних памятников стационарных раскопок.

Разведкой 1960 г. охвачен отрезок левого берега Днепра от плотины Кременчугской ГЭС (с. Власовка) до места сооружения защитной дамбы Днепродзержинской ГЭС у с. Паньковки. На обследованном участке обнаружено около 100 древних местонахождений. Таким образом, за два года разведки на территории будущего водохранилища нами зарегистрирован 181 археологический объект. А так как на многих поселениях встречаются разновременные материалы, общее количество обнаруженных памятников по эпохам превышает 200.

В их числе: одна мезолитическая стоянка, 38 неолитических и энеолитических поселений и 3 могильника этого времени, 113 поселений эпохи бронзы, несколько курганных могильников, 49 раннеславянских селищ, главным образом черняховского типа, один могильник этой же культуры и 18 местонахождений с материалами эпохи Киевской Руси.

Наибольший интерес из исследованных в 1960 г. памятников представляют неолитический могильник и поселение эпохи меди у с. Деревки, поселение поздней бронзы у с. Чикаловки, Кременчугского района, Полтавской области, а также памятники раннеславянского времени у сел Компанийцы и Деревка.

Неолитический могильник у с. Деревки, Онуфриевского района, Кировоградской области, расположен непосредственно рядом с поселением энеолитического времени, о котором будет речь дальше. На могильнике обнаружено 106 неолитических погребений, залегающих в коллективных или индивидуальных ямах. Наибольшая из погребальных ям включала захоронения, расположенные в два ряда и два, а местами и три «яруса» (рис. 1). Захоронения вытянуты на спине, слегка окрашены охрой. При некоторых скелетах найдены украшения в виде пластинок из клыка кабана, подвесок из зубов оленя, бус из ракушек и т. п., а также отдельные орудия труда (острие копья, гарпун) и два глиняных сосуда в обломках. Последние залежали в засыпке погребальных ям. Сосуды имеют форму больших плоскодонных горшков, украшенных гребенкой и отступающими наколами.

Обнаруженный и раскопанный экспедицией Деревский неолитический могильник является первым памятником этого рода, открытым на территории обитания лесостепных племен днепро-донецкой культуры.

¹ См. статьи Телегина, Шмаглия, Кучеры, Драчука в настоящем выпуске.

Его материалы находят прямую аналогию в могильниках Надпорожья (Никольский, Лысогорский) и Приазовья (Мариупольский), что позволяет датировать этот памятник серединой III тысячелетия до н. э.

Энеолитическое поселение у с. Деревки расположено на невысокой надпойменной террасе в устье р. Омельник, правого притока Днепра. На поселении вскрыта площадь более 300 м². В раскопе открыты остат-

Рис. 1. Общий вид юго-западного участка Деревинского неолитического могильника.

ки углубленного жилища длиной около 10 м с открытым очагом (рис. 2). Углубление жилища было сплошь засыпано ракушками *Unio*, смешанными с золой, костями животных, фрагментами керамики и т. п. В заполнении жилища и вокруг него в слое собран большой археологический материал, включающий остатки около 400 сосудов, мелкий кремневый инвентарь, обломки роговых мотыг и другие находки. Горшки остродонные, с высоким горлом, украшены гребенчатым и шнуровым орнаментом. Имеются фрагменты небольших мисочек (рис. 3).

Интересные результаты были получены при определении фауны поселения, где отмечено среди костных остатков домашних животных около 50% костей лошади².

Весь комплекс находок Деревинского энеолитического поселения датируется началом второй половины III тысячелетия до н. э.

На площади исследованного поселения у с. Деревки нами раскрыто также жилище, относящееся к эпохе ранних славян, описание которого мы дадим ниже.

Поселение поздней бронзы у с. Чикаловка расположено на задернованном возвышении в пойме правого берега Днепра. Здесь на поверхности распаханного поля разведкой 1959 г. было отмечено около 20 больших светлых пятен. В 1960 г. два таких пятна были раскопаны. Здесь оказались остатки наземных жилищ, видимо, погибших от огня³. Лучшее сохранившееся жилище имело подпрямоугольную форму, размеры 12×6 м. На полу жилища, главным образом около очага, обнаружены развалы сосудов, украшенные валиковой орнаментацией, зернотерки и различные более мелкие каменные и костяные изделия.

² Определение В. И. Бибиковой.

³ Раскопки И. Н. Шарфутдиновой.

Под полом жилища, на площади 1 м² полукругом лежало около 15 глиняных слабо обожженных изделий. Большинство из них имеют яйцевидную форму размером 6—7 см, другие напоминают шляпку гри-

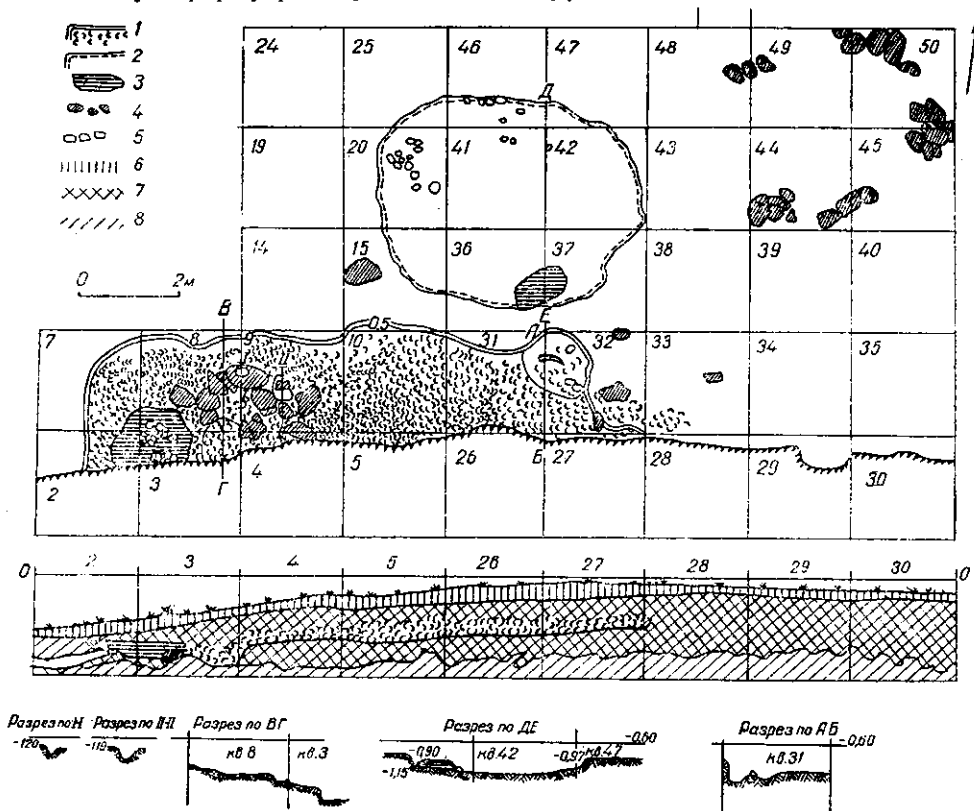

Рис. 2. Деревка. План и разрезы жилищ эпохи меди и ранних славян.

1 — контуры жилища эпохи меди с ракушечным заполнением; 2 — жилище раннеславянского времени; 3 — очаги; 4 — камни; 5 — керамика; 6 — пахотный слой; 7 — гумусированная супесь; 8 — супесь светлого цвета.

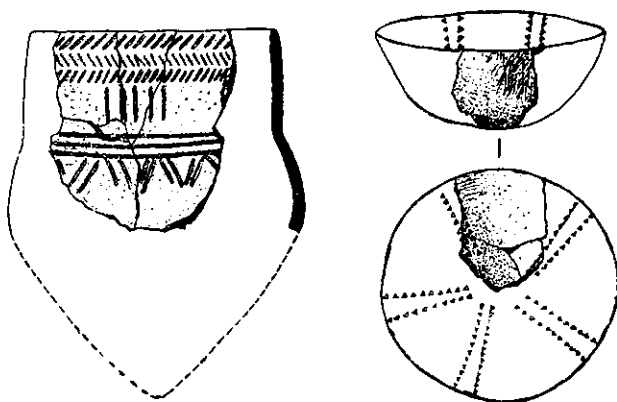

Рис. 3. Деревка. Сосуды эпохи меди.

ба, в некоторых автор раскопок усматривает зооморфные изображения. Эта находка, аналогию которой мы знаем в нижнем слое Ушкалки, имеет, очевидно, культовое назначение.

По типу керамики поселение датируется концом II тысячелетия до н. э. Из числа памятников, относящихся к I тысячелетию н. э., экспедицией исследовано два: могильник черняховской культуры у х. Компанийцы, Кишеньковского района, Полтавской области, и упоминавшееся ранее жилище с керамикой пеньковского типа около с. Деревки.

На Компанийском могильнике раскрыта площадь около 600 м², на которой обнаружено более 30 могил⁴. Среди погребений имеются сожжения и труположения. При скелетах собран богатый инвентарь: кружальные и лепные сосуды, многочисленные украшения (арбалетные фи-

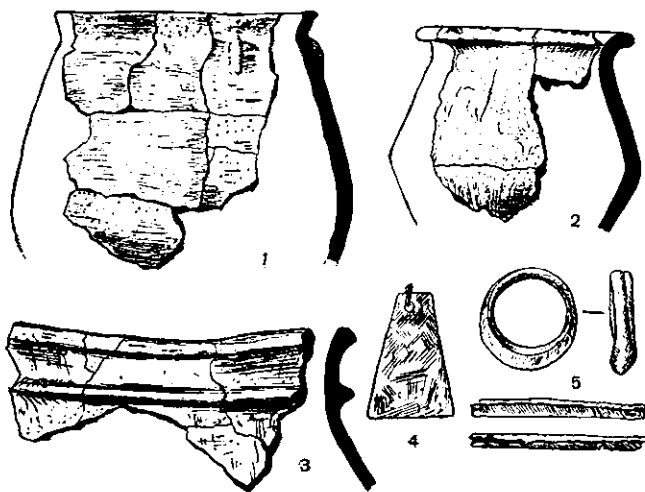

Рис. 4. Деревка. Материалы раннеславянского времени.

булы из бронзы и серебра, стеклянные и пастовые бусы и т. п.), а также различный мелкий инвентарь — нож, шилья, пряжка и т. п.

Раскопки могильника, имеющие весьма важное значение для понимания истории ранних славян Среднего Поднепровья, еще не закончены.

Жилище раннеславянского времени у с. Деревки представляет собой прямоугольное углубление (0,4 м) размером 4×5 м с очагом в западном углу. Очаг открытого типа состоит из скопления золы на площади около 1 м², толщиной 0,25—0,3 м. С юга к углублению жилища примыкала подковообразная кладка из крупных камней гранита (рис. 2). Камни кладки лежат в ряд по одному или группами, иногда перекрывая друг друга. В жилище и вблизи него собрано значительное количество фрагментов керамики, принадлежащих 15—20 сосудам, и другие вещевые находки.

Отличительной чертой керамики исследованного жилища является чрезвычайно грубая, плохо вымешанная масса с примесью кусков шамота. Обжиг слабый. Поверхность сосудов обычно сглажена плохо. Из форм сосудов здесь выделяются лишь горшки средних размеров с отогнутым наружу венчиком и округлым туловом. В средней части некоторых горшков можно отметить слабо выраженное ребро (рис. 4, 2). Горшки почти лишены орнамента. Лишь в трех случаях сосуды под венчиком имели грубый налепной валик (рис. 4, 3). Два сосуда украшены пластическим орнаментом в виде двух продолговатых бугорков, расположенных вертикально под венчиком (рис. 4, 1). Несколько венчиков на срезе имеют орнамент в виде отсков палочки или пальцевых вдавлений (рис. 4, 2).

⁴ Раскопки Е. В. Махио и И. Ф. Ковалевой.

Из прочих находок, связанных с описанным жилищем, нужно назвать бронзовое кольцо, украшенное насечками, трапециевидные медные подвески и согнутые трубочки из того же металла (рис. 4, 4—5).

Материалы землянки по аналогии с находками на Пеньковском поселении датируются второй половиной I тысячелетия н. э.

Кроме отмеченных выше исследований, отдельными отрядами Днепродзержинской экспедиции 1960 г. проведены также раскопки на неолитических поселениях у сел Успенки и Каменных Потоков, на селище ранних славян в устье р. Орели и т. п.

Таким образом, работами Днепродзержинской экспедиции 1960 г. было закончено составление археологической карты Днепродзержинского водохранилища. Материалы стационарных исследований ряда памятников первобытного времени, эпохи ранних славян и Киевской Руси существенно пополняют историковедческую базу по археологии Украины.

РАСКОПКИ В ВЕРХНЕМ САЛТОВЕ 1959—1960 гг.

(Печенежское водохранилище)

Д. Т. БЕРЕЗОВЕЦ

Памятники салтовской культуры представляют для исторической науки большой интерес. Племена, оставившие их, входили в состав Хазарского каганата и были ближайшими соседями славянских племен, находясь с ними в тесных политических, экономических и культурных отношениях, о чем свидетельствуют «Повесть временных лет» и археологические источники.

Для изучения салтовской культуры, ее этнической принадлежности и взаимоотношений Хазарского каганата со славянами первостепенное значение имеют исследования средневекового города у с. Верхний Салтов, расположенного на высоком правом берегу Северского Донца. Б. А. Рыбаков отождествляет этот город с Сарадом, известным по карте арабского ученого и путешественника XII в. Мохаммеда Идриси¹. Остатки города хорошо сохранились до наших дней в виде обширного городища с земляными и каменными укреплениями. С севера и востока к городу примыкает большой катакомбный могильник.

Археологические памятники у с. Верхнего Салтова привлекали внимание исследователей с начала XX века. Однако раскопки здесь производились преимущественно на участке территории могильника. Площадь самого города почти не исследовалась.

В недалеком будущем район с. Верхнего Салтова в значительной степени будет затит водами сооружающегося на Северском Донце Печенежского водохранилища. Для исследования важных археологических памятников этой территории в 1959 г. Институтом археологии была организована Кочетокская экспедиция. В задачу экспедиции помимо стационарных раскопок салтовского городища и могильника входило также проведение разведки для выявления новых археологических памятников².

Разведками установлено, что существовавшее прежде мнение о наличии в Верхнем Салтове множества отдельных поселений не соответствует действительности. На самом деле эти «поселения» представляют собой не что иное, как единый посад большого города. При тщательном осмотре местности удалось обнаружить следы окружающих посад укреплений. Раскопки мест предполагаемых укреплений подтвердили правильность этих наблюдений.

¹ Б. А. Рыбаков, Русские земли по карте Идриси 1154 г., КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 22.

² Кочетокская экспедиция работала в следующем составе: Д. Т. Березовец (начальник экспедиции), научные сотрудники: А. Т. Брайчевская, В. П. Петров, Н. В. Линка, Р. И. Ветштейн, А. М. Шовкопляс, И. Ф. Ковалева, антропологи — Г. П. Зиневич, С. И. Жиляева.

На левом берегу Северского Донца разведкой обнаружено очень большое неукрепленное поселение, тянущееся широкой полосой вдоль берега реки на несколько километров. Повсюду здесь сохранился культурный слой. Удалось обнаружить и связанный с этим поселением большой грунтовой могильник.

Таким образом, в результате работ Кочетокской экспедиции удалось составить более полное представление о всем комплексе археологических памятников у с. Верхнего Салтова.

На территории, которую занимает современное село Верхний Салтов, в VII—начале X вв. существовал большой город с сильно укрепленной

Рис. 1. План археологических объектов около с. Верхний Салтов.

1 — городище; 2 — цитадель; 3 — посад; 4 — катакомбный могильник; 5 — поселение; 6 — грунтовой могильник.

внутренней частью и обширным посадом. Город занимал возвышенность правого берега Северского Донца, которая имеет вид полуовальной террасы (рис. 1). Терраса оканчивается очень крутым склоном высотой около 20 м к пойме реки. Здесь расположена центральная, особо укрепленная часть города — современное городище.

Непосредственно за рвом, ограждавшим город с севера, начинается катакомбный могильник, занимающий мыс, образованный коренным берегом реки и оврагом, тянущимся в сторону Замуловской улицы, восточный склон этого оврага, а также весь участок по обе стороны оврага, по дну которого идет Замуловская улица. Всего, если судить по распространению культурного слоя, город занимал площадь около 120 га, а его некрополь — 100 га. На противоположном (левом) берегу реки находилось сельское поселение и связанный с ним могильник.

Остановимся кратко на основных работах, проведенных в 1959/60 г. на каждом из указанных объектов.

Городище. Городище с трех сторон (кроме стороны, обращенной к реке) окружено валом и рвом. Земляные укрепления сохранились очень плохо. Склон к пойме реки крутой и совершенно недоступный. Посредине городища проходит глубокий ров, разделяющий его на две почти равные части. Восточная часть обнесена каменной стеной, ширина которой около 4 м. Она сложена из грубо обтесанных плит песчаника, образующих внутренний и внешний панцирь. Пространство между ними

заполнено чередующимися слоями щебенки и спондиловой глины. У стены, идущей параллельно реке, в 11,5 м от юго-западного угла находилась каменная прямоугольная башня длиной 5,5 м, выступающая на 4 м перед стеной. Башня, также имевшая внешний панцирь и внутреннюю забутовку, примыкала к внешнему панцирю стены и, очевидно, была пристроена позднее. В северо-западной части оборонительной стены был обнаружен проем, который оказался заделанным деревянными столбами 20—25 см в поперечнике, поставленными впритык друг к другу в специально выкопанном для этого ровике. Очевидно, тут находились дрезные крепостные ворота, соединявшие цитадель с земляной крепостью. Этот вход был, по-видимому, заделан при ремонте оборонительных сооружений гарнизоном русского сторожевого поста, находившегося здесь в XVII—XVIII вв.

Культурный слой городища насыщен очень слабо. На площади около 160 м² было найдено не более 30—50 черепков и очень мало костей животных. Внутри цитадели, у средней части западной стены, обнаружены остатки какого-то каменного двухкамерного помещения со следами совершенно разрушенного очага, около которого лежали два разбитых жерновых камня.

Посад. Непосредственно к крепости примыкал обширный городской посад, вокруг которого с востока и запада сохранились остатки некогда окружавшего его рва. Разрез показал, что ров имел ширину около 25 м при глубине 6 м. Площадь посада насыщена культурными остатками. Особенной мощностью отличался культурный слой в центральной части, примыкающей к крепости. Здесь на сравнительно небольшой площади раскрыто 4 полуземляночных жилища и много хозяйственных ям. Об интенсивности и продолжительности жизни в этой части города свидетельствует то, что обнаруженные здесь жилища и хозяйственные ямы нередко перерезают друг друга. Несколько иная картина заселения открывается на периферии посада, около западного рва, где не оказалось остатков полуземляночных жилищ, но имеется большое количество хозяйственных ям.

Катакомбный могильник. На участке, расположенном за чертой древнего города (за восточным рвом), раскопано несколько погребальных катакомб. Три из них оказались такими же, что и хорошо известные салтовские катакомбы, раскопанные прежде в большом числе на Замуловской улице. В остальных обнаружены некоторые особенности в устройстве погребального сооружения и погребальном обряде.

У них обычный для салтовских погребений дромос, длиной 5—7 м и шириной 40—50 см. Он кончается в нижней части доской, закрывавшей вход в катакомбу. Полость катакомб, в отличие от исследовавшихся раньше, очень плотно забита материковым суглинком, столь чистым и плотным, что создает впечатление ненарушенного материка. Если в обычных катакомбах костяки всегда лежали в анатомическом порядке, то здесь целых костяков не оказалось. В разных местах лежали разрозненные кости, причем установлено, что таково было их первоначальное положение. По-видимому, в данном случае мы наблюдаем обряд повторного захоронения.

Погребения этого типа сопровождалось обычно многочисленным и богатым инвентарем. Особенно много встречено бус, положенных в катакомбу в виде ожерелий, свернутых спиралью. Из интересных находок следует отметить хорошо сохранившиеся мягкие кожаные сапоги и какой-то предмет из бересты, по-видимому колчан.

Поселение на левом берегу занимает около 7 км вдоль реки. Культурный слой мощностью до 1,2 м насыщен гончарной керамикой и расколотыми костями животных. На этом поселении раскопано 5 полуземляночных жилищ прямоугольной формы площадью в 16—20 м²

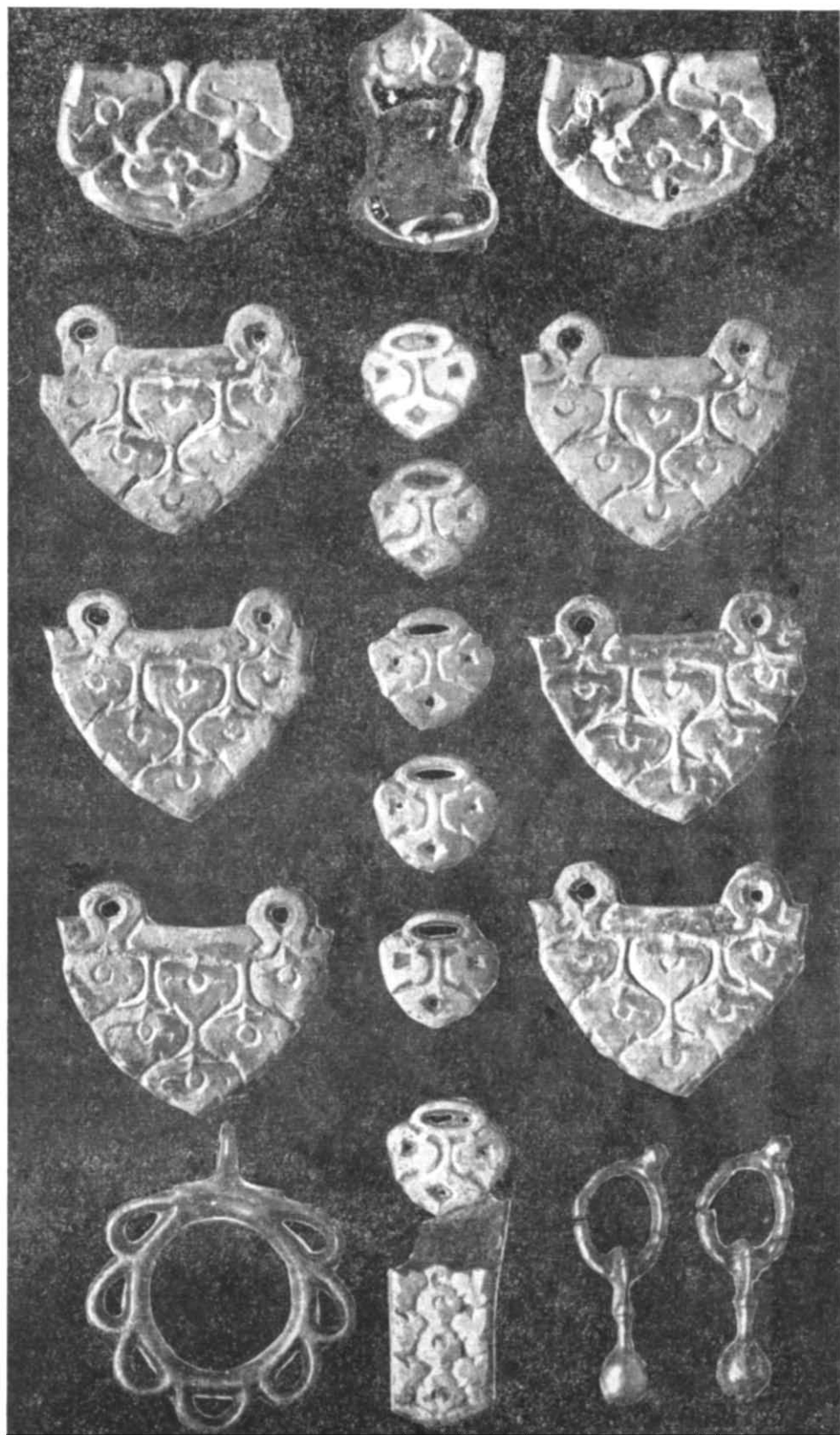

Рис. 2. Украшения из грунтового могильника.

с печами-каменками. Жилища углублены от древнего горизонта на 1—1,2 м. Стены их из рубленого дерева. Около жилищ открыто много хозяйственных ям. Жилища находились близко одно от другого (5—10 м), но какой-либо системы в их застройке уловить пока не удалось.

Грунтовой могильник этого поселения находится на расстоянии примерно в 1,5 км от берега реки, на колхозном дворе. Всего здесь раскопано 82 погребения. Могильные ямы располагались рядами, тянущимися с севера на юг. Расстояние между могилами несколько метров. Из всех погребений только в трех случаях костяки лежали в анатомическом порядке. Во всех остальных могилах кости лежали кучкой или были разбросаны так же, как и в катакомбном могильнике. В нескольких случаях человеческие погребения сопровождалось захоронением коня, кости которого всегда лежали в анатомическом порядке. Состав инвентаря тот же, что и в катакомбном могильнике. Наиболее богатыми оказались погребения с конем. Из находок следует отметить наборные пояса с сохранившейся кожей и серебряными украшениями, конскую сбрую с многочисленными литыми бляшками (рис. 2), кувшины и толстостенные горшки с ручками.

Интересен вопрос об отношении к городу неукрепленного поселения на левом берегу Северского Донца. Можно было бы предположить, что это своеобразный пригород, заселенный тем же населением, что и город. Однако открытый грунтовой могильник противоречит такому толкованию. Такого рода могильники до сих пор не были известны в салтовской культуре нашей территории. Он существенно отличается от катакомбного могильника и от могильников типа Зливкинского. От первого его отличают особенности устройства погребальных сооружений и погребальный обряд (повторные захоронения). Несмотря на близость погребального инвентаря, следует отметить наличие в погребениях могильника горшков с ручками, в то время как в катакомбном могильнике встречаются только кувшины. От могильников зливкинского типа его отличает форма и глубина могильных ям (узкие, длинные и глубокие), а также наличие погребений с конем, ни разу не встреченных в Зливках. Здесь в погребениях есть также кувшины, отсутствующие в Зливкинском могильнике, и горшки несколько иного типа.

Еще В. А. Городцов, исследовавший Зливкинский могильник, поставил вопрос о том, что в салтовской культуре есть различные группы погребений и различия эти могут объясняться этническими или социальными причинами. В свете наших работ выяснилось, что на правом и левом берегах Донца жили две разные группы населения. Одна, обитавшая в городе, хоронила своих покойников в катакомбах, другая, жившая в открытом поселении, хоронила своих покойников в грунтовых ямах по иному обряду.

В свете этих данных вопрос о различиях салтовских погребений, нам кажется, следует решать в плане различий этнических. Сейчас еще рано утверждать это в категорической форме. Но это вероятно, если учесть разноплеменный состав Хазарского каганата. Окончательному решению этого вопроса, как и вопросов культурного взаимоотношения Хазарского каганата и славянских племен, будут способствовать дальнейшие исследования салтовского археологического комплекса.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗОНАХ СТРОИТЕЛЬСТВА ГЭС НА ЮЖНОМ БУГЕ в 1959—1960 гг.

В. Н. ДАНИЛЕНКО

В современной археологической науке интерес к самобытным древностям Южнобугского бассейна возник давно, еще в начале 30-х годов. Позднее, уже в 1948 г., для изучения памятников этого района была создана Бугская экспедиция Института археологии АН УССР, работающая на Южном Буге и в настоящее время.

В последние годы в связи с созданием на Южном Буге каскада электростанций экспедиция превратилась в комплексную, занимающуюся изучением всех категорий археологических памятников — от палеолитических стоянок до памятников древней Руси включительно. Экспедиция работала в зонах Березовской, Глубочекской, Ладыжинской, Гайворонской ГЭС, находящихся в средней части течения Южного Буга, а также в зоне Терновской ГЭС, на притоке Южного Буга р. Синюхе.

К настоящему времени в работе экспедиции определились три главных направления: а) изучение местной неолитической культуры¹; б) уточнение периодизации местного раннего триполья² и, наконец, в) изучение культуры раннеславянских племен.

В средней части бассейна, включая бассейн Синюхи, к настоящему времени выявлено до 50 неолитических поселений. Свыше 10 из них было подвергнуто систематическим раскопкам, которыми вскрыта площадь до 6000 м².

Неолитические поселения, как правило, размещаются на склонах надпойменной террасы и на речных островах того же уровня. Как выяснилось, устраивались они близ древних порогов, где происходила аккумуляция лёссово-иловых наносов и возникали участки плодородной почвы, пригодные для мотыжного земледелия.

Именно близ таких первобытных полей и располагались поселения бугской неолитической культуры. На поселениях были открыты небольшие наземные жилища, прямоугольные в плане. Последние опознаются по скоплениям находок: глиняной посуды, кремневых и костяных орудий, костей животных, а также по наличию каменных очагов.

Некоторые из поселений оказались стратифицированными, что позволило выделить пять последовательных культурно-хронологических фаз, отличающихся особенностями глиняной посуды и производственного инвентаря. Эти фазы: скибинецкая, соколецкая, печерская, самчин-

¹ В. М. Даниленко, Дослідження неолітичних пам'яток на Південному Бугу, «Археологія», т. X, К., 1958, стр. 36—49; его же, Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры, КСИА, вып. 9, К., 1960, стр. 3—9.

² В. М. Даниленко і М. Л. Макаревич, Дослідження на II Сабатнівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р., АП, т. VI, К., 1956, стр. 134 сл.

ская и савранская получили наименования по названиям соответствующих населенных пунктов. Основу хозяйственной жизни населения составляло мотыжное земледелие. На протяжении первых трех фаз преобладают роговые мотыги с продольной постановкой рабочей части, т. е. инструменты, предназначенные для работы по задернованному грунту. Для последней — савранской фазы типичны длинные клиновидные костяные мотыги с поперечной постановкой рабочей части, пригодные для работы по поднимающейся уже почве. В пользу земледелия говорят также находки небольших зернотерок и отпечатки зерен пшеницы на фрагментах глиняной посуды.

О скотоводстве свидетельствуют находки костей крупного и мелкого рогатого скота, а также свиней. Все еще крупное значение сохраняет охота. Доказательством этого являются многочисленные кости оленя, дикого кабана, косули и др.

О развитии охоты на ранних этапах говорят также находки костяных наконечников стрел и дротиков, а на протяжении самчинской и савранской фаз — находки микролитических наконечников стрел ромбической формы.

Определенное место занимала и рыбная ловля. Указанием на последнюю являются находки костей рыб, например вырезуба, а также находки костяных блесен, крючков и особых ножей из эмали клыков кабана.

В состав производственного инвентаря, изготовлявшегося из кремня, помимо упоминавшихся выше наконечников стрел, входят также микролитические пластинки, округлые скребки из отщепов, а также обычные трапеции.

Две первые фазы — скибинецкая и соколецкая — характеризуются преобладанием глубоких шиподонных или остродонных сосудов, украшенных сложным криволинейным проглаживанием, а также врезным зигзаговым орнаментом. Третья фаза — печерская — характеризуется преобладанием плоскодонных сосудов, а также появлением лощеных чашек и кубков, сходных с шаховыми южноевропейской, старчевской и керешской культур³. Самчинскую фазу характеризует вторичное распространение остродонной посуды — горшков и мисок, украшенных врезным, линейным и (чаще) гребенчатым орнаментом, что можно объяснить проникновением на Южный Буг части населения так называемой днепродонецкой культуры, обитавшего до этого, скорее всего, в припятской части днепровского бассейна.

Савранская фаза в отношении глиняной посуды характеризуется восстановлением ряда черт культуры предшествующей поры — снова распространяются плоскодонные сосуды, украшенные линейнопроглаженным орнаментом. На основании южноевропейских аналогий третья (печерская) фаза, синхронизирующаяся с керешской и старчевской культурами, должна быть отнесена к первой половине V тысячелетия до н. э. Следующая (самчинская) фаза на основании находок остатков, попавших сюда в качестве импорта средневропейской посуды, украшенной линейно-нотным орнаментом, должна датироваться концом V тысячелетия до н. э.

Хронологическое положение двух первых фаз — скибинецкой и соколецкой — определяется тем, что они древнее названных выше южноевропейских культур — старчевской и керешской — и относятся, по меньшей мере, к VI тысячелетию до н. э. Определяется и хронологическое положение последней (савранской) фазы бугской культуры. Принимая во внимание изложенное выше, хронологически эту фазу следует определить как начало IV тысячелетия до н. э.

³ J. Kutzian, *The Körös culture. I, II. Dissertationes Panonicae II*, 23, Budapest, 1944; D. Arandjelovič-Garašani, *Starčevačka kultura*, Ljubljana, 1954.

Несмотря на то что работы экспедиции, направленные на изучение трипольских памятников в очерченном выше районе, были значительно меньшими по масштабу, чем работы на неолитических памятниках, при изучении этих памятников был также получен значительный фактический материал, что в первую очередь объясняется особенностями самих трипольских памятников, всегда изобилующих находками.

В связи с тем что работы экспедиции ограничивались в основном долинами рек, в поле зрения экспедиции главным образом попадали раннетрипольские памятники. Представлялось целесообразным изучать эти памятники в направлении периодизации раннего триполья, что, в частности, необходимо для выяснения того наиболее архаического звена трипольской культуры, которое теснее других смыкалось с местной неолитической культурой.

В настоящее время в средней части Южнобугского бассейна наилучше изучены памятники типа Сабатиновки II⁴ и Сабатиновки I⁵. Памятники последней группы на основании находок импортной полихромной керамики типа Кукутени А относятся к последней четверти IV тысячелетия до н. э. К ним близки памятники типа Борисовки⁶ и менее близки — типа Греновки⁷, что разрешает хронологически поместить их между трипольскими памятниками старшего и младшего сабатиновского типов.

На основании приведенных выше соображений открытые на Южном Буге раннетрипольские памятники следует разместить в такой хронологической последовательности: Сабатиновка II, Греновка, Борисовка, которые относятся к раннему триполью (А₁₋₃), а также Сабатиновка I, правильно отнесенная Т. С. Пассек к началу развитого триполья⁸.

Все эти памятники имеют аналогии за пределами Южнобугского бассейна, в частности на среднем Днестре. Так, например, ясно, что памятники типа Сабатиновки II имеют аналогии в поселении Флорешть, типа Греновки — в известном поселении Лука-Врублевеккая или Ленковцы, типа Борисовки — в Поповом городе и, наконец, памятники типа Сабатиновки I — в Залещиках, Кудрищах и др. Вполне естественно, что как бугские, так и днестровские трипольские памятники имеют аналогии в Восточной Румынии. Перечисляем их в хронологической последовательности: для Сабатиновки II — Зэнэшьт, для Греновки — Извоар I₂, для Сабатиновки I — Кукутени А, Хэбэшьт. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этой части Румынии до сих пор неизвестны близкие аналогии для памятников типа Борисовки. Возможно, что это явление найдет объяснение в том, что здесь раньше, чем на Днестре, а тем более восточнее, сложились памятники вроде Кукутени А, характеризующиеся полихромной расписной керамикой.

В настоящем предварительном сообщении нет надобности разворачивать подробную аргументацию предлагаемого расчленения раннего триполья. В затрагиваемой связи лишь целесообразно подробнее остановиться на одном, но зато самом важном вопросе — на уточнении наиболее архаического, смежного с неолитом хронологического раздела триполья. Как уже отмечалось, примером именно таких памятников мы считаем

⁴ В. М. Даниленко, М. Л. Макаревич. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р.

⁵ А. В. Добровольський, Перше Сабатинівське поселення, АП, т. IV, К., 1952, стр. 78—88.

⁶ М. Біляшівський, Борисівське городище, сб. «Трипільська культура на Україні», К., 1926, стр. 1 сл.

⁷ М. Л. Макаревич, Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури, АП, т. IV, К., 1952, стр. 82 сл.

⁸ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, М.—Л., 1949, № 18, стр. 47.

Сабастиновку II (оба строительных периода), а также исследовавшиеся в самом последнем времени поселения у с. Чернятка, г. Гайворон и др.

Несмотря на то, что для этого времени известны наземные жилища с глинобитными основаниями (Сабастиновка II — второй строительный

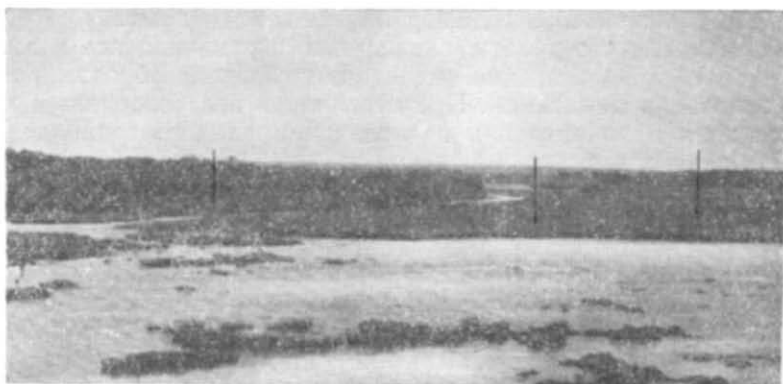

Рис. 1. Общий вид о-ва Полижок («Железный») с юга. Стрелками показаны места раскопок.

период, Александровка), следует считать установленным, что для этой фазы более типичны небольшие, слегка углубленные в землю жилища с каменными очагами. Подчеркиваем, что подобные жилища отмечались и для савранской фазы местной неолитической культуры.

Рис. 2. Железоплавильный горн раннеславянского времени с о-ва Полижок.

Второй характерной чертой, присущей памятникам сабастиновского времени, является подлинный микролитизм кремневых орудий. В комплекс последних входят небольшие ножевидные пластинки, округлые скребки из отщепов, а также наконечники стрел ромбической формы.

Следующим важным направлением работы Бугской экспедиции, как указывалось, является изучение раннеславянских памятников V—VIII вв. н. э. Поселения этого времени находятся в тех же топографических условиях, что и неолитические поселения — на надпойме и на островах надпойменной уровня. При раскопках поселений у сел Семенки, Скибинцы, Самчинцы, Солгутово, Чернятка, Торговица, хут. Коржов и других было вскрыто около 8000 м².

Следует отметить, что названные выше памятники, будучи несомненно славянскими, не отражают процесса эволюционирования какого-то единого типа раннеславянской культуры. С достаточной очевидностью эти памятники, относящиеся к трем столетиям, распадаются не менее чем на три культурно-хронологических типа раннеславянской культуры.

Особенно интересен открытый на острове между Солгутовом и Гайвороном древний железоделательный поселок, относящийся к VI—VII вв. н. э. (рис. 1). Здесь, в пяти местах прибрежной полосы обширного острова (1 км × 350 м), было открыто 5 больших и 17 малых железопла-

вильных печей. Большие, вероятно агломерационные, печи представлены овальными глинобитными подами диаметром до 1,5 м. На прилегающих участках найдены куски болотной железной руды. Малые, сопровождающиеся крицей и шлаками, печи представлены топками, опущенными в грунт на глубину до 30 см при диаметре 30—40 см, и глиняными колошниками того же диаметра, достигавшими в сохранившейся части 60—80 см. На задних стенках колошников, несколько ниже середины их высоты, прослеживались дутьевые, направленные книзу отверстия (рис. 2).

Важно подчеркнуть, что плавильные печи находились в особых производственных дворах. Об этом разрешают судить следы одинаковых или спаренных канав, в которых помещались столбы ограждения.

В процессе дальнейшей работы экспедиции все три определенные выше направления работы несомненно сохранят свое значение. Однако уже в настоящее время ясно, что программа археологических исследований на Южном Буге должна быть расширена. Так, например, вполне очевидна необходимость организовать работы по выявлению и изучению памятников бронзового века, по изучению ранней и поздней античности, а также наладить изучение памятников собственно древнерусских. Изучение южнобугских памятников будет содействовать значительному обогащению советской археологической науки.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К СВЕДЕНИЯМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ О СМЕРДАХ И ЗАКУПАХ

В. И. ДОВЖЕНОК

Проблема древнерусского крестьянства занимает в советской исторической и археологической науке одно из первых мест¹. Однако до настоящего времени еще слабо изучена хозяйственная жизнь и имущественное положение таких категорий непосредственных производителей древней Руси, как смерды и закупы.

Единственным видом источников по данной проблеме долгое время были письменные свидетельства, в которых, как известно, очень слабо отражена хозяйственная жизнь древнерусской деревни домонгольского периода. Археологические памятники, восполняющие во многих отношениях недостаток письменных документов, привлекались для освещения хозяйственного и экономического положения сельского населения явно недостаточно. А между тем раскопки и разведки древнерусских городищ и селищ² представляют такой материал, который способен осветить жизнь деревни более ярко и убедительно, чем это могут сделать самые красноречивые страницы литературных памятников. К тому же научная важность проблемы обязует нас использовать даже самую малую возможность, чтобы продвигаться вперед в направлении ее решения.

Местом жительства древнерусского крестьянина-смерда были укрепленные сельские поселения. Они обыкновенно располагались вдоль рек или ручьев на пологих удобных для поселения берегах, вблизи ровных и удобных для возделывания земель. Границами селищ почти всегда служили какие-либо естественные рубежи — реки, ручьи, овраги и всхолмления. Размеры селищ различны. Самые малые имеют площадь около 0,5 га, крупные достигают площади до 10 га и больше. Как малые, так и большие поселения известны в разных районах Руси, но можно заметить, что большие селища встречаются преимущественно на юге, тогда как на севере преобладают селища, не превышающие 2 га. В этом,

¹ Б. Д. Греков, Киевская Русь, М., 1953; его же, Крестьяне на Руси, М.—Л., 1946; Н. М. Тихомиров, Крестьянские и городские восстания на Руси в XI—XIII вв., М., 1955; С. В. Юшков, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М.—Л., 1939.

² В. К. Гончаров, Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. АП, т. I, К., 1949, стр. 31; В. И. Довженко, Селища и городища на Руси и Руссава, КСИИМК, вып. 5, К., 1955, стр. 51; М. Ю. Брайтчевський, Слов'янські пам'ятки Середнього Поросся, АП, т. III, К., 1952, стр. 58; Г. Б. Федоров, Работы Славяно-Днестровской экспедиции, КСИИМК, вып. XLIV, М., 1952, стр. 85—86; А. В. Успенская, М. В. Фехнер, Поселения древней Руси; Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., «Труды ГИМ», вып. 32, М., 1956, стр. 14—15; А. В. Седов, Первые результаты археологического изучения русской деревни Смоленской земли, сб. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. 2, Смоленск, 1957, стр. 283.

очевидно, сказалась разница в условиях хозяйства, существовавшая между южными и северными районами древней Руси.

Археологические раскопки древнерусских селищ, в том числе возле Райковецкого городища³ на р. Гнилопяти, у бывшего с. Кичкас⁴ на Днепре, на территории Днепрогеса им. В. И. Ленина, в с. Сахновка⁵ на р. Роси, возле д. Лебедки⁶ на притоке Оки р. Цоне и в других пунктах, позволяют составить более или менее конкретное представление о хозяйстве смердов.

Во время раскопок селища возле Девич-горы в с. Сахновка было открыто 32 жилища-землянки размерами от 15 до 20 м², глубиной до 1,5 м. В одном из них найдены лемех, коса, топор, жернова, два рыболовных крючка, грузило от сетей и другие бытовые предметы. В другом жилище найдены две косы, топор, наконечники стрел. В третьем — наральник, две косы и два ключа. В четвертом — лемех, два чересла, коса и набор кузнечных инструментов (две наковальни, молоток и клещи): обитатель этого жилища, видимо, являлся сельским кузнецом⁷. Несомненно, что эти и подобные им жилища принадлежали смердам, а обнаруженный в них инвентарь характеризует хозяйство и быт смердов.

Значительный интерес представляет найденный на Княжей горе клад, в состав которого входили: наральник, серп, долото, стамески и некоторые другие вещи⁸. Предметы были завернуты в тряпку и, вероятно, принесены в укрепление жителем одного из близлежащих поселений во время военной опасности, где владелец этих вещей стремился укрыться сам и сохранить свой рабочий инвентарь, представлявший для него большую ценность. Но городище было захвачено и разгромлено врагом. Возможно, при этом погиб и владелец принесенных сюда орудий. Такое предположение вполне естественно, так как в укрепленном дворе феодала, каким являлось городище на Княжей горе, в военное время собирались не только постоянные его обитатели, но и жители окрестных сел, которые искали здесь убежища и одновременно участвовали в защите замка в качестве военной силы, набираемой из народа.

Археологические данные о смердах, полученные в результате раскопок селищ, согласуются с показаниями письменных источников. Напомним свидетельство летописи о дискуссии на съезде князей у Долобского озера под Киевом в 1103 г., где упоминалось и об имуществе смерда, состоявшем из роля, коня, гумна и другого «имения», под которым нужно понимать прежде всего орудия труда⁹. Легко можно представить себе, что в жилищах, открытых на древнерусских селищах, проживали именно те смерды, о которых шла речь на Долобском съезде.

Смерд выступает перед нами как самостоятельный производитель, ведущий свое хозяйство и владеющий необходимыми для земледелия средствами производства. Такое хозяйство древнерусские письменные источники называют двором, или дымом. Совокупность хозяйственных дворов смердов составляла территориальную сельскую общину — вервь, или мир, которой соответствуют, очевидно, группы близких селищ. В сельские общины кроме индивидуальных хозяйств-дымов входили, нужно думать, и коллективные хозяйства патриархальных семейств. Однако следы хозяйства патриархальных семейных общин, несомненно су-

³ В. К. Гончаров, указ. соч., стр. 31.

⁴ П. Смолічев, Археологічні розкопи на терені Дніпрельстану, в с. Кічкасі, Запорізької округи, у вересні—жовтні р. 1927, «Зб. Дніпропетровського крайового історико-археологічного музею», т. 1, Дніпропетровськ, 1929, стр. 167.

⁵ О раскопках В. Гезе в Сахновке, архив ИА АН СССР в Ленинграде, д. 65/1901.

⁶ Т. Н. Никольская, Древнерусские селища. Лебедка, СА, 1957, № 3, стр. 76.

⁷ О раскопках В. Гезе в Сахновке.

⁸ Н. Беляшевский, Раскопки на Княжей горе в 1891 г., К., 1892, стр. 16.

⁹ «Повесть временных лет», М.—Л., 1950, ч. 1, стр. 183.

ществовавшего в эпоху Киевской Руси, в известных ныне археологических памятниках не прослеживаются.

Из состава археологических находок, имеющих отношение к хозяйству смердов, особый интерес представляют земледельческие орудия, которые в какой-то степени позволяют определить объем земледельческого производства в хозяйстве-думе.

Для различных видов обработки земли, в зависимости от естественного географических условий и характера почвы, древнерусский крестьянин пользовался простейшим узколопастным ралом без полоза, более усовершенствованным широколопастным ралом с полозом, плугом, подрезающим и опрокидывающим пласт почвы, простейшими однозубой и многозубой сохами и более усовершенствованной двузубой сохой. Древнерусские источники не оставили сведений о производительности этих орудий, но нам известна производительность простейших земледельческих орудий в XVII и в XIX вв., в конструктивном отношении лишь немногим отличавшихся от древнерусских. Рутинное состояние земледельческой техники характерно для всей эпохи феодализма¹⁰. Крестьянин в XVII в. в России и в XIX в. на Украине обрабатывал за один день с помощью своих орудий около 1/5 десятины¹¹. Очевидно, близкую к этой площади мог обработать за день и древнерусский смерд.

Исходя из производительности земледельческих орудий, нетрудно установить приблизительно ту площадь, которую обрабатывало домохозяйство смерда, имеющее один плуг и тягло. Известно, что весенний и осенний циклы полевых работ продолжаются около двух месяцев. Из них не менее двух третей времени — около 40 дней крестьянин затрачивает на пахоту. Таким образом, древнерусский смерд, работая с плугом или сохой около 40 дней в году и вспахивая по 1/5 десятины в день, мог обработать за год около 8 десятин.

Такая площадь соответствовала единице земельной меры, известной в древнерусских источниках под названием плуга. В древности на Руси, как, впрочем, и в других странах, обрабатываемая земля измерялась не единицей площади, а количеством труда, необходимого для ее обработки. Плуг представлял собой меру земли, которую хозяйство обрабатывало с помощью этого орудия в течение одного года. Об этом говорит и само название мер — плуг, рало, а позже — соха и сошка. У западных славян плугом также называлось крестьянское хозяйство, владеющее количеством скота, необходимого для обслуживания одного плуга, и количеством земли, которую можно было обработать этим орудием¹².

В площадь плуга входила и та часть земли, которая в данном году не обрабатывалась, а находилась под паром. Таким образом, в хозяйстве, где ежегодно обрабатывалось и засевалось 8 десятин, при двухпольной системе всего должно быть около 16 десятин земли, а при трехпольной — около 12 десятин. Эта площадь земли, очевидно, и являлась в эпоху Киевской Руси нормой землепользования крестьянского хозяйства-думы, обеспеченного всеми необходимыми для земледелия средствами производства.

Но это, так сказать, идеальная производственная возможность. В действительности же много хозяйств таких возможностей не имело. Норма землепользования в хозяйстве смерда лимитировалась наличием, прежде всего, самой земли, которую часто отбирали феодалы, затем наличием рабочего времени, часть которого смерды обязаны были отдавать хозяйству феодала, и, наконец, наличием рабочих рук, скота и орудий труда. Существовало много хозяйств, в которых пахотной земли

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 159.

¹¹ С. Струмиллин, К истории земледельческого труда в России, журн. «Вопросы экономики», 1949, № 2, стр. 56; Киевский областной исторический архив, ф. 11, д. № 13, 1855.

¹² Б. Д. Греков, Киевская Русь, стр. 40.

было менее плуга. Это прежде всего такие хозяйства, которые были обременены феодалу отработочной рентой. Земельная площадь их измерялась более мелкой мерой, какой являлось рало.

Можно попытаться определить приблизительное количество зерна, собираемого с площади одного плуга. Для этого воспользуемся сведениями, которые имеются в дополнительных статьях к Карамзинскому списку «Русской Правды», где определяется урожай в копнах с площади двух плугов за 12 лет. По этим данным, на площади одного плуга за год собирали 50 копен ржи¹³. Акад. С. Г. Струмилин, исходя из данных дополнительных статей «Русской Правды» о количестве копен, собираемых с площади одного плуга, учитывая сведения несколько позднейших источников об умолоте и принимая площадь плуга за 16 десятин, считает, что урожайность в древней Руси домонгольского времени, конкретно в Ростово-Суздальской земле, составляла 26 пудов с десятины и определялась «очень скромной нормой — сам третий»¹⁴.

Нам думается, что в вычислениях С. Г. Струмилина допущена ошибка, в результате которой урожайность в древней Руси очень занижена. Урожай с плуга он делил на число десятин всей площади плуга, тогда как нужно учитывать только ту часть, с которой собирается урожай в данном году, т. е. без парового поля. При последних расчетах урожайность должна быть в полтора или два раза выше той, о которой говорит С. Г. Струмилин, и выражаться в 40—50 пудах с одной десятины. Такая урожайность, между прочим, соответствует или чуть ниже урожайности центральных районов России в XVI в.¹⁵

Заметим, что при такой низкой урожайности, какую предполагает С. Г. Струмилин для эпохи Киевской Руси, невозможным было бы даже простое воспроизводство в земледелии, так как собираемого зерна в этом случае не хватало бы для прокормления семьи и для расходов, связанных с ведением хозяйства — обсеменением, содержанием скота и т. п.

Хозяйство-дым смерда, если его землепользование равнялось площади одного плуга, заседало ежегодно около 8 десятин (из которых 4 были заняты под озимыми и 4 — под яровыми). При урожайности озимых (ржи) по 40—50 пудов с десятины оно могло собирать ежегодно по 160—200 пудов озимого хлеба. Хозяйство собирало приблизительно такое же количество других культур с ярового поля.

Основная часть урожая крестьянского хозяйства шла на обеспечение натуральных потребностей смерда и его семьи. Крестьянская семья в эпоху Киевской Руси, по аналогии с крестьянской семьей позднейшего периода, состояла, очевидно, в среднем из 7 душ¹⁶. Полагая на душу 20 пудов озимого и ярового хлеба, что равняется норме потребления в крестьянских семьях XIX в.¹⁷, получим, что семья смерда расходовала в среднем на питание 140 пудов хлеба в год. Для обсеменения полей на площади одного плуга шло около 70 пудов, считая за норму высева 8 пудов на десятину. Какая-то часть урожая расходовалась на приобретение недостающего инвентаря и содержание скота. В целом для обеспечения натуральных потребностей и на простое воспроизводство древнерусский крестьянин расходовал более двух третей урожая. Остальная часть, составляющая менее одной трети, представляла собой прибавочный продукт крестьянского хозяйства. Эта часть давала возможность

¹³ «Памятники русского права», М., 1951, стр. 209.

¹⁴ С. Струмилин, указ. соч., стр. 50.

¹⁵ Н. Рожков, Сельское хозяйство в Московской Руси в XVI в., «Ученые записки МГУ», вып. 26, М., 1899, стр. 55—57.

¹⁶ Л. Н. Мерес, Производство и потребление хлеба в крестьянском хозяйстве, сб. «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», т. I, СПб., 1897, стр. 74.

¹⁷ Там же, стр. 70.

нести феодальные повинности и осуществлять в какой-то мере возможное при феодализме расширенное воспроизводство.

Уровень производительности труда в земледелии, дававший возможность получать прибавочный продукт, стимулировал феодалов-землевладельцев заводить собственные барские хозяйства.

Здесь мы подходим к вопросу о другой группе древнерусского земледельческого населения, известного под именем закупов, жизнь и деятельность которых была связана с феодальным хозяйством.

Центрами феодальных хозяйств в эпоху Киевской Руси были укрепленные феодальные дворы-замки, именуемые в источниках градами. По данным археологии, укрепленные древние русские городища-замки расположены обычно в окружении большого количества неукрепленных селищ, находящихся в непосредственной близости от укреплений. Городища всегда расположены на высоких местах, защищенных естественными рубежами, на стрелке при впадении ручья в реку или же на мысу высокого берега между оврагами. Их искусственные укрепления бывают грандиозны и свидетельствуют об огромном количестве труда, затраченного на их сооружение.

Городища-замки отличались небольшими размерами, в среднем не более нескольких тысяч квадратных метров, и редко превышали полгектара. На такой площади могло разместиться только одно хозяйство самого феодала. Внутренняя планировка площади была подчинена хозяйственным потребностям феодального двора. Характерной чертой ее является размещение всех помещений по кругу параллельно линии вала и связь помещений с оборонительной линией городища. При такой системе все постройки составляли единый комплекс фортификационных жилищ и хозяйственных сооружений. Заметим, что такие же черты присущи и средневековым замкам Западной Европы¹⁸.

Многие из таких городищ подвергались археологическим раскопкам. Обнаруженные предметы отражают разные стороны жизни населения. При этом частыми находками являются земледельческие орудия, а также зерна культурных растений. На Княжей горе найдены лемехи и чересла от 6 плугов, несколько наральников, 3 заступа, 3 кирки, около 20 мотыг, 18 серпов, 5 кос, зерна ржи, проса, гречихи и овса¹⁹. На Девич-горе найдено 7 наральников и лемехов, 8 кос и 4 серпа²⁰. Большое число земледельческих орудий происходит из Райковецкого городища, среди них 4 лемеха и чересла, 13 широколопастных наральников и 5 узколопастных наральников, 113 серпов, 32 косы, 6 лопат; найдены в большом количестве зерна пшеницы, ржи, ячменя, гороха, конопли, мака, горчицы, кользы, встречены зерна огурцов²¹. Из Колодяжинского городища происходят 4 наральника и лемеха, 8 серпов, 21 коса, 3 лопаты и в значительных количествах зерна пшеницы, ржи, ячменя, гороха, проса, конопли и мака²². Из Городского городища известно 3 наральника, 4 серпа, 1 коса и 1 лопата²³. Раскопки городища у с. Городища возле г. Шепетовки в 1957—1958 гг. дали 16 экземпляров почвообрабатывающих орудий — лемехов и наральников, 170 серпов, 76 кос, 32 лопаты, большое количество зерна пшеницы, ржи, овса, проса и гороха. В раскопках 1959—1960 гг. также оказалось много земледельческих орудий и зерна²⁴.

¹⁸ «Агрικультура в памятниках западного средневековья», М.—Л., 1936, стр. 107.

¹⁹ Н. Беляшевский, указ. соч., стр. 32—33.

²⁰ О раскопках В. Гезе в Сахновке.

²¹ В. К. Гончаров, Райковецкое городище, К., 1950, стр. 144—146.

²² Р. А. Юра, Древний Колодяжин (Автореферат кандидатской диссертации), К., 1955, стр. 9.

²³ А. Дмитревська, Звіт Городської експедиції 1946 р., АП, т. I, К., 1949; фонды ИА АН УССР.

²⁴ А. М. Каргер, Отчеты о раскопках Галицко-Волинской экспедиции в 1957 и 1958 гг. (архив ИА АН УССР).

Приведенные данные достаточно убедительно показывают, что феодальные дворы на городищах были центрами земледельческих хозяйств и что земледелие было основной отраслью занятий жителей этих городищ.

Феодальное хозяйство было основано на труде зависимого населения. В нем работали и смерды, но смерды не принадлежали к числу населения, которое проживало на феодальном дворе. Это, как мы видели, были жители сел, владеющие своим хозяйством, которые отбывали феодальные повинности в форме отработок или в форме натуральной дани.

На феодальном дворе, как известно, постоянно проживали рабы. Но их роль в производстве была ограниченной, их труд применялся преимущественно в домашних работах по обслуживанию быта феодала.

Жителями феодального двора была также категория феодально зависимого населения, лишенного собственного хозяйства и работавшего в хозяйстве феодала. К ним относятся ремесленники, рядовичи и закупы. «Русская Правда» называет закупа ролейными закупам, что указывает на их роль в земледельческом производстве.

Кроме трудового населения, работающего в феодальном хозяйстве, на феодальном дворе проживали представители господствующего класса — землевладелец-феодал, собственник хозяйства, члены его семьи, его тиуны и другие лица, составлявшие аппарат феодального господства.

Социальный состав населения феодального двора нашел отражение в материалах древнерусских городищ, прежде всего в планировке построек, в характере инвентаря, находимого в помещениях и в размещении его. В настоящее время известно несколько городищ, имеющих общие принципы планировки и сходный набор инвентаря. Это, в частности, Райковецкое, Колодяжинское, Городское, городище у с. Городища возле г. Шепетовки и некоторые другие.

Наиболее полно социальный состав населения феодального двора отражен в материалах известного Райковецкого городища, исследованного полностью.

На Райковецком городище раскрыто 23 жилищно-хозяйственных комплекса, которые располагались вдоль вала по кругу. Они состояли из срубных жилищ и хозяйственных помещений, поставленных в ряд и перекрытых насыпью вала.

В центре находились полуземлянки преимущественно производственного значения и загон для скота, в котором стояло сено в стогах. За валом и рвом, вне укрепленной площадки, находились железоплавильные и гончарные горны.

В жилищах, где проживали, видимо, отдельные семьи, встречались более или менее одинаковые вещи: орудия труда, предметы домашнего обихода, недорогие украшения и запасы продуктов; количество их в каждом из жилищ примерно одинаково. Все это говорит о том, что жившее здесь население принадлежало в основном к трудящимся слоям древнерусского общества. Земледельческие орудия, встретившиеся в большинстве жилищно-хозяйственных комплексов, указывают, что это были преимущественно земледельцы.

Лишь одно жилище на городище выделялось по своему устройству и инвентарю. Здесь были найдены меч, шлем и булава, которая, судя по богатой ornamentации, являлась скорее символом власти, нежели оружием. Владелец этого жилища был более богат, чем остальные жители. Здесь оказались: медная посуда, остатки парчовой одежды, серебряные украшения и более значительные, чем в других жилищах, запасы продуктов. Очевидно, это жилище принадлежало лицу, стоявшему во главе хозяйства. Однако это, видимо, не был феодал — соб-

ственник замка, постоянное пребывание которого должно было бы оставить более ясные следы в виде остатков особых помещений или же дорогих украшений, как это наблюдалось на Княжьей горе и Девич-горе. Наиболее правдоподобным будет предположение, что во главе хозяйства, центром которого было Райковецкое городище, стоял наместник одного из древнерусских князей — тиун, который от имени князя осуществлял руководство хозяйством и власть над подданными.

Кроме тиуна на городище жили и другие лица, составляющие вотчинную администрацию. Очевидно, им принадлежали некоторые более ценные предметы: серебряные шейные гривны, колт, змеевик и другие, а также оружие (мечи и сабли), составляющее вооружение представителей господствующего класса и профессиональных воинов.

В военное время тиун и другие представители вотчинной администрации осуществляли военную власть и командовали войсками, набравшимися из тех же подданных. Войскам принадлежала, видимо, часть маскового оружия, найденного в значительном числе на Райковецком городище. Это вполне естественно, если учесть, что городище погибло в военное время.

Жилище и хозяйственные помещения на Райковецком городище составляли в конструктивном отношении одно целое с оборонительными постройками, строились одновременно с ними и по единому плану. Такая особенность планировки не позволяет думать, что эти помещения принадлежали смердам. Последние являлись самостоятельными производителями, вели свое собственное обособленное хозяйство и проживали в отдельных дворах. Хозяйственная самостоятельность смердов предполагает также индивидуальное содержание скота, а между тем на Райковецком городище существовал общий скотный двор, где находились общие запасы сена. Наиболее естественно усматривать в земледельческом населении Райковецкого городища другую группу крестьянства древней Руси, а именно закупов.

Условиям жизни земледельческого населения древнерусских городищ, выступающим наиболее отчетливо в материалах Райковецкого городища, вполне соответствует характеристика положения закупов, данная в «Уставе» Владимира Мономаха, который вошел в «Русскую Правду». По указаниям «Русской Правды», закуп работает в феодальном хозяйстве, господин дает ему плуг и борону, закуп отвечает за сохранность господских орудий; если плуг и борона пропадут по вине закупа, то он должен оплатить господину их стоимость, если же это случится во время отлучки закупа по делам господина, то закуп за пропажу не отвечает²⁵. Приведенная статья «Русской Правды» является красноречивым комментарием письменного источника к целой группе археологических памятников, какими являются древнерусские городища. В этом убеждают прежде всего земледельческие орудия, находимые на древнерусских городищах в жилищах или хозяйственных помещениях с небогатым инвентарем.

«Русская Правда» определяет обязанности закупов по наблюдению за господским скотом. Закуп должен запирают скот в господский хлев. Если скотина будет украдена не из хлева, то закуп несет за это ответственность. Если же кража произойдет из запертого хлева, то закуп ответственности не несет²⁶. Само собой разумеется, такие условия предполагали, что закуп должен постоянно находиться во дворе господина, то есть жить там.

Закуп пребывал в полной зависимости от господина, что приближало его к положению раба. Он и превращался в раба, если его ловили при попытке бежать от господина²⁷.

²⁵ «Правда Русская», т. I. М., Л., 1940, стр. 428.

²⁶ Там же, стр. 428.

²⁷ Там же, стр. 426.

«Русская Правда» предусматривает только два случая, когда закуп мог отлучиться из двора господина: 1) когда он шел к князю или судьям с жалобой на несправедливость действия своего господина; 2) когда он шел «искати кун», видимо, доставать деньги для выплаты господину своих долгов²⁸. Это еще раз подтверждает то, что закуп жил на феодальном дворе. Зависимое положение закупа очень ярко рисуют те статьи «Русской Правды», которые должны были ограничивать произвол над ним господина. Согласно этим статьям господин не имел права требовать от закупа больше той суммы, которую последний был должен²⁹, не имел права продать закупа в рабство³⁰, не имел права бить его в пьяном виде и без вины³¹. По смыслу этих статей закуп всегда находился под рукой у господина или административного лица феодального двора, т. е. он должен был жить на феодальном дворе.

Приведенные данные очень важны для исторической интерпретации археологических материалов, добываемых раскопками древнерусских городищ. Они не менее важны и потому, что помогают разобраться в скурых сведениях письменных источников о закупах. Эта категория населения, являющаяся предметом спора историков, приобретает реальную конкретность.

В заключение несколько слов об относительной производительности труда смерда в своем хозяйстве и закупа в хозяйстве феодала.

Закупы были достаточно многочисленной социальной группой древнерусского общества. Об этом говорит и то внимание, которое уделено ей в «Русской Правде», и число городищ, бывших центрами феодальных хозяйств, основанных в значительной степени на труде закупов. Роль закупов в феодальных хозяйствах, очевидно, увеличивалась в связи с усилением феодальной эксплуатации, когда часть производителей лишалась своего хозяйства и вынуждена была идти в кабалу к феодалу.

Но как феодальные хозяйства не являлись основными производственными ячейками хозяйства древней Руси, так и закупы не могли составлять основную группу производителей древнерусского общества. Главная роль в производстве принадлежала крестьянам-смердам, работающим в своих хозяйствах. Именно они обрабатывали основное количество земли, добывали основное количество продуктов и составляли основное число производителей. Подтверждением этому служит большое количество неукрепленных селищ, заселенных дворами смердов, на карте древнерусских поселений.

Но значение труда смердов в экономической жизни древней Руси определялось не только их численностью. В экономическом отношении труд крестьянина в своем хозяйстве был более прогрессивным, чем труд закупа в хозяйстве феодала. Только в крестьянском хозяйстве были заложены предпосылки роста производительности труда. В феодальном хозяйстве, которое обслуживалось подневольным трудом крепостных, у производителей не было стимулов изыскивать пути рационализации производства и увеличивать затраты труда. К. Маркс приводит по этому поводу такие соображения: «Предположим, напр., что барщинный труд на земельного собственника первоначально составлял два дня в неделю. Эти два дня барщинного труда в неделю, таким образом, прочно установились, являются постоянной величиной, законно урегулированной обычным или писаным правом. Но производительность остальных дней в неделю, которыми может располагать сам непосредственный производитель, есть величина переменная, которая необходи-

²⁸ «Правда Русская», стр. 426.

²⁹ Там же, стр. 428.

³⁰ Там же, стр. 430.

³¹ Там же.

мо развивается в процессе его опыта... Здесь дана возможность известного экономического развития...»³².

Крестьянин-смерд был заинтересован в усовершенствовании производства и увеличении напряженности своего труда в течение всего того времени, когда он работал в своем хозяйстве. Закуп, работающий в феодальном хозяйстве, лишен был всяких стимулов для повышения производительности труда. При феодальном способе производства экономический прогресс осуществлялся тем медленнее, чем большее число производителей работало в феодальном хозяйстве и чем большее количество рабочего времени они отдавали этому хозяйству. Барщинный труд был причиной рутинного состояния феодального производства.

В Киевской Руси основной формой производства было мелкое крестьянское хозяйство, обязанное феодалу натуральной рентой, причем смерд работал в своем хозяйстве все время. Это было причиной того сравнительно высокого уровня экономического развития, которого достигала домонгольская древняя Русь.

³² К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1953, стр. 806—807.

ОСТЕРСКИЙ ГОРОДОК

В. А. БОГУСЕВИЧ

Среди древнерусских городов-крепостей Среднего Приднепровья большое значение имел Остерский городок, сыгравший важную роль во время большой междукняжеской феодальной войны середины XII в. Он находился на полпути между Киевом и Черниговом, на р. Остре, неподалеку от впадения его в Десну, то есть поблизости от важнейшего водного пути между Киевом и Черниговом. Несмотря на то что остатки этой крепости сохранились до наших дней, сведения о ней в литературе отсутствуют. Все прежние работы о древностях Остерского городка сводились только к изучению находящихся на его территории остатков Михайловской божницы.

Первое упоминание об остерской крепости относится к 1098 г., под которым летопись сообщает о построении Владимиром Мономахом «города на Востри»¹. Владимир Мономах, княживший с 1094 по 1113 год в Переяславе (Хмельницком), учел выгодное стратегическое положение этого пункта, который, будучи северной крепостью Переяславского княжества, являлся как бы клином между Киевской и Черниговской землями².

От времени строительства Владимира Мономаха в Остерском городке сохранились руины небольшой каменной церкви, которую обычно считали постройкой Юрия Долгорукого, сделанной в 40-е годы XII в.³ В настоящее время выяснено, что для этого нет никаких оснований, так как памятник по своей строительной технике относится к концу XI в. и дату его постройки с наибольшей вероятностью следует приурочить к 1098 г.⁴ Стены этой каменной церквушки сложены техникой смешанной кладки, размеры кирпичей и значки на них особенно характерны для памятников черниговского зодчества и черниговского кирпичного производства конца XI в.

¹ «В се же лето заложи Володимер Мономах город на Вѣстри», «Летопись по Ипатскому списку», СПб., 1871, стр. 179.

² При обследовании территории и культурных слоев остерской крепости в октябре 1954 г. автором в различных местах внутри валов были найдены фрагменты кружальных глиняных горшков X—XI вв.

³ Н. Е. Макаренко, Древнейший памятник искусства Переяславского княжества, «Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой», Пг., 1916, стр. 403. Автор относил постройку Михайловской божницы ко времени между 1098—1152 гг. и предполагал, что она сооружена или Юрием Долгоруким или его отцом Владимиром Мономахом одновременно с устройством крепости в 1098 г. В более поздней работе Н. Е. Макаренко (М. Макаренко, Старогородська «божниця» та її малювання, «Чернігів і Північне Лівобережжя», 1928, стр. 206) было высказано совершенно определенное мнение автора о том, что остерская божница была выстроена не кем иным, как Юрием Долгоруким, между 1120 и 1152 гг.

⁴ М. К. Каргер, «Летская божница» Владимира Мономаха, КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 19.

Кирпичи остерской божницы имеют размеры $35 \times 28 \times 3$ см; $35 \times 27 \times 3$ см; $34 \times 27 \times 3$ см; $33 \times 27 \times 3,5$ см. На торцах некоторых из них есть рельефные знаки (рис. 1). К сожалению, изданные Н. Е. Макаренко рисунки этих знаков не соответствуют действительности⁵. В особенности это следует сказать о знаке в виде трилистника⁶, который Б. А. Рыбаков считал за знак Юрия Долгорукого⁷.

Подлинными знаками на кирпичах этой постройки представляют собой дугу, внутри которой отходит вертикальный стержень с развилкой или

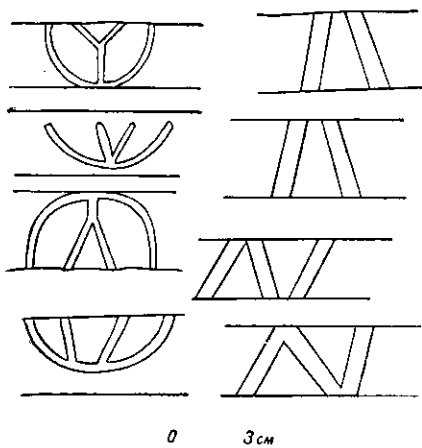

Рис. 1. Знаки на кирпичах остерской божницы XI в.

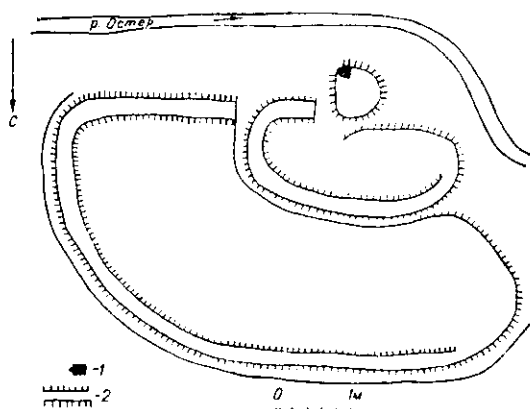

Рис. 2. Схема расположения детинца и валов остерской крепости XI—XII вв.

1 — Михайловская божница; 2 — вал и ров.

без развилки, а также дугу с двумя косо поставленными отростками. Реже встречаются знаки в виде двух или трех палочек, косо пересекающих торец кирпича (рис. 1).

Выбор места для постройки каменной Михайловской божницы довольно убедительно свидетельствует о том, что она являлась важным звеном в оборонительной линии крепости, построенной Владимиром Мономахом в 1098 г.

Остерская божница, представляющая в плане небольшое прямоугольное здание (11×12 м)⁸, занимала юго-восточный угол оборонительной линии детинца, являясь как бы угловой башней, которая контролировала подступы к остерской крепости со стороны берега р. Остра⁹.

Как свидетельствует летопись, верх Михайловской церкви был нарублен деревом. Некоторые исследователи считают, что при наличии каменных сводов остерская божница имела деревянный церковный барабан или шатер (глухой, без световых отверстий)¹⁰.

⁵ Н. Е. Макаренко, Древнейший памятник искусства Переяславского княжества, стр. 402, рис. 18.

⁶ Там же, стр. 402, рис. 18, 1.

⁷ Б. А. Рыбаков, Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., СА, т. VI, 1940, рис. 66.

⁸ М. Константинович, Развалины Юрьевой божницы в с. Старогородке, журн. «Киевская старина», К., 1896, ноябрь. К статье приложены фото и план остатков Юрьевой божницы.

⁹ Отмеченное местоположение древней церкви в линии укреплений на самом краю городищенского холма вполне объясняет причины обвала южной стены памятника в конце XVIII в. Следует заметить, что остерская Михайловская божница до сих пор привлекала внимание исследователей как памятник древней архитектуры и живописи, а ее военно-оборонительное назначение и связь с крепостной стеной остерского детинца не подвергалась рассмотрению.

¹⁰ Н. Н. Воронин (см. Н. Н. Воронин, Зодчество Киевской Руси, «История русского искусства», т. I, М., 1953, стр. 146) считает, что сводчатое перекрытие остерской церкви было глухим (т. е. без светового отверстия барабана главы) и над сводом главы возвышался также глухой деревянный шатер.

Военно-оборонительное назначение этой церквушки заставляет нас выдвинуть другое толкование назначения ее нарубленного деревом верха. Мы считаем, что это была прямоугольная срубная башня, возможно, с шатровой крышей. С этой башни можно было вести обзор окрестностей. В случае военных действий у стен крепости с этой деревянной башни был удобен обстрел неприятеля из лука.

С запада и севера к церкви примыкала оборонительная стена, состоящая, очевидно, из деревянных клетей-городен.

В описании остерского замка 1552 г. говорится, что крепостная стена была образована 30—40 городнями¹¹. Известно, что на валах крепости Ярослава в Киеве (XI в.) стояли городни шириною 6 м. В городню по фасаду вала входило 2 клетки шириной в 3 м каждая¹². Если разметить двухклетные городни по периметру остерского детинца, включая каменную божницу и башни, тогда по этой линии разместилось бы не более 30 городен.

Неизвестно, имела ли остерская крепость Владимира Мономаха в конце XI в. несколько оборонительных линий. Однако ко времени непрерывных военных действий двух княжеских коалиций в 40-е годы XII в. Остерский городок представлял собой одну из самых сильных крепостей Среднего Приднепровья и являлся в течение ряда лет главной опорной базой Юрия Долгорукого в его борьбе за Киев и Переяслав. В это время Остерский городок имел уже три оборонительные линии.

В юго-западной части остерской крепости находился небольшой детинец с упомянутой каменной Михайловской божницей. Он располагался на невысоком (10 м) холме, поднимавшемся над поймой р. Остра, который протекал на расстоянии примерно 100 м от подножья к востоку и югу от детинца¹³.

Детинец остерской крепости XII в. представлял собой укрепленный княжеский двор. Можно предполагать, что с церковью-башней были тесно связаны княжеские дворцовые здания, по всей вероятности, примыкавшие к Михайловской божнице с запада и располагавшиеся вдоль южной стены детинца. Защищенный р. Остром и болотистой поймой с юга, детинец был с этой стороны труднодоступен. С северо-востока, севера и северо-запада он был прикрыт еще двумя укрепленными секторами. От оборонительных линий обоих этих секторов сохранились части мощных валов и больших рвов. Общая площадь Остерского городка, включая и оборонительные линии, составляла около 30 га. Из них детинец (первый сектор) занимал около 0,75 га, второй сектор — 4,2 га и третий сектор — около 25 га (рис. 2).

Вал второго сектора, непосредственно примыкающего к детинцу с севера, образует форму эллипса, вытянутого в направлении с запада на восток. Этот вал смыкался с оборонительной линией детинца у его северо-восточного угла. Отсюда он шел на протяжении 120 м на восток; далее поворачивал на север (на протяжении около 140 м) и затем на запад (на протяжении более 300 м) и далее на юг и юго-восток, подходя к северо-западной части холма детинца.

В этом месте находился въезд в детинец и второй сектор остерской крепости. Въезд в крепость был устроен в углублении, расположенном

¹¹ М. Н. Александрович, Остерский уезд, вып. I, ч. I, К., 1881, стр. 71.

¹² П. П. Єфіменко, В. А. Богусевич, Кріпость Ярослава Мудрого в Києві, «Вісник АН УРСР», 1952, № 12, стр. 40; П. А. Раппопорт, Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв., МИА, 1956, № 52, стр. 93, рис. 61.

¹³ Фото юго-восточного угла остерского детинца с руинами божницы см.: Н. Е. Макаренко, Древнейший памятник искусства Переяславского княжества, стр. 373, рис. 1; другие изображения остерской божницы см.: там же, стр. 381, рис. 2; стр. 382, рис. 3; стр. 383, рис. 4; стр. 384, рис. 5, табл. А; изображение остерской Михайловской церкви с видом на детинец с востока см.: М. Макаренко, Старогородська «божниця» та її малювання, стр. 207.

между северным склоном холма детинца и склоном южной части вала второго сектора крепости. В своей восточной части проезд образовывал развилку, южный конец которой вел в детинец, а северный являлся въездом во второй сектор крепости. Таким образом, въезд в обе части крепости был хорошо прикрыт и защищен укреплениями детинца и второй оборонительной линией остерской крепости. Безусловно, в западной части въезда существовали какие-то деревянные ворота.

Вал второго сектора остерской крепости лучше всего сохранился с северо-западной стороны. Прорытые здесь в недавнее время проезды

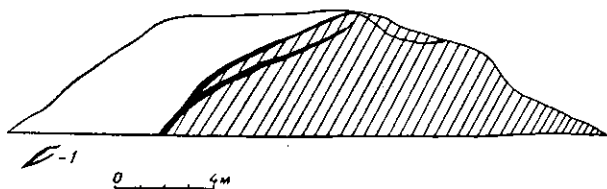

Рис. 3. Разрез вала второго сектора остерской крепости (вид с запада).

1 — слой обгорелого дерева в насыпи вала.

дают возможность исследовать разрез вала, который имеет сейчас до 4 м высоты и около 25 м ширины у основания. Ширина верхней площадки вала равна 10,5 м. В разрезе видно два горизонта насыпки вала. С наружной, обращенной на север, ко рву, стороны вал был досыпан. Более ранняя внутренняя часть вала и его позднейшая досыпка ясно разделяются мощным слоем горелого дерева, который залегает сейчас в валу, наклонно спускаясь от верхней его части в сторону рва. Горелый слой в валу, вероятно, является результатом пожара деревянных оборонительных сооружений, стоявших на валу в середине XII в. и сожженных в 1152 г. войсками князя Изяслава Мстиславича¹⁴ (рис. 3).

Отмеченную досыпку вала можно отнести, по-видимому, ко времени возобновления остерской крепости по распоряжению суздальского князя Всеволода Юрьевича в 1195 г.¹⁵ Здесь же у северной части вала второго сектора довольно хорошо виден древний ров, ширина которого около 16 м. Древняя глубина его пока не установлена. Сейчас его глубина не более 1 м.

Второй сектор укреплений имел очень важное значение в системе обороны и хозяйстве Остерского городка. Очевидно, на территории второго сектора проживала княжеская дружина, а также слуги и ремесленники, обслуживавшие княжеский двор.

Ко второму сектору остерской крепости с востока и севера примыкает третий, самый большой укрепленный сектор, занимающий территорию около 25 га. Он подковой охватывает укрепления второй линии. От укреплений третьего сектора в северной части сохранились остатки мощного вала. Перед валом проходит широкий ров до 20 м ширины.

Рассмотрение остатков остерской крепости показывает, что она в XII в. была одной из сильнейших городских крепостей Среднего Приднепровья, не уступавшей по своей мощности и своему стратегическому значению таким городам, как Белгород, Вышгород, Васильков и Триполье¹⁶.

Во время большой междукняжеской войны за обладание Киевом и Средним Приднепровьем остерская крепость играла чрезвычайно

¹⁴ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 308, 1152 г.

¹⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 173; т. VII, стр. 102.

¹⁶ В настоящее время на большей части территории остерской крепости XII в. находится с. Старогородка, непосредственно примыкающее с юго-запада к г. Остру, районному центру Черниговской области.

важную роль, как контрольный пункт на пути в Киев, Чернигов и Переяслав.

Значение остерской крепости прекрасно сознавали противники Юрия Долгорукого, которые, стремясь лишить его главной военной базы в Среднем Приднепровье, в 1152 г. взяли остерскую крепость и не только сожгли укрепления, но и вывели из города всех жителей. Об этом событии летописец сообщает: «И ту сдумавше разведоша городок Гюргев и пожгоша и, и божицю же святого Михаила, верх баше нарублен деревом, и то сторе»¹⁷. Действительно, после такого разгрома остерская крепость на несколько десятков лет потеряла свое боевое значение.

Известие о разорении остерской крепости в 1152 г. страшно разгневало Юрия Долгорукого, который, по словам летописца, заявил: «Оже есте мой Городец пожгли и божицю, то ся тому отъожгу противу»¹⁸.

Узнав о разорении остерской крепости, князь Юрий Долгорукий стал собирать войска и готовиться к походу в Среднее Приднепровье, грозя отомстить своим противникам огнем и мечом. «Якоже слышав Гюргий, оже Городец его развели и пожгли весь город, и тогда вздохнув от сердца и нача скупати воя»¹⁹.

Рассмотрение военных событий в Среднем Приднепровье в 40-х и 50-х годах XII в. вполне оправдывает то внимание, которое уделяла летопись Остерскому городку.

Еще в 1140 г. Всеволод Ольгович, ставши киевским князем и находясь во враждебных отношениях с Юрием Долгоруким, занял «Городец Вьстерьский»²⁰.

Во время большой междуусобной войны 1146—1154 гг. Остерский городок был важнейшей крепостью, которую обычно удерживал в своих руках Юрий Долгорукий. Его сын Глеб в 1147 г. занял этот город²¹ и предпринял отсюда наступление на Переяслав. Это нападение было отбито переяславским князем Мстиславом, сыном киевского князя Изяслава, который в свою очередь, видя угрозу для Киева и Переяслава со стороны остерской крепости, немедленно двинул туда войска, осадил ее и заставил Глеба просить мира.

В 1148 г. Глеб Юрьевич предпринял новую попытку овладеть Переяславом. Это наступление также было неудачным, и Глеб вновь бежал в Остерский городок, но не смог здесь удержаться и бежал в Чернигов²². Осенью того же, 1148, года в Остерском городке²³ происходило совещание князей — противников Юрия Долгорукого.

В 1149 г. военное счастье оказалось на стороне Юрия Долгорукого, которому удалось овладеть Переяславом и Киевом. Остерский городок вновь попадает в руки Юрия Долгорукого и в последующих военных действиях становится важнейшим его оплотом. Когда в том же, 1149, году Изяслав Мстиславич занимает Киев, Юрий Долгорукий со своими сыновьями бежит в остерскую крепость²⁴. В 1150 г. Юрий Долгорукий снова овладел Киевом, но опять был вытеснен Изяславом Мстиславичем и бежал в Остерский городок²⁵. Здесь весной 1151 г. произошло совещание Юрия Долгорукого со своими союзниками²⁶, после чего началось новое наступление на Киев.

¹⁷ «Летонись по Ипатскому списку», стр. 308, 1152 г.

¹⁸ Там же, стр. 314, 1152 г.

¹⁹ Там же, стр. 314, 1152 г.

²⁰ Там же, стр. 221, 1140 г.

²¹ Там же, стр. 253, 1147 г.

²² Там же, стр. 255, 256, 1148 г.

²³ Там же, стр. 257, 258.

²⁴ Там же, стр. 276, 277.

²⁵ Там же, стр. 280, 288.

²⁶ Там же, стр. 293.

Однако в ряде сражений под Киевом Юрий Долгорукий и его союзники потерпели серьезные поражения. Осенью 1151 г. Юрий Долгорукий вынужден был оставить Переяслав, дать обязательство отказаться от Киева и уйти в Суздальскую землю. С остатками своего войска он отошел в остерскую крепость, надеясь удержаться там и не отступить в Ростово-Суздальский край²⁷.

Боясь нового усиления Юрия Долгорукого, Изяслав Мстиславич со своими союзниками осадил Остерский городок. Под стенами остерской крепости много дней происходили сражения. Юрий Долгорукий вынужден был уйти в Суздальскую землю, отказаться от Переяслава, но оставил в Остерском городке своего сына Глеба²⁸. В 1152 г. Остерский городок был взят, разорен и сожжен противниками Юрия Долгорукого.

Таковы, отмеченные летописью, боевые эпизоды, связанные с Остерской крепостью в конце 40-х и начале 50-х годов XII в.

²⁷ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 306.

²⁸ Там же, стр. 307.

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ НА ДРЕВНЕРУССКОМ БРАСЛЕТЕ

В. П. ПЕТРОВ, М. Л. МАКАРЕВИЧ

Исследования в области древнерусской мифологии опираются, главным образом, на письменные источники. Гораздо меньше используется при этом изобразительное искусство, образы которого при внимательном изучении могут пополнить существующие представления по этому вопросу. В настоящей работе делается попытка анализа одного из изображений, помещенных на серебряном наручнике, опубликованном в 1915 г. Н. И. Петровым¹, а позднее А. С. Гушиным² и Б. А. Рыбаковым³. Как удалось выяснить, наручник входит в состав клада, найденного в 1903 г. в Киеве на территории Михайловского монастыря⁴.

Наручник шестиарочный, в один ярус, состоит из двух створок и обычно описывается как браслет «с гравированными изображениями игр скоморохов». По описанию Н. И. Петрова, «на браслете в 6-ти арочках изображены: 1 — гуслиар, 2 — грифон с змеем у ног; 3—4 — птица с женскими грудями; 5 — гладиатор с мечом и щитом и 6 — скоморох с длинными жгутами вместо ручных пальцев»⁵. Несколько иначе трактует эти изображения Б. А. Рыбаков. Он пишет о «плясунье с распущенными рукавами, воине и гуслиаре»⁶.

Следует полагать, что ни одно из изображений, помещенных на наручнике, не является случайным. Все они, очевидно, образуют единую смысловую композицию. Однако в данном случае нас интересует лишь один центральный, повторенный дважды, образ «птицы с женскими грудями». Согласно предположению Н. И. Петрова, это могла быть «райская птица Сирий или же славянская дева Обида с лебедиными крыльями»⁷ (рис. 1, 1).

Наличие крыльев дало повод говорить о птице. Между тем это, конечно, не так. На браслете изображена не птица, а некое фантастическое существо. Крылья представляют лишь один из атрибутов образа. На браслете изображены птичья голова в профиль, окаймленная как бы округлым нимбом, высоко поставленные крылья, ниже них симметрично раскинутые руки, с которыми композиционно увязаны сдвинутые несколько книзу женские груди. Нижняя часть изображения оформлена в виде двух пар симметрично расположенных волютообразных завитков с треугольным выступом внизу посередине.

¹ Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, К., 1915, вып. IV—V, стр. 19, табл. X, 1.

² А. С. Гушин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв., Л., 1936, стр. 53, 85.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 267, рис. 61.

⁴ Г. Ф. Корзухина. Русские клады, М.—Л., 1954, стр. 120—122, № 103, 29.

⁵ Н. И. Петров, указ. соч., стр. 18, прим. 2.

⁶ Б. А. Рыбаков, указ. соч., стр. 267.

⁷ Н. И. Петров, указ. соч., стр. 267.

Ясность в истолкование рисунка вносит его нижняя часть. Крылья и груди, элементарные признаки женщины и птицы, дополняются указанием на третье естество образа девы-птицы-змеи. Рисунок в нижней части восходит к формам, выработанным в декоративном искусстве Северного Причерноморья эллинистического времени. Речь идет о хорошо известных изображениях на каменном карнизе из Херсонеса⁸,

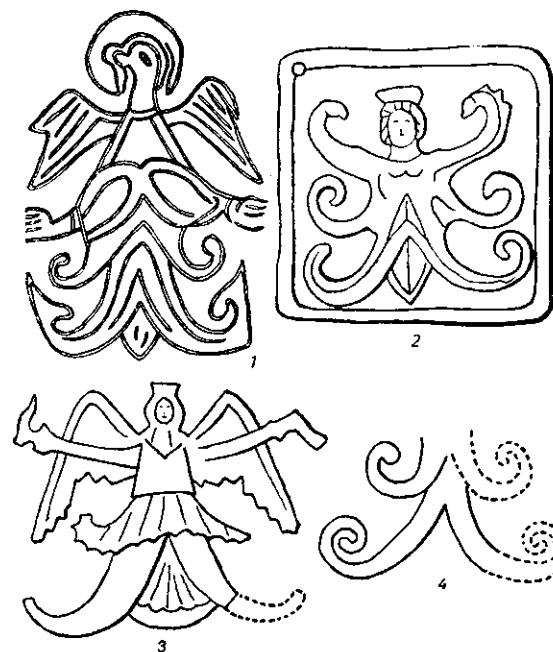

Рис. 1. Изображения фантастических существ.

1 — на наручнике из киевскогоклада 1903 г.; 2 — на золотой бляшке из станицы Елизаветинской; 3 — на сделанном из слоновой кости украшении саркофага из Б. Близицы; 4 — на каменном (известняковом) карнизе из Херсонеса.

на золотых нашивных бляшках из станицы Елизаветинской⁹, Керчи¹⁰ (рис. 1, 2—4), из кургана Большой Близицы (рис. 2, б)¹¹, из станицы Лабинской¹², на конском налобнике из Большой Цимбалки¹³ (рис. 2, 1), на саркофагах римского времени в Пантикапее¹⁴ и др.

На всех этих предметах изображена женщина с калатосом на голове, с обнаженной грудью и с крыльями. Тело женщины ниже бедер, начиная от лона, расходуется двумя змеиными или драконьими туловищами в виде дважды повторенных парных завитков, оканчивающихся змеиными головами, обращенными внутрь.

Древнерусский резчик-гравер, изготовивший наручник, внес значительные изменения в трактовку рук, груди и, в особенности, головы, но сохранил без изме-

нения крылья, парные завитки вместо ног, а также щиток внизу в центре. Нам известно значительное количество изображений змееной женщины в декоративном искусстве Северного Причерноморья эллинистического и римского времени, но неизвестен образец, с которого копировал древнерусский резчик.

Изображение змеиных завитков вместо ног на браслете ближе всего к рисунку на бляшке из станицы Елизаветинской. И там и здесь изображены не только парные завитки, но также и щиток внизу (рис. 1, 2).

⁸ Нижняя часть изображения змееной женщины (см.: ИАК, вып. 25, 1907, стр. 140, рис. 30).

⁹ Изображение крылатой женщины с змеиными ногами (см. ОАК за 1912 г., стр. 58, рис. 84).

¹⁰ То же из Б. Близицы (см. ОАК за 1866 г., атлас, т. 1, рис. 37).

¹¹ ОАК за 1865 г., атлас, табл. III, 4.

¹² Любопытен комплекс нашивных бляшек из станицы Лабинской с изображениями медузы, грифона, коней, львов, зайца (ОАК за 1909 и 1910 гг., стр. 214, рис. 245). Высказывая мнение, что «львиноголовые грифоны имеют непосредственное отношение» к «культу змееной богини», Д. Б. Шелов по поводу бляшек из Лабинской замечает, что «на золотых бляшках, изображающих змееное божество, крылья богини оканчиваются рогатыми головами этих грифонов» (Д. Б. Шелов, К вопросу о взаимодействиях греческих и местных культов в Северном Причерноморье, КСНИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 68, рис. 18, 5).

¹³ ОАК за 1868 г., стр. XV; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, СПб., 1889, стр. 115—116, рис. 99.

¹⁴ M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, Оксфорд, 1922, стр. 107—108, 130.

Близость рисунка говорит о преемственности этих, столь отдаленных во времени, образов, хотя связывающие звенья между ними от римской поры до Киевской Руси пока еще отсутствуют.

Изображения змееной женщины в искусстве скифского периода на золотых бляшках, гипсовых орнаментальных налечах саркофагов, конской збруе и проч. составляют важное дополнение к преданию о змееной прародительнице скифов, полудеве-полузмеи, известной по скифской генеалогической легенде Геродота¹⁵, а также более поздним сообщениям Диодора¹⁶ и Валерия Флакка¹⁷. Из этих данных следует, что местное население Поднепровья, скифы-сколоты и другие родственные им племена (агатирсы, гелоны и проч.), представляли свою праматерь в образе девы-змеи.

В этой связи, естественно, возникает вопрос, относится ли образ полудевы-полузмеи только к скифскому времени или же имеет более древние корни?

М. Ф. Болтенко первый обратил внимание на соответствие образа скифской девы-змеи со статуэтками трипольского времени. По поводу трипольских фигурок из раскопок И. Я. Стемиковского у с. Красногорки, близ Тирасполя, на нижнем Днестре, М. Ф. Болтенко писал: «Совершенно змеиный изгиб шеи в профиль такой фигурки заставляет нас вспомнить о змее-деве древнейших скифских этногенетических сказаний»¹⁸.

В идеологических воззрениях первобытнообщинной эпохи образ змеи, представления о женщине-змеи и женщине-рыбе занимают, как известно, видное место¹⁹. Совершенно понятно, что подобного рода представления возникают не сразу; точно так же они не могут исчезнуть мгновенно. Вот почему нас не должен смущать большой хронологический разрыв между трипольским и скифским временем. Извивающиеся змеиные туловища, часто переходящие в спираль, представляют, как известно, излюбленную тему в орнаментации сосудов трипольского времени.

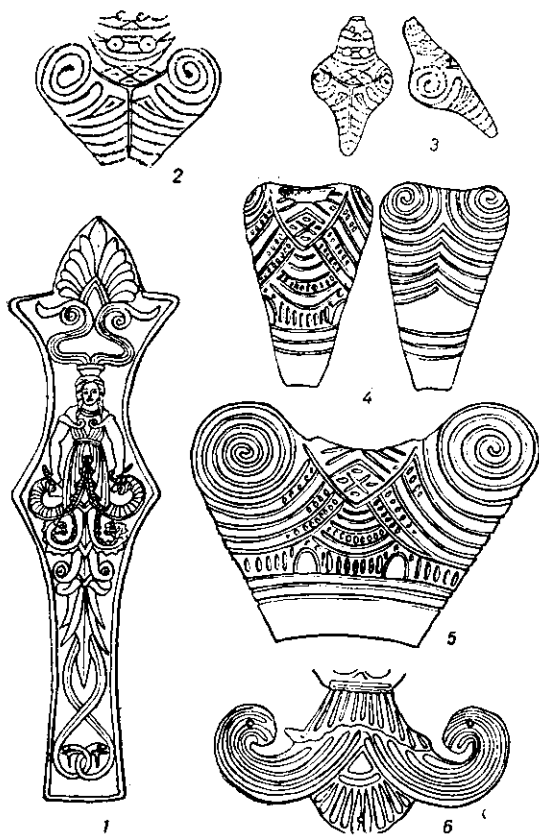

Рис. 2. Изображения на предметах скифской и трипольской культур.

1 — конский золотой налобник из Большой Цимбалки; 2 — развертка рисунка статуэтки из Сабатиновки II; 3 — статуэтка из трипольского поселения Сабатиновка II; 4 — статуэтка из трипольского поселения Сабатиновки I; 5 — развертка рисунка статуэтки из Сабатиновки I; 6 — нижняя часть бляшки из кургана Большая Близица.

¹⁵ Геродот, IV, 5—7, SC, т. I, стр. 12.

¹⁶ Там же, стр. 458.

¹⁷ Там же, т. II, стр. 207.

¹⁸ М. Ф. Болтенко, Стратиграфия и хронология Большого Куяльника, МАСП, вып. I, Одесса, 1957, стр. 28.

¹⁹ Э. Тейлор, Первобытная культура, М., 1939, стр. 407 и др.

Что касается змеиных изображений, перенесенных на женские статуэтки, то для выяснения затронутой нами темы целесообразно рассмотреть две глиняные фигурки из раскопок поселений в с. Сабатиновке на среднем Буге, относящихся к раннетрипольскому времени²⁰.

Поверхность статуэтки из поселения Сабатиновка II покрыта рисунком, выполненным красной краской по белому ангобу. Основным мотивом рисунка являются змеи. Головы их размещались почти в центре бедренных частей. Хвостовые части, спускаясь по ногам, упираются в лона статуэтки. Основная спираль, охватывающая голову змеи, подчеркивается на ногах рядом круговых линий (рис. 2, 2—3).

Статуэтки с подобного рода орнаментом, помимо Сабатиновки II, известны в Луке-Врублевещкой²¹, Ленковцах²², Александровке²³, Солончанах²⁴ и во многих других пунктах раннетрипольских поселений.

Статуэтка из культурного слоя первого Сабатиновского поселения²⁵ сохранилась в фрагментированном виде. От нее уцелела лишь нижняя часть длиной около 10 см. Покрывающий ее рисунок, выполненный техникой углубленных линий, представляет весьма эффектную и сложную композицию парных змей. На этом экземпляре хвостовые части змей сходятся у лона, а образовавшееся пространство заполняется горизонтально идущими дугообразными линиями, дополненными вертикально расположенными короткими отрезками (рис. 2, 5).

Развертка отмеченных орнаментальных мотивов и получаемая в результате композиционная схема показывают, что уже в трипольское время в области Поднепровья — Побужья устанавливается отчетливая связь изображения образа женщины (как родовой праматери) и змеи. Оба образа даются в тесном сочетании. Верхняя часть статуэтки представляет женщину, на нижнюю часть наносится рисунок парных змей (рис. 2, 2, 5).

Поскольку в трипольских статуэтках в большинстве случаев ноги формируются нерасчлененно, нам трудно решить вопрос, идет ли здесь речь о женщине с рисунком змеи, нанесенным на нижние конечности, начиная с ягодиц и бедер, или же о полуженщине-полузмее, т. е. женщине со змеиными ногами.

Ясность в этот вопрос для скифского времени вносит изображение змееной женщины на налобнике из Большой Цимбалки и на бляшках из кургана Большой Близницы²⁶ (рис. 2, 1, 6), которые не оставляют сомнения, что здесь изображена женщина-змея. В верхней части это — женщина, нижняя часть изображения трактована в виде двух змей или же символизирующих их спиральных завитков с загнутыми концами, обращенными к лону женщины.

Сходство композиционной схемы сабатиновской статуэтки и бляшки из Большой Близницы подчеркивается почти полным совпадением рисунка щитка. Сравнивая подобные щитки на бляшках из станицы Елизаветинской, из Керчи и других мест, мы также можем уловить отмеченное сходство композиционных схем (рис. 1, 2—3).

²⁰ М. Л. Макаревич. Среднебузья экспедиция по дослідженню пам'яток трипільської культури, АП, т. IV, 1952, стр. 89--95; его же, Статуэтки трипольского поселения в Сабатиновке II, КСИД, вып. 3, 1954, стр. 94.

²¹ С. Н. Бибииков. Поселение Лука-Врублевещкая, МИА, 1953, № 38, табл. 80.

²² Е. К. Червиш. Ранньотрипільське поселення Ленківці на середньому Дністрі, К., 1959.

²³ А. Л. Есипенко. Раннетрипольское поселение Александровка, МАСП, вып. 1, Одесса, 1957, стр. 20, табл. 1, 1.

²⁴ Т. Г. Мовша. Глинобитное жилище раннетрипольского поселения Солончаны I. «Известия Молдавского филиала АН СССР», № 5 (25), Кишинев, 1955.

²⁵ А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення, АП, т. IV, 1952, стр. 80, табл. I, 1.

²⁶ И. Толстой и Н. Кондаков. указ. соч., ОАК за 1865 г., атлас, табл. III, стр. 115, рис. 99.

Было бы преждевременно делать какие-либо окончательные выводы. И все же, несмотря на всю фрагментарность данных, приведенных в настоящем сообщении, мы получаем возможность установить следующее: 1) уже в раннетрипольское время вырабатывается канонический образ женщины, у которой на нижней части туловища, начиная с бедер, изображен рисунок в виде двух симметрично свернувшихся в спираль змей; 2) в скифское время удерживается эта же композиционная схема; однако здесь ноги женщины заменены двумя змеями с головами, спирально обращенными внутрь; на данном этапе происходит окончательное оформление образа змееной женщины, полуженщины-полузмеи в прямом соответствии с сообщениями Геродота о скифской праматери; 3) пережитки этого древнейшего представления-образа сохраняются вплоть до древнерусского времени, как об этом свидетельствует упомянутый выше браслет XII в. из киевского клада.

В данном случае, раскрывая древнейшие корни изображения на древнерусском браслете, мы получаем дополнительный материал, отвечающий наблюдениям К. В. Тревер²⁷, В. П. Лазарева²⁸ и В. А. Богусевича²⁹ относительно исконной традиционности образа Симурга-Симаргла, собаки-птицы в искусстве древней Руси.

²⁷ К. В. Тревер, Собака-птица: Сэнмурв и Паскудж, «Юбилейный сборник в честь Н. Я. Марра», М.—Л., 1933, стр. 293—328.

²⁸ В. П. Лазарев, Живопись и скульптура Новгорода, «История русского искусства», т. II, М., 1953, стр. 93.

²⁹ В. А. Богусевич, Зображення Сімаргла в древньоруському мистецтві, «Археологія», т. XII, 1961, стр. 76—91.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ КУЛЬТУР ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ ПРИКАРПАТЬЯ И ВОЛЫНИ¹

Ю. Н. ЗАХАРУК

За последние 10—15 лет большое внимание уделяется проблемам хронологии археологических культур. В результате новых исследований существенно меняются установившиеся представления о хронологических соотношениях различных культур энеолита и ранней бронзы. Этому способствовало как расширение источниковедческой базы, так и совершенствование методов и технических приемов исследования. Следует особо отметить более широкое пользование данными стратиграфии, дающих по сравнению с данными типологического метода более достоверные результаты.

Благодаря применению при археологических исследованиях радиоуглеродного метода определения возраста существенно уточняются абсолютные датировки культур.

В изучении древнейшей истории населения Европы особое место занимают территории Прикарпатья и Волыни. Древние культуры этих территорий долгое время по ряду причин изучались изолированно друг от друга. Культуры энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Западной Волыни изучались польскими археологами главным образом в связи с западными культурами того же времени. В свою очередь, культуры энеолита и ранней бронзы Восточной Волыни изучались советскими археологами в связи с культурами, распространенными на восток от Волыни.

Сейчас подведены некоторые итоги изучения культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. Предложены хронологические схемы для территории Восточной Малопольши², собственно Прикарпатья и Волыни³. Даны хронологические схемы для эпохи раннего металла Польши⁴.

Однако, с нашей точки зрения, эти хронологические схемы страдают двумя существенными недостатками, вытекающими из неправильного методологического подхода. Во-первых, в виду того что исследуемые культуры изучались, как правило, в пределах современных государственных границ, единые культурно-исторические общности искусственно дробились и не изучались в их полном территориальном охвате и вещественном объеме. Это очень сужало источниковедческую базу. Во-вторых, решение хронологических проблем основывалось преимущест-

¹ Тезисы доклада.

² St. Nosek, Stan i potrzeby badań w zakresie Malopolski, WA, t. XXIII, 1956, стр. 1—22.

³ І. К. Свешніков, Підсумки дослідження культур бронзової доби Прикарпаття і Західного Поділля, Львів, 1958.

⁴ T. Sulimirski, Polska przedhistoryczna, część II, Londyń, 1957—1959, стр. 298—299.

венно на типологических сопоставлениях археологических предметов. При этом совместное нахождение в одном пункте различных культур рассматривалось как доказательство их синхронности. В результате такого подхода предложенные хронологические схемы характеризуются сплошной синхронностью большинства культур неолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни. Почти все известные на этой террито-

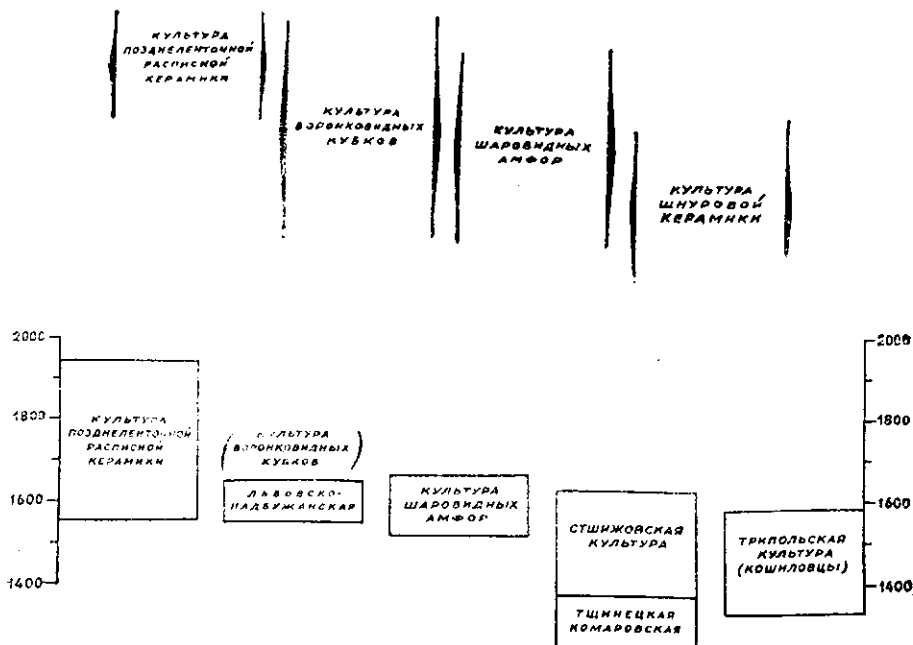

Рис. 1. Хронологические схемы культур неолита и ранней бронзы:

1 — Малопольша, Ст. Носек, 1956; 2 — Прикарпатье и Волынь, Т. Сулимирский, 1959.

рии культуры раннего металла датировались концом III и началом II тысячелетий до н. э.

Развернувшиеся в последние годы интенсивные археологические исследования на Прикарпатья и Волыни обогатили археологическую

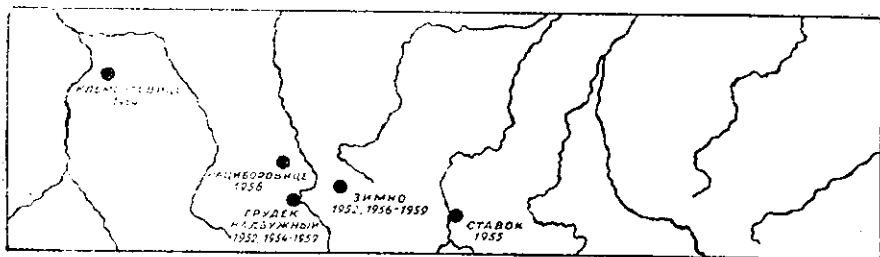

Рис. 2. Карта стратифицированных местонахождений Прикарпатья и Волыни.

науку новыми важными фактами для разрешения вопросов хронологии. Следует подчеркнуть особо важное значение открытия ряда стратифицированных местонахождений (рис. 2).

В 1952 г. К. Яжджевским, а в 1954—1959 гг. Я. Ковальчиком в Грудеке Надбужном, повет Грубешув, Люблинского воеводства (Польша), стратиграфически установлена синхронность культуры воронковидных сосудов и позднего триполья. Установлено также более позднее по сравнению с поселением культуры воронковидных сосудов залегание по-

гребений стшижовской группы памятников культуры шнуровой керамики⁵.

В 1952, 1956—1959 гг. нами в с. Зимно, Владимир-Волынского района, Волынской области, стратиграфически засвидетельствована синхронность культуры воронковидных сосудов и позднего триполья, а также более раннее, по сравнению с поселением культуры воронковидных

МЕСТОАХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ	КЛЕМЕНТОВИЦЕ	РАЦИБОРОВИЦЕ	ГРУДЕК НАДБУЖНЫЙ	ЗИМНО	СТАВОК	МЕСТОАХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
ПАМЯТНИКИ ТШИНЕЦКО- КОМАРОВСКОГО ТИПА					◆	
СТШИЖОВСКАЯ ГРУППА		◆	◆		◆	
КУЛЬТУРА ШАРОВИДНЫХ АМФОР	◆	◆				
КУЛЬТУРА ВОРОНКО- ВИДНЫХ СОСУДОВ	◆		◆◆◆	◆◆◆		ПОЗДНЕЕ ТРИПОЛЬЕ ◆
КУЛЬТУРА ПОЗДНЕЛЕНТОЧНОЙ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ				◆		

Рис. 3. Стратиграфические данные местонахождений энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни.

сосудов, залегание остатков культуры позднеленточной расписной керамики⁶.

В 1954 г. в Клементовице, повет Поляны, Люблинского воеводства, Я. Ковальчиком было открыто погребение культуры шаровидных амфор, перекрывающее землянку с находками, относящимися к культуре воронковидных сосудов⁷.

В 1956 г. в с. Ставок, Теремневского района, Волынской области, нами исследована сохранившаяся часть землянки с культурными остатками стшижовского варианта культуры шнуровой керамики, которую перекрывала печь с керамикой тшинецко-комаровского типа⁸.

В 1956 г. в Рациборовице, повет Грубешув, Люблинского воеводства, З. Слюсарским исследовано погребение культуры шаровидных амфор, перекрытое жилищем с остатками стшижовской группы памятников⁹.

Стратиграфические данные приведенных местонахождений сведены в таблицу, которая отражает хронологическое соотношение выявленных на них археологических культур (рис. 3).

На основании этих данных и разработана новая схема хронологии культур энеолита и ранней бронзы для Прикарпатья и Волыни (рис. 4).

Наиболее древней энеолитической культурой в междуречье Вислы и Западного Буга и, частично, Западной Волыни оказывается культура позднеленточной расписной керамики, как об этом свидетельствуют стратиграфические данные поселения в Зимно. Надо полагать, что

⁵ K. Jażdżewski, Uwagi ogólne o osadzie neolitycznej w Gródku Nadbużnym w powiecie Hrubieszowskim (stanowisko I c), PA, t. II, 2, Warszawa—Wrocław, 1958, стр. 279—286; T. Poklewski, Osada kultury pucharów lejkowatych w Gródku Nadbużnym, pow. Hrubieszów (stanowisko I c), там же, стр. 267—328; J. Kowalczyk, Osada kultury pucharów lejkowatych w miejsc. Gródek Nadbużny, pow. Hrubieszów, w świetle badań 1954 roku, WA, t. XXIII, 1956, стр. 48.

⁶ Ю. Н. Захарук, Поселение культуры воронковидных сосудов на Волыни, КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 97—100.

⁷ J. Kowalczyk, Osada i cmentarzysko kultury pucharów lejkowatych w miejscowości Klementowice, powiat Polany, «Materiały starożytne», t. I, 1959, стр. 175.

⁸ Ю. Н. Захарук, Новое поселение культуры шнуровой керамики на Волыни, КСИИМК, вып. 7, К., 1957, стр. 38—39.

⁹ J. Kowalczyk, Sprawozdanie z badań osady kultury pucharów lejkowatych w Gródku Nadbużnym, pow. Hrubieszów w. 1956 r., WA, t. XXIV, 1957, стр. 303.

памятники этой культуры синхронны памятникам среднего этапа трипольской культуры. Это подтверждается находкой позднееленточной керамики на поселении трипольской культуры в Городнице — Городнице¹⁰.

Культура позднееленточной расписной керамики на этой территории сменяется культурой воронковидных сосудов, которая оказывается синхронной памятникам позднего триполья (Западная Волынь, Верхнее Поднестровье). Это подтверждается данными на поселениях в Грудеке

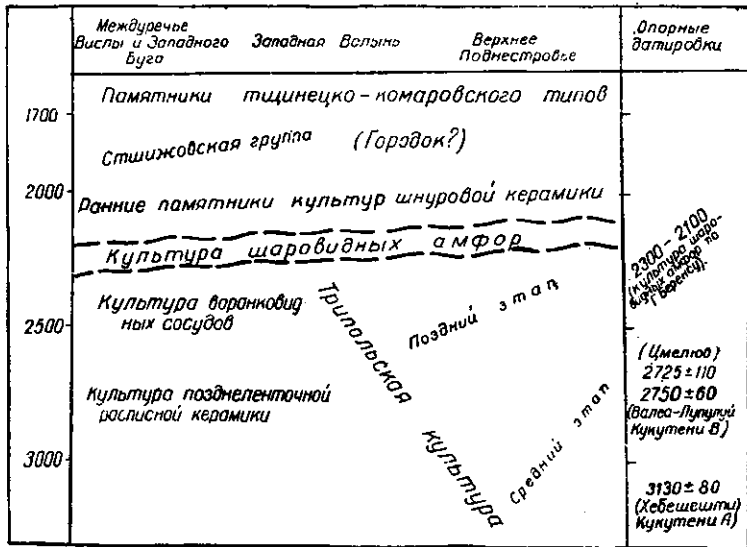

Рис. 4. Хронологическая схема культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни.

Надбужном и Зимно, а также рядом других поселений культуры воронковидных сосудов на Западном Буге¹¹.

Культура шаровидных амфор, как об этом свидетельствуют стратиграфические данные местонахождений в Клементовице и Рашиборовице, следует после культуры воронковидных сосудов и предшествует памятникам стышивского типа культуры шнуровой керамики.

Кроме памятников стышивского типа, на территории Прикарпатья и Волыни распространены также памятники культуры шнуровой керамики иных типов. Изучены они пока недостаточно. Тем не менее некоторые из них типологически являются более ранними, нежели памятники стышивского типа. В частности, к более ранней группе памятников культур шнуровой керамики следует отнести курганные могильники, исследованные в 1957 и 1959 гг. у с. Лукавицы и у с. Бжезинки, Жешувского воеводства в Польше¹². Некоторые керамические формы и орнаментация последних могут быть сопоставлены с керамикой среднеднепровской культуры. Поэтому на нашей схеме подобные ранние памятники культур шнуровой керамики предшествуют памятникам стышивской группы. Неясным остается тип памятников культур шнуровой керамики синхронных стышивской группе на остальной территории Прикарпатья и Волыни. Правдоподобно, что такими синхронными памятниками яв-

¹⁰ И. К. Свешников, Могильник в селе Звенигород, Львовской области, КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 68.

¹¹ Ю. М. Захарук. До питання про співвідношення і зв'язки між культурою ліщастого посуду та трипільською культурою, МДАПВ, вип. 2, К., 1959, стр. 54 - 71.

¹² J. Machnik, Badania archeologiczne w roztoczu Lubelskim w 1959 roku. «Sprawozdania archeologiczne», XII, 1961, стр. 93.

ляются памятники типа Городка Ровенской области, исследование которого недавно начато И. К. Свешниковым¹³.

После памятников стшижовской группы и других памятников культур шнуровой керамики на территории Прикарпатья и Волыни следуют памятники тшинецко-комаровского типа. Об этом свидетельствуют стратиграфические данные поселения у с. Ставок.

Предложенная хронологическая схема культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни, естественно, потребует дальнейшего уточнения. Тем не менее она лишена тех недостатков, которыми страдают схемы, основанные преимущественно на типологических данных.

Плодотворность стратиграфического метода в решении хронологических проблем показательна и для разработки хронологии неолита и ранней бронзы других территорий, в частности Средней Германии. Хронологическая схема П. Гримма (1940), основанная, главным образом, на типологических сопоставлениях, характеризовалась также сплошной синхронностью всех неолитических культур Средней Германии¹⁴. В отличие от нее новые хронологические схемы Г. Мильденбергера (1953)¹⁵ и Г. Беренса (1958)¹⁶, опирающиеся на стратиграфические данные больших неолитических курганов Средней Германии, устанавливают действительную последовательность и синхронность культур.

В связи с нашей тематикой чрезвычайно важно то, что хронологическое соотношение культуры воронковидных сосудов, шаровидных амфор и культур шнуровой керамики, распространенных в Средней Германии и на территории Прикарпатья и Волыни, оказывается одинаковым. Трудно переоценить значение установления аналогичного хронологического соотношения культур на указанных территориях для решения общеевропейских историко-культурных проблем.

Как обычно, наиболее сложными являются вопросы абсолютной хронологии культур. Хронологическая схема Г. Беренса заслуживает особого внимания, так как в ней дана абсолютная датировка культур с помощью радиоуглеродного метода. Согласно схеме Г. Беренса, культура шаровидных амфор, бытовавшая на значительной территории Европы относительно короткое время и могущая поэтому служить определенным хронологически маркирующим горизонтом, датируется временем около 2300—2100 гг. до н. э. С этим вполне согласуются также датировки двух поселений среднего этапа трипольской культуры (Кукутени А и В) в Румынии¹⁷ и поселения культуры воронковидных сосудов в Цмелюве (Польша)¹⁸. Пользуясь этими датировками, как опорными, мы дали на нашей схеме новую хронологическую шкалу культур.

Успешное решение сложных проблем периодизации и хронологии археологических культур представляется возможным при условии сочетания данных стратиграфии и типологии, а также новых объективных методов абсолютной датировки. Предложенная нами схема хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни представляет собой попытку такого комплексного решения проблемы.

¹³ Материалы хранятся в Институте общественных наук АН УССР во Львове.

¹⁴ G. Mildenerberger, Studien zum Mitteldeutschen Neolithikum, Leipzig, 1953, стр. 17.

¹⁵ Там же, стр. 92.

¹⁶ H. Behrens, Chronologie und historische Abfolge der jungsten zeitlichen Kulturgruppen Mitteldeutschlands, Ausgrabungen und Funde, Bd 3, Hft 4/5, 1958, стр. 187.

¹⁷ J. Mellaart, Anatolia and the Balkans, «Antiquity», XXIV, № 136, 1960, стр. 276—277, S. Piggot, Neolithic and Bronze Age in East Europe, там же, стр. 289.

¹⁸ K. Jażdżewski, Kultura pucharów lejkatych, Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi, № 6, Łódź, 1961, стр. 85.

ЖИТОМИРСКАЯ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

(предварительное сообщение)

В. А. МЕСЯЦ

Открытие памятников позднего палеолита в центральной части Полесья Правобережной Украины показало, что условия обитания тут в указанный период были более благоприятными, чем это представлялось ряду исследователей до сравнительно недавнего времени. Естественно возник вопрос о возможности заселения этой территории и в более раннюю эпоху.

Как известно, в литературе существует мнение о том, что в Полесье, отдаленном от центра очагов первобытной культуры, таковых условий не было и что территория этой части Украины не могла быть обитаема в силу многих обстоятельств. Было высказано немало доказательств в пользу того, что Полесье не могло быть заселено во время раннего палеолита.

Считалось, что все встреченные на территории Полесья палеонтологические находки относятся к ледниковой эпохе, наличие более ранних фаунистических остатков здесь оспаривалось.

Действительно, территория Полесья во время рисского оледенения почти полностью была покрыта ледником, оставившим заметные следы. Смятые, перемешанные и переотложенные дочетвертичные и раннечетвертичные отложения покрываются здесь отложениями ледниковой эпохи.

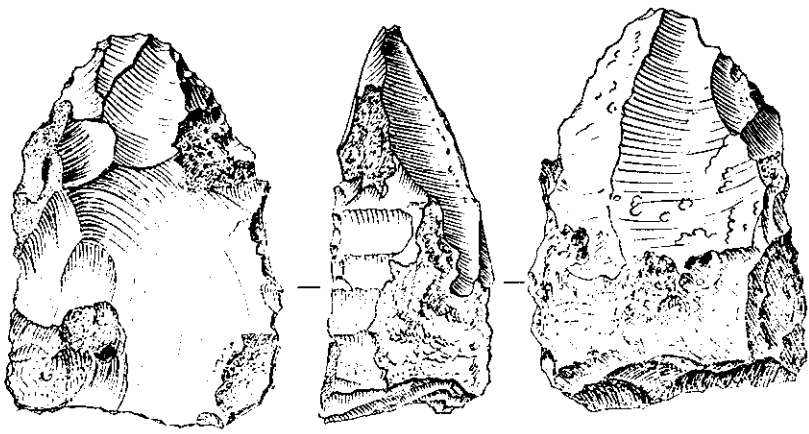
Физические условия и время отрицательно повлияли на сохранение остатков фауны; отсутствие фауны затрудняло определение геологами раннечетвертичных отложений Полесья.

Несмотря на эти трудности, нами были предприняты попытки найти следы древнего человека. В течение продолжительного времени были обследованы значительные участки различных ландшафтных зон Полесья. Летом 1959 г. нам удалось открыть впервые для Полесья и всей северной части Украины памятник, относящийся к раннепалеолитическому времени.

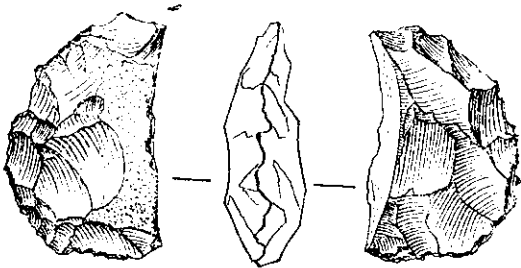
Остатки стоянок, находившихся в переотложенном состоянии, были обнаружены в районе конечной границы днепровского языка рисского оледенения к востоку от г. Житомира, на холмообразной возвышенности возле с. Городище, на левом берегу небольшой реки Свинолужка.

Недостающие данные о геологических условиях залегания находок, на что было обращено внимание во время нашего сообщения в 1960 г. на секции камня в Киеве¹, были собраны летом того же года.

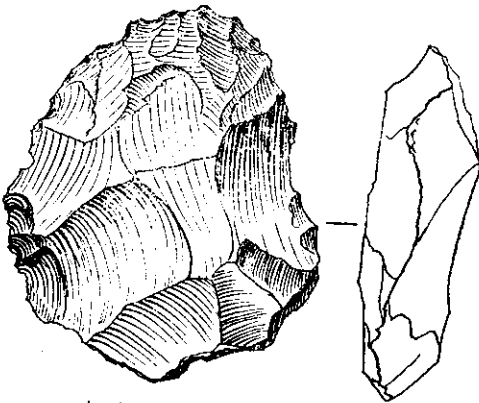
¹ З'їзд радянських археологів, «Український історичний журнал», 1960, № 6, стр. 153; СА, 1961, № 1, стр. 308.

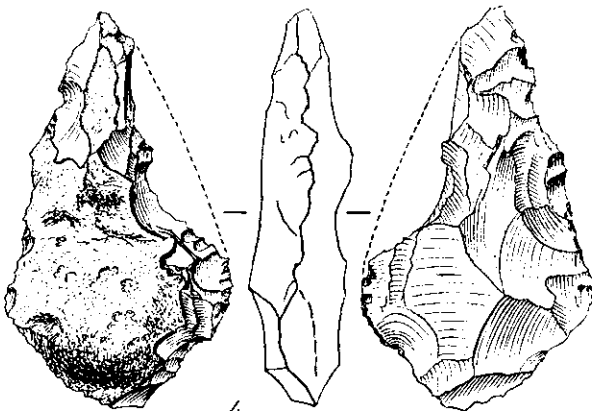
1

2

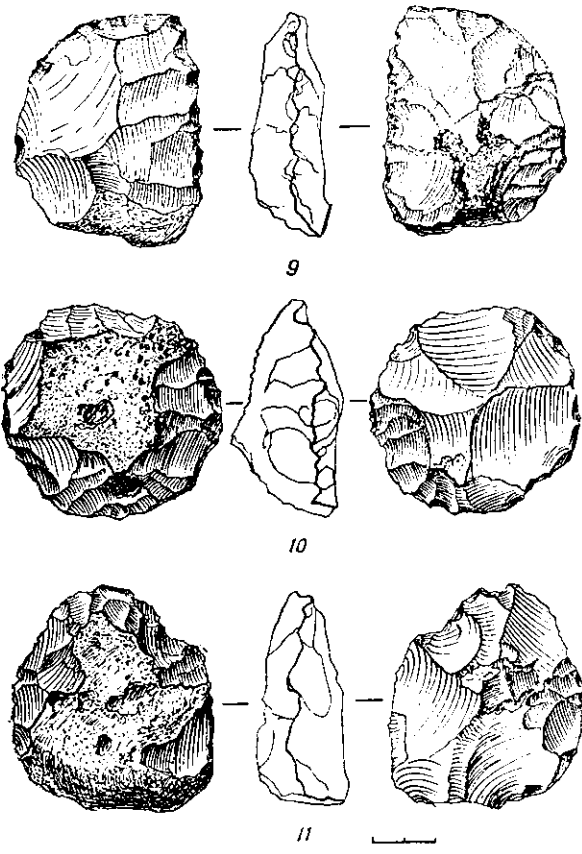
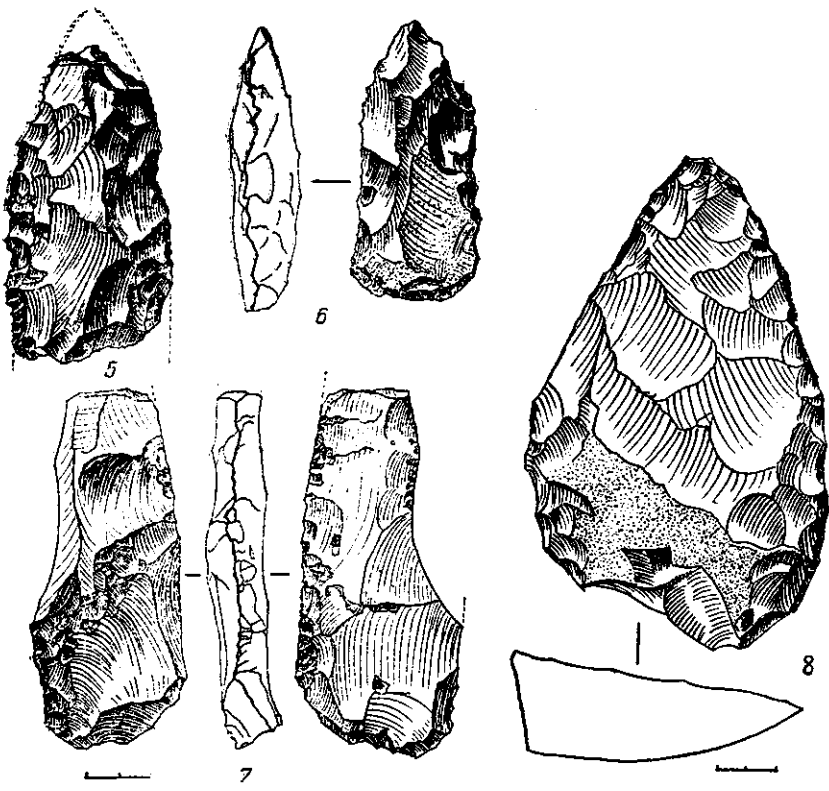

3

4

Рис. 1. Изделия из кремния с житомирской раннепалеолитической стоянки (обломан
 1 — грубое рубящее (рубилонидное) орудие клиновидной формы; 2 — орудие с двухсторонней обра-
 треугольно-вытянутых очертаний; 8 — массивное скребло; 9 — скребловид

ные части орудий обозначены пунктирной линией. Рисунки выполнены Л. С. Шилиной).
 боткой; 3 — рубиловидное орудие овальной формы; 4 — грушевидное рубило; 5—7 — рубила под-
 ное орудие с двухсторонней обработкой; 10—11 — дисковидные орудия.

В основном пункте находок среди перемешанных с естественными осколками кремня, галькой и находками времени позднего неолита собраны и добыты посредством раскопок следующие изделия из кремня: а) разбитые кремни без какой-либо системы; б) грубые рубящие орудия разных форм; в) массивные рубиловидные орудия с двухсторонней обработкой и плоским основанием (рис. 1, 1); г) рубиловидные орудия овальных очертаний (рис. 1, 3); д) рубила подтреугольно-вытянутой формы с двухсторонней обработкой, иногда с плоскими основаниями (рис. 1, 5—7); е) рубильца разных форм малых размеров с двухсторонней обработкой; ж) остроконечные орудия; з) скребла разные с различной обработкой рабочей части (рис. 1, 8—9); и) дисковидные орудия (рис. 1, 10—11); к) дисковидные, двухплощадочные и другие формы нуклеусов; л) отщепы левалуазского и других типов. Таков далеко не полный перечень основных орудий.

Все орудия покрыты глубокой белой, многие — бархатной патиной. На поверхности их наблюдается значительное выветривание; орудия по-разному окатаны. Среди коллекции имеются уникальные орудия.

На основании анализа материала, имеющего ближайшие аналогии в ряде других памятников, открытую нами стоянку следует предварительно отнести к ашельско-мустьерскому времени.

Ряд археологов — участников IX научной конференции Института археологии АН УССР — встретил сообщение об открытии данного памятника с большим интересом и высказался за ашельский возраст его материалов².

² Пользуясь случаем, выражаем свою глубокую благодарность П. П. Ефименко, В. П. Любину, М. Э. Паничкиной, С. Н. Бибикову, В. Н. Даниленко, М. М. Герасимову, А. Н. Рогачеву, П. И. Борисковскому за их помощь в нашей работе.

ПОГРЕБЕНИЕ НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У СИМФЕРОПОЛЯ

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

В 1959 г. в предгорном Крыму, у с. Зольное близ Симферополя, на небольшом водоразделе в 1,5 км к юго-юго-западу от р. Салгир в связи со срочными строительными работами были исследованы два кургана:

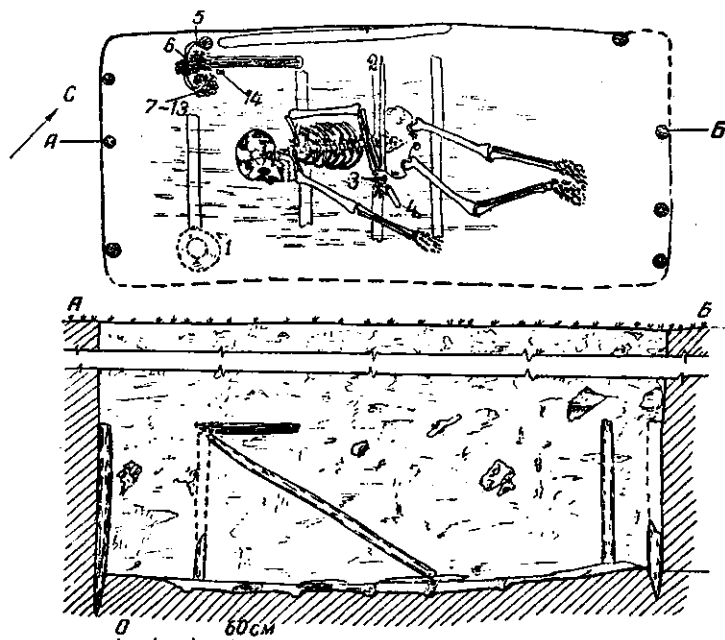

Рис. 1. План и разрез могилы.

эпохи бронзы. Большой из них, диаметром 60 м и высотой 4 м, содержал 11 погребений, из которых основное являлось древнеямным.

Данная статья посвящается описанию только впускного погребения № 10, оказавшегося особенно важным для освещения малоизученного времени — самого начала железного века.

Могильная яма погребения № 10 обнаружена в центре кургана. Она (рис. 1) имела прямоугольную форму (восточная сторона могилы скрыта бульдозером) и была ориентирована по длине с юго-запада на северо-восток; глубина 2,6 м, длина 2,9 м, ширина 1,4 м. Вдоль стенок могилы стояли частично сохранившиеся деревянные столбики, находившиеся в 30—50 см друг от друга. Столбики круглые (5—8 см в диаметре), с заостренными нижними концами, вкопанные в грунт на 20 см и возвышавшиеся над дном могилы на 80 см. В земле, заполнявшей мо-

гильную яму, встречались также истлевшие жерди и прутья, лежавшие продольно. Они представляли собой остатки могильного перекрытия, устроенного поверх кольев, стоявших вдоль стен, т. е. на высоте 80 см над дном ямы. На самом дне ямы хорошо были видны деревянные брусья (до 5 см ширины и 2,5 см толщины), уложенные поперек ямы в 30—50 см друг от друга, поверх которых, но уже вдоль могилы, были поло-

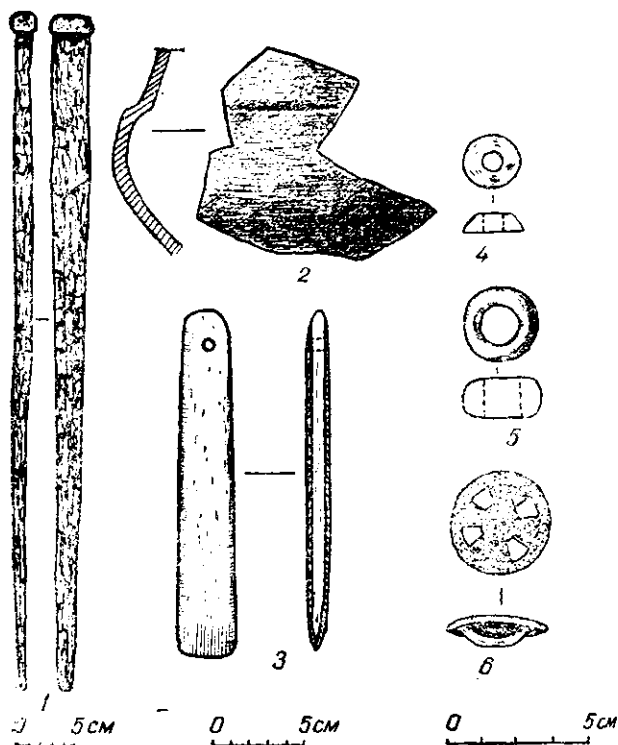

Рис. 2. Инвентарь погребения.

жены сплошь в один слой тонкие (до 2,5 см) прутья. В целом деревянное сооружение, открытое в могиле, напоминало небольшую постройку со стенками из столбов, оплетенных прутьями.

Скелет погребенного лежал головой на юго-запад, почти в вытянутом положении, на спине, с элементами легкой скорченности. Левая рука, согнутая в локтевом сочленении, положена на пояс, правая была вытянута и несколько отброшена в сторону. Кости ног сдвинуты вправо. В общем весь скелет был слегка повернут вправо. По определению антрополога К. Ф. Соколовой, скелет принадлежал мужчине в возрасте около 30 лет.

Вправо от черепа, погребенного в южном углу могилы, стоял глиняный сосуд (рис. 1, 1), почти полностью уничтоженный во время раскопок бульдозером. Поперек поясничных позвонков лежал рукояткой к кисти левой руки короткий железный меч (рис. 1, 2). Возле рукоятки находилась костяная ворворка (рис. 1, 3) и точильный брусок (рис. 1, 4).

Другая группа находок, оказавшихся особенно интересными, была найдена у северо-западной стенки ямы, влево от черепа, на 0,6—0,8 м выше дна могилы. Предметы эти, очевидно, были первоначально положены на перекрытие могильной ямы. Здесь лежали 33 бронзовых, железных и костяных наконечника стрел (рис. 1, 5). Рядом со стрелами были бронзовые удила с псалиями (рис. 1, 6), лежавшие стопкой костяные украшения и различные принадлежности уздечного набора, а именно: 4 лунницы (рис. 1, 7), 16 ромбовидных блях (рис. 1, 8), костяная «пу-

говица» (рис. 1, 9), изделие, подобное пряжке (рис. 1, 10), и два кольца (рис. 1, 11). Вместе с ними была бронзовая «пуговица» (рис. 1, 12) и костяная цилиндрическая поделка (рис. 1, 13). Между кучкой перечисленных предметов и наконечниками стрел был найден костяной предмет в виде «катушки» (рис. 1, 14).

Опишем вещи, происходящие из погребения.

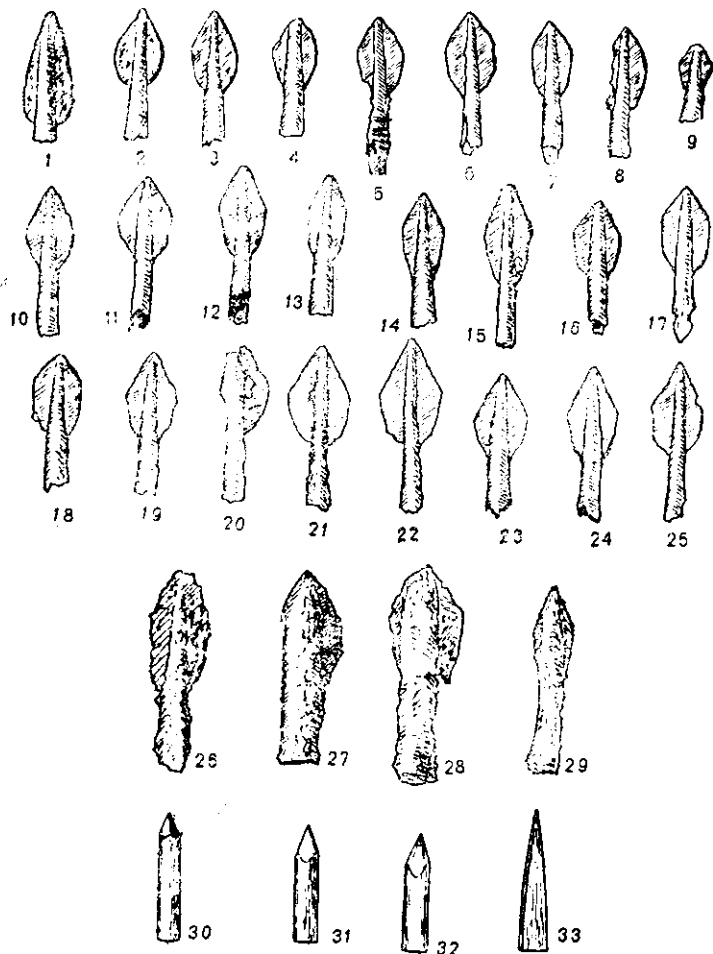

Рис. 3. Наконечники стрел.

1—25 — бронзовые. 26—29 — железные, 30—33 — костяные.

1. Большой чернолощеный лепной сосуд, который, судя по сохранившимся от него обломкам (рис. 2, 2), имел плоское дно, выпуклый корпус, ребристые плечи и сужающееся кверху горло.

2. Короткий железный двухлезвийный меч (рис. 2, 1) с рукоятью, по-видимому без перекрестия, но с небольшим брусковидным навершием. Длина меча 55 см, ширина клинка 3 см, толщина 2 см. Сохранность меча посредственная, особенно плохо сохранилась рукоять. На клинке видны остатки деревянных ножен.

3. Небольшая костяная ворворка (рис. 2, 4), имеющая вид усеченного конуса.

4. Оселок (рис. 2, 3) из мелкозернистого темного песчаника представляет собой большой, длинный, прямоугольный в разрезе брусок с закругленными концами, на одном из которых просверлено круглое отверстие. Камень прекрасно зашлифован. Длина бруска 18,5 см.

5. Наконечники стрел лежали пучком, на основании чего можно установить, что они находились в колчане, который не сохранился. Длина стрел, судя по остаткам древков, 55—60 см. Колчаный набор состоял из 25 бронзовых, четырех железных и четырех костяных наконечников стрел. Все стрелы втульчатые. Как бронзовые, так и железные наконечники стрел двухлопастные. Один бронзовый наконечник (рис. 3, 1) имеет лавролистную форму с коротко выступающей втулкой, все остальные бронзовые наконечники округлоромбические и ромбические с длинной втулкой (рис. 3, 2—25).

Рис. 4. Бронзовые удила и псалии в положении на месте находки.

Железные наконечники (рис. 3, 26—29), как и основная масса бронзовых, ромбические, длинновтульчатые. Три костяных наконечника имеют круглое сечение (рис. 3, 30—32), а один четырехгранный (рис. 3, 33).

6. Бронзовые литые удила с двухкольчатыми концами, снабженные в окончаниях дополнительными звеньями для крепления повода (рис. 4, 1). От других подобных удил кобанского типа они отличаются тем, что состоят не из двух, а из пяти (кроме дополнительных) подвижно соединенных между собой в виде цепочки звеньев.

Псалии трехпетельчатые (рис. 4, 2) с шляпкой на одном конце и сильно изогнутой широкой лопастью на другом.

7. Четыре костяные лунницы делятся на две пары. Одна пара (рис. 5, 1, 2) украшена двумя «бегущими» спиральями и пятью щитками из концентрических кружков. Вторая пара (рис. 5, 3, 4) несколько меньших размеров, украшена двумя спиральями и тремя щитками с концентрическими кружками. Резной орнамент на лунницах инкрустирован красной краской (охрой). На задней стороне лунниц имеется по одной, вырезанной в кости, горизонтальной петле.

8. Костяные бляшки, имеющие ромбическую форму, композиционно составлены из пар лунниц со спиральным орнаментом и концентрическими кружками, соединенных основаниями. Две из них в качестве основы имеют круг, заполненный небольшими концентрическими кружками (рис. 6, 1). Все остальные бляшки несколько меньших размеров, в количестве 14 штук, в центре имеют крестовидную фигуру (рис. 6, 2—4). Резьба по кости отличается большой тщательностью, внешний эффект которой, как и у лунниц, подчеркнут красной инкрустацией. На обратной стороне бляшек нет никаких петель, так что, очевидно, они прикреплялись к ремням через различные прорезы центральных фигур.

9. Костяная «пуговица» (рис. 7, 3) круглая, с вписанной в нее прорезной фигурой в виде мальтийского креста с ромбическим знаком в центре. На оборотной стороне у нее имеется дужка, с помощью которой она прикреплялась к уздечному ремню (рис. 7, 4).

10. Костяное кольцо с продолговатой прямоугольной обоймой внеш-

не похожее на большой перстень (рис. 7, 5). Возможно, обойма служила для кисти, закрепившейся в ней посредством сквозного круглого отверстия.

11. Два костяных кольца. Из них одно гладкое (рис. 2, 5), другое, более крупное (рис. 7, 6), с двумя округлыми отверстиями на противоположных сторонах ободка, окаймленных concentрическими овалами

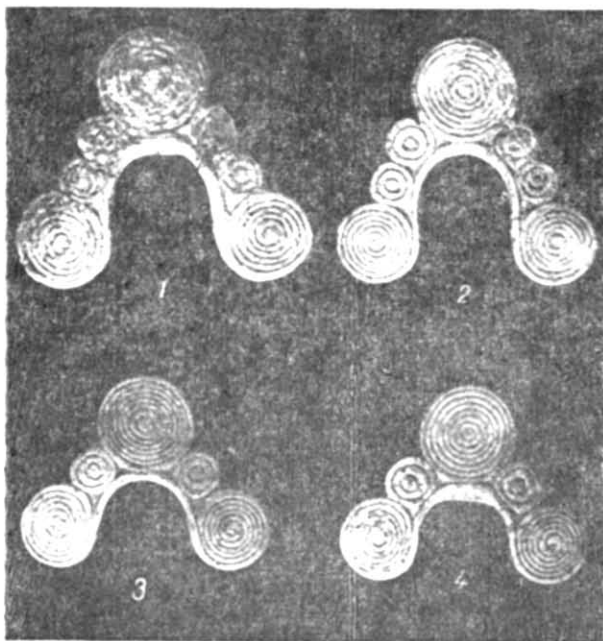

Рис. 5. Костяные дуинцы.

и двумя concentрическими овалами с ромбической фигурой в середине (рис. 8, 5). Резьба по кости инкрустирована черной краской, диаметр гладкого кольца — 2,4 см, крупного — 3 см.

12. Бронзовая пуговица (рис. 2, 6) по схеме аналогична вышеописанной костяной бляхе (рис. 7, 3), но не орнаментирована. У нее на обратной стороне имеется дужка, с помощью которой она прикреплялась к ремню.

13. Короткий костяной полый цилиндр (рис. 7, 1), украшенный резьбой с черной инкрустацией в виде завитков, подобных набегавшей волне (рис. 8, 2), вдоль одного конца которого сделан гладкий ободок. В цилиндр вправлен в виде вставки железный приостренный стержень, выступающий над краем ободка на 0,8 см. По ободку сверху вокруг стержня тонкой линией небрежно прочерчен зигзаг (рис. 8, 1). Длина цилиндра 2,4 см, диаметр 1,1 см, диаметр полости 1,5 см.

14. Подобный же, но более крупный и длинный полый цилиндр с ободками по обоим концам (рис. 7, 2), что придает всему предмету вид катушки. Один ободок гладкий, сам цилиндр и другой ободок сплошь покрыты резным орнаментом с черной инкрустацией, завитками в виде набегавшей волны (рис. 8, 3, 4). Длина «катушки» 4,5 см, диаметр — 2,5—3 см. Полость цилиндра пустая, диаметр ее 1,5 см.

Большая часть описанных вещей находит себе аналогии в составе инвентарей погребений предскифского времени на Северном Кавказе и на территории Украины. Так, сосуд (рис. 2, 2) по форме одинаков с сосудами раннего этапа кизил-кобинской культуры. Короткий меч

очень напоминает железный кинжал из клада VIII—начала VII вв. до н. э., найденного у горы Бештау близ Пятигорска¹.

По определению П. Д. Рау, бронзовые наконечники стрел тех типов, какие оказались в описываемой могиле (рис. 3, 1—25), являются предскифскими². Сходные наконечники стрел отливались в литейной

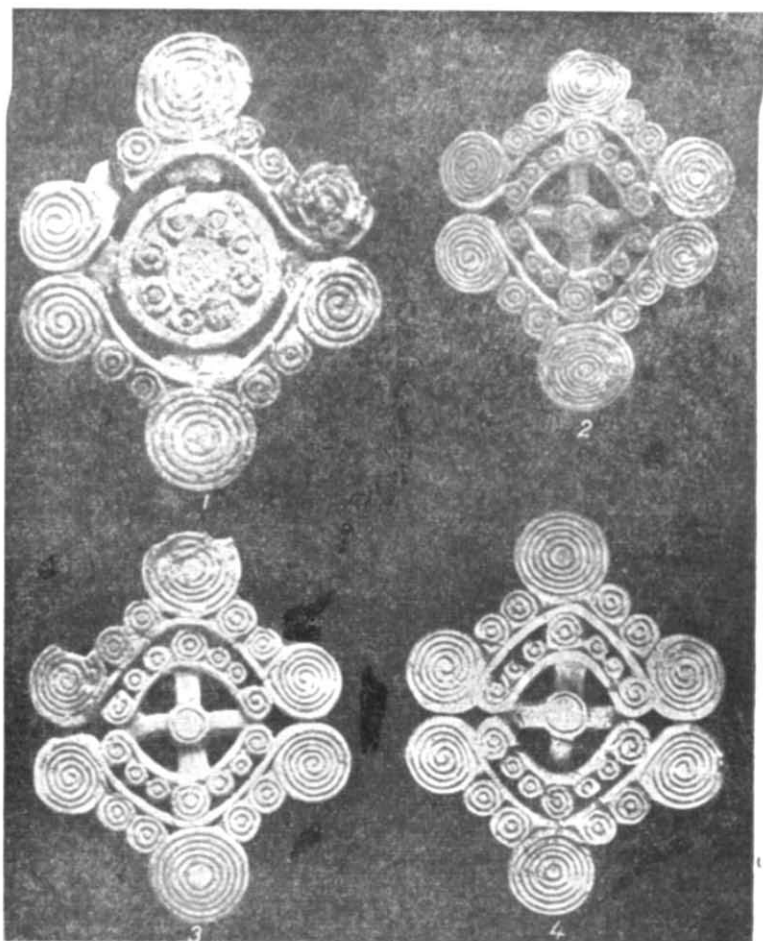

Рис. 6. Костяные ромбические бляхи.

форме из новочеркасского клада (VIII—VII вв. до н. э.³). Такому определению возраста не противоречат и другие — железные и костяные наконечники стрел из Симферопольского кургана (рис. 3, 26—33). Костяная четырехгранная стрелка (рис. 3, 33) известна для памятников второй ступени черноморской культуры, которую А. И. Тереножкин датирует VIII—первой половиной VII вв. до н. э.⁴ Встречены они, впро-

¹ А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, ВССА, М., 1934, стр. 125—127, рис. 14.

² Р. Рау, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929, стр. 31—33.

³ А. А. Иессен, К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, СА, т. VIII, М., 1953, стр. 50, 108, рис. 1, 2; рис. 29.

⁴ А. И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье, К., 1961, стр. 94, рис. 6б, 20, 21.

чем, и в памятниках ранней Скифии (VI в. до н. э.)⁵. Наиболее ранние костяные стрелки в Крыму были обнаружены С. Ф. Стрежелецким на Уч-Баше близ Севастополя⁶ и автором в кургане № 6, погребение № 3 около с. Дружное в Симферопольском районе⁷.

Бронзовые двухкольчатые удила и трехпетельчатые псалии (рис. 4) входят в ту широко распространенную на Северном Кавказе и в Среднем Поднепровье группу принадлежностей конской узда, которая была выделена А. А. Иессеном и датирована им от середины VIII до середины VII в. до н. э.⁸

Для Крыма ранее была известна только одна находка подобных бронзовых удил с двухкольчатыми концами, происходящая с Керченского полуострова⁹.

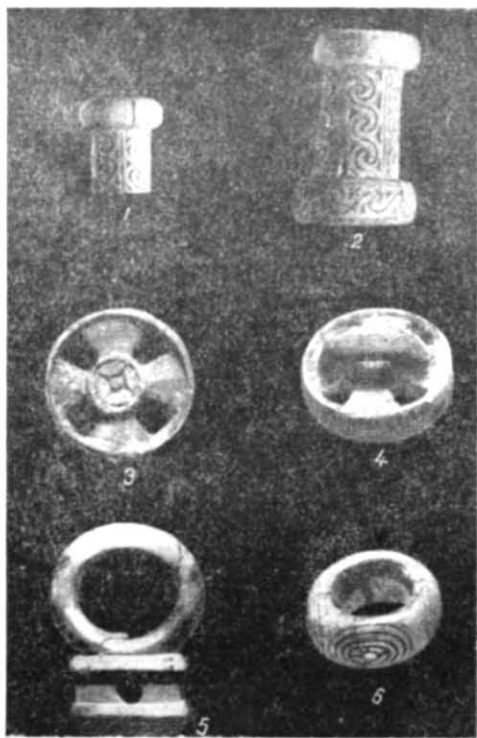

Рис. 7. Различные костяные изделия.

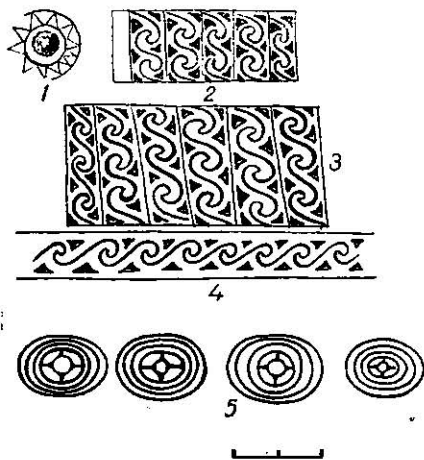

Рис. 8. Орнаментальные мотивы на костяных изделиях.

Богатый набор резной кости с красной и черной инкрустацией, основу орнамента которой составляют «бегущие» спирали и концентрические круги, является уникальным. Из числа лунниц предскифского времени, сводку которых дает Е. И. Крупнов, ближе всего к нашим, как по форме, так и по орнаментации, бронзовая лунница (рис. 5, 1, 2), найденная у с. Пастырское, Златопольского района, Черкасской области¹⁰. Ромбовидные бляшки, составленные из пар резных лунниц нашего кургана (рис. 6), входят в этот же круг древностей, но не имеют пока себе аналогий ни в бронзовых, ни в костяных изделиях.

Ближайшие аналоги бронзовым и костяным бляшкам (рис. 2, 6; 7, 3, 4) найдены в районе Пятигорска у Лермонтовского разъезда¹¹.

⁵ В. А. Іллінська, Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скифії, «Археологія», т. V, К., 1951, стр. 196—211, рис. 23—26.

⁶ Раскопки С. Ф. Стрежелецкого в 1954 г.

⁷ Раскопки А. А. Щепинского в 1959 г.

⁸ А. А. Иессен, К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, стр. 102.

⁹ Там же, стр. 64.

¹⁰ Е. И. Крупнов, Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г., «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. V, Нальчик, 1950, стр. 247—252, 269, рис. 51, 58; ДП, вып. IV, К., 1901, табл. XI, № 283.

¹¹ А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, стр. 122—123, рис. 12.

Есть они и в кладе, найденном близ Эссентуков¹². В обоих случаях они встречены в сочетании с близкими к нашим бронзовыми удилами и пса-лиями VIII — начала VII вв. до н. э.¹³

Таким образом, ближайшие аналогии инвентарю нашего погребения имеются на Северном Кавказе в памятниках конца VIII — начала VII вв. до н. э., таких, как эссентукский клад 1916 г., находки из кургана у станицы Некрасовской, станиц Чернышевской на Дону и Пятигорской, находки 1950 г.

По-видимому, к концу VIII, быть может, к самому началу VII веков до н. э. относится и наше погребение. Не противоречит такой датировке и наличие железных предметов. Б. Н. Граков убедительно показал, что на территории СССР переход к началу железа относится к VIII—VII вв. до н. э., а решительная победа железа — к середине VII в. до н. э.¹⁴ На Северном Кавказе железное оружие встречается в памятниках VIII в. до н. э.¹⁵

Принадлежало наше погребение, судя по сопровождавшим его вещам, вероятнее всего, довольно знатному конному воину.

С какой же культурой можно связать этот погребальный комплекс: позднесрубной, киммерийской, кизил-кобинской или раннескифской? Что касается срубной культуры, то в предгорном Крыму она представлена погребениями и стоянками, инвентарь которых ничего общего не имеет с инвентарем нашего захоронения. Другое дело кизил-кобинская культура. По данным раскопок последних лет, установлено, что для нее в предгорьях, наряду с каменными ящиками, характерны впускные и реже основные курганные погребения с костяками, лежащими вытянуто, на спине, головой на запад¹⁶. Сопровождаются они характерной кизил-кобинской посудой VI в. до н. э. и изредка бронзовыми украшениями и стрелками раннескифского облика. Лошадь в кизил-кобинской культуре использовалась для верховой езды, об этом свидетельствуют находки костяных псалиев на поселениях этой культуры. С нашим погребением они сближаются по ряду особенностей как в погребальном обряде, так и в инвентаре. Однако и здесь полного тождества, в частности и хронологического, не наблюдается.

Что же касается высказывавшихся некоторыми археологами по докладу автора предположений о скифском происхождении этого погребения, то прежде всего следует указать на несоответствие во времени. Как известно, в Северном Причерноморье скифы появляются в VIII—VII вв. до н. э., на Керченском полуострове с VII в. до н. э., а в предгорном Крыму только в VI—V вв. до н. э.¹⁷ Наше погребение датируется временем рубежа VIII—VII вв. до н. э. Кроме того, скифские захоронения VI—V вв. до н. э. в предгорном Крыму в большинстве случаев бедны инвентарем, костяки лежат на спине, ориентация у них неустойчивая, но преобладает западная.

В нашем погребении прослеживаются элементы скорченности и только западная ориентация несколько роднит это погребение со скифскими. Важно также отметить, что в инвентаре симферопольского погребения отсутствуют изделия в зверином стиле, которые столь характерны для раннескифской культуры. Не можем мы назвать скольконибудь убедительных аналогий и среди ранних скифских погребений

¹² А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, 121—122, рис. 11.

¹³ Там же, стр. 127.

¹⁴ Б. Н. Граков, Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР, СА, № 4, 1958, стр. 9.

¹⁵ Е. И. Крупнов, указ. соч., стр. 107.

¹⁶ Т. Н. Троицкая, Погребение у с. Белоглинки, СА, т. XXVII, 1957, стр. 225.

¹⁷ Т. Н. Троицкая, К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в центральном Крыму и на Керченском полуострове, «Известия Крымского отдела Географического общества», вып. IV, Симферополь, 1957, стр. 75 сл.

юга Украины. Таким образом, нам кажется, что скифское происхождение этого погребения исключается. Что же касается киммерийской культуры, то здесь следует отметить, что в настоящее время единого мнения по этому вопросу нет, нет и бесспорных памятников этой культуры.

Не отождествляя киммерийскую культуру со срубной, мы считаем, что погребение № 10 из кургана № 1 у с. Зольное, вероятнее всего, киммерийское. Обосновывается это следующими фактами: 1) отсутствием в этом погребении элементов, характерных для срубной или раннескифской культур; 2) временем захоронения (конец VIII—начало VII вв. до н. э.), когда, судя по древним письменным источникам в восточнопричерноморских степях, в Крыму и на Северо-Западном Кавказе киммерийцы еще обитали¹⁸; 3) наличием весьма архаических бронзовых и железных наконечников стрел доскифского типа, прототипами которых являются бронзовые втульчатые наконечники копий так называемого киммерийского типа; 4) типом удил и псалий, которые А. А. Иессен осторожно¹⁹, а Е. И. Крупнов более уверенно склонны связывать с киммерийской культурой²⁰; 5) наличием чернолощеного сосуда с раздутым корпусом, очень близкого к типам чернолощеной керамики, которую В. А. Городцов счел возможным связать с киммерийской культурой²¹.

Несколько особняком стоят курганные погребения кизил-кобинской культуры, в которых имеется ряд общих черт с нашим погребением (ориентация, переход от скорченности к вытянутости, чернолощенные сосуды и др.). Однако, как известно, вопрос об этнической принадлежности этой культуры еще не решен и не исключено, что при дальнейших исследованиях кизил-кобинская культура в ранних ее этапах окажется одним из локальных вариантов более широкой киммерийской культуры.

¹⁸ Е. И. Крупнов, Киммерийцы на Северном Кавказе, МИА, № 68, М.—Л., 1958, стр. 176 сл.; Л. А. Ельницкий, Киммерийцы и киммерийская культура, ВДИ, 1949, № 3, стр. 14.

¹⁹ А. А. Иессен, К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, стр. 110.

²⁰ Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 116, 127.

²¹ В. А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре, «Труды секции археологии», РАНИОН, т. 2, 1928, стр. 54—59.

ПОГРЕБЕНИЕ VIII—VII вв. до н. э. в БАССЕЙНЕ р. ВОРСКЛЫ

Г. Т. КОВПАНЕНКО

В июле 1959 г. в с. Бутенки, Кобеляцкого района, Полтавской области, при сооружении ледника бутенковского сельпо была найдена группа предметов вооружения и конского снаряжения, относящихся к ранней поре железного века. Эти предметы представляют большой научный интерес.

Во время командировки в с. Бутенках нам удалось уточнить условия и обстоятельства этой находки и побеседовать с людьми, принимавшими непосредственное участие в земляных работах, в том числе с колхозницей В. И. Онушко, которая нашла и извлекла вещи из земли.

Местность, на которой сделана находка, находится в 400 м к северу от западной окраины села по левую сторону от шоссе Кобеляки — Решетилровка, на возвышенном плато с продолговатыми невысокими всхолмлениями естественного происхождения. В настоящее время здесь построена бойня. В. И. Онушко рассказала, что при рытье земли на глубине 40 см от поверхности был обнаружен дубовый полуистлевший столб высотой 60—70 см и диаметром 15 см. Непосредственно под этим столбом вместе с пережженными костями лежали кучкой 6 бронзовых удил, 12 псалиев, 2 больших кольца, 8 круглых бронзовых блях, около 30 бронзовых наконечников стрел, 2 браслета, 2 железных наконечника копий. Все эти предметы были разобраны местными жителями. Большая часть из них была затем собрана директором местной средней школы Я. Е. Хоманько и передана в Полтавский историко-краеведческий музей.

В собрание музея таким образом поступили: 4 пары бронзовых удил, 9 псалиев, 2 больших кольца с подвижной муфтой, 8 блях с петлей на оборотной стороне, 2 бронзовых наконечника стрел, 2 браслета и 2 железных копия¹. Двое удил, три псалия и большая часть наконечников стрел оказались утраченными, но, по словам находчиков, они не отличались от вещей, переданных в Полтавский музей.

Перейдем к описанию вещей из этой находки.

1. Удила бронзовые двухкольчатые (рис. 1, 10, 11). Стержни круглые в сечении, с двойным рядом насечек на одной из сторон. У одной пары помимо насечек имеются острые шипы. К наружным кольцам удил присоединены отлитые вместе с ними дополнительные звенья в виде кольца со стержнем, снабженным на конце двойной шляпкой. Длина трех удил — 16,5 см, длина четвертой пары — 14 см.

2. Псалии (один обломан) с тремя петлями, верхний конец закан-

¹ Автор выражает благодарность дирекции Полтавского историко-краеведческого музея, разрешившей опубликовать эту находку.

чивается шляпкой, а нижний уплощен и изогнут в виде лопаточки (рис. 2, 5—13).

3. Большие бронзовые, круглые в разрезе, кольца снабжены подвижной подвеской в виде трехребристой муфты со стержнем, на загнутом конце которой находится круглый плоский щиток. Диаметр колец 12 см (рис. 2, 1, 2).

4. Бронзовые бляхи в виде плоских пуговиц с петлей на оборотной стороне, шесть из них гладкие и две прорезные (рис. 1, 1—8).

5. Бронзовые двухлопастные стрелы с длинной втулкой и небольшим пером ромбической формы. Длина стрел 4,5 см (рис. 1, 9 а, б).

6. Бронзовые браслеты имеют вид круглого пластинчатого обруча, на наружной стороне которого в средней части имеется ребро. На каждом браслете снаружи у средней грани имеется короткий гвоздевидный выступ. Диаметр браслетов—8,5 см, ширина—2 см (рис. 1, 12, 13).

7. Железные наконечники копий имеют длинную втулку с высоко посаженным листовидным пером, слегка расширяющимся книзу. По сторонам основания имеются два небольших отверстия. Средняя грань у верхнего конца копья выступает в виде высокого ребра. Длина одного наконечника—28,3 см, длина другого—30,5 см (рис. 2, 3, 4).

Большая часть описанных предметов находит себе прямые аналогии в изделиях VIII—VII вв. до н. э., лучше всего выясненных по памятникам Северного Кавказа.

Так, двухкольчатые бронзовые удила и псалии принадлежат к числу предметов конского снаряжения так называемого кобанского типа, особенно распространенных в VIII—VII вв. до н. э. на территории Северного Кавказа. Находки их известны также на Дону, в Поволжье и на территории Украины². Из лесостепного Правобережья происходит 18 пар таких удил и 6 псалиев. Среди них к предскифскому времени достоверно относятся только удила из клада, найденного на чернолесском городище у с. Залевок близ Смелы³, тогда как остальные в большинстве относятся к раннескифской поре.

В лесостепном Левобережье раньше был известен лишь один обломок удила такого типа, происходящий из собрания И. А. Зарецкого около с. Лихачевки, Опошнянского района, Полтавской области⁴. Местом производства кобанских удил принято считать Северный Кавказ.

Бронзовые кольца с подвеской в виде муфты с бляхой и круглые бляхи с петлей на оборотной стороне на территории Украины встречены впервые. Прекрасную аналогию им составляют кольца из погребения близ хуторов Алексеевского, Кубанского и близ Лермонтовского разъезда на Северном Кавказе, с уверенностью отнесенные А. А. Иессен к VIII—VII вв. до н. э.⁵

Бронзовые наконечники стрел из Бутенок хорошо известны в археологии. В свое время П. Д. Рау справедливо отнес их к предскифскому времени⁶. Такого рода длинновтульчатые ромбические наконечники были найдены вместе с кобанскими удилами в комплексах: у хут. Обрывского Чернышевской станицы на р. Чир⁷, в кладах на северо-западном склоне горы Бештау, в кургане Некрасовской станицы на Лаббе⁸. Все эти памятники А. А. Иессен относит к VIII—VII вв. до н. э.

² А. А. Иессен, К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, СА, т. XVIII, 1953, стр. 57—70.

³ П. М. Гретьяков, Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину, АП, т. 1, 1949, стр. 230, рис. 7.

⁴ Удила хранятся в Государственном историческом музее в Москве.

⁵ А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, ВССА, стр. 117—118, рис. 7; стр. 121, рис. 10; стр. 122—123, рис. 12.

⁶ Р. Рау, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk, 1929, табл. XIV, 2, 1—М.

⁷ Труды VIII АС, т. IV, М., 1897, табл. 83, № 17.

⁸ А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, ВССА, стр. 120, 125, рис. 8, 14.

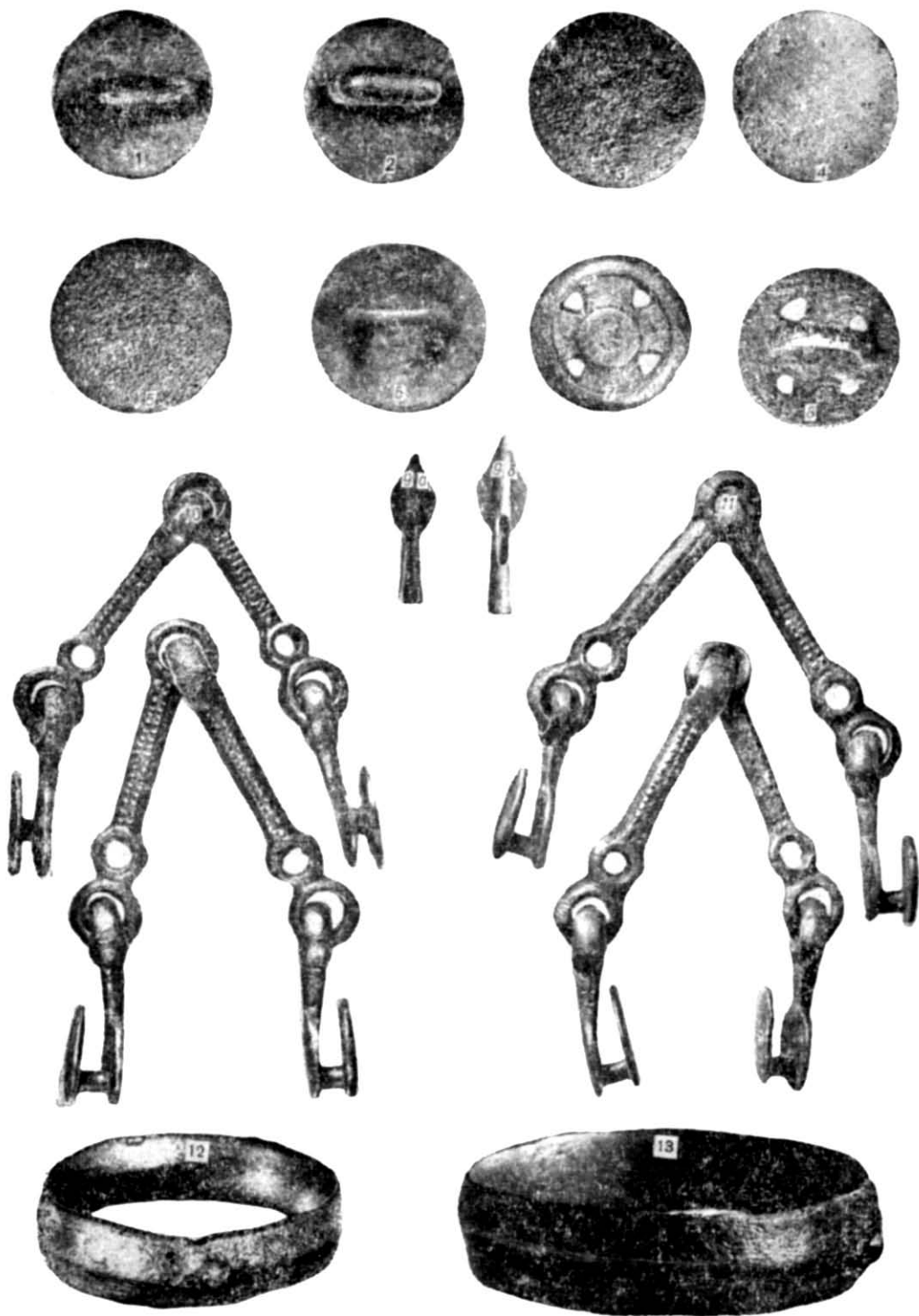

Рис. 1. Предметы из погребения у с. Бутенки.

1—11 — даны в $\frac{1}{2}$ натур. величины, 12, 13 — около $\frac{1}{2}$ натур. величины.

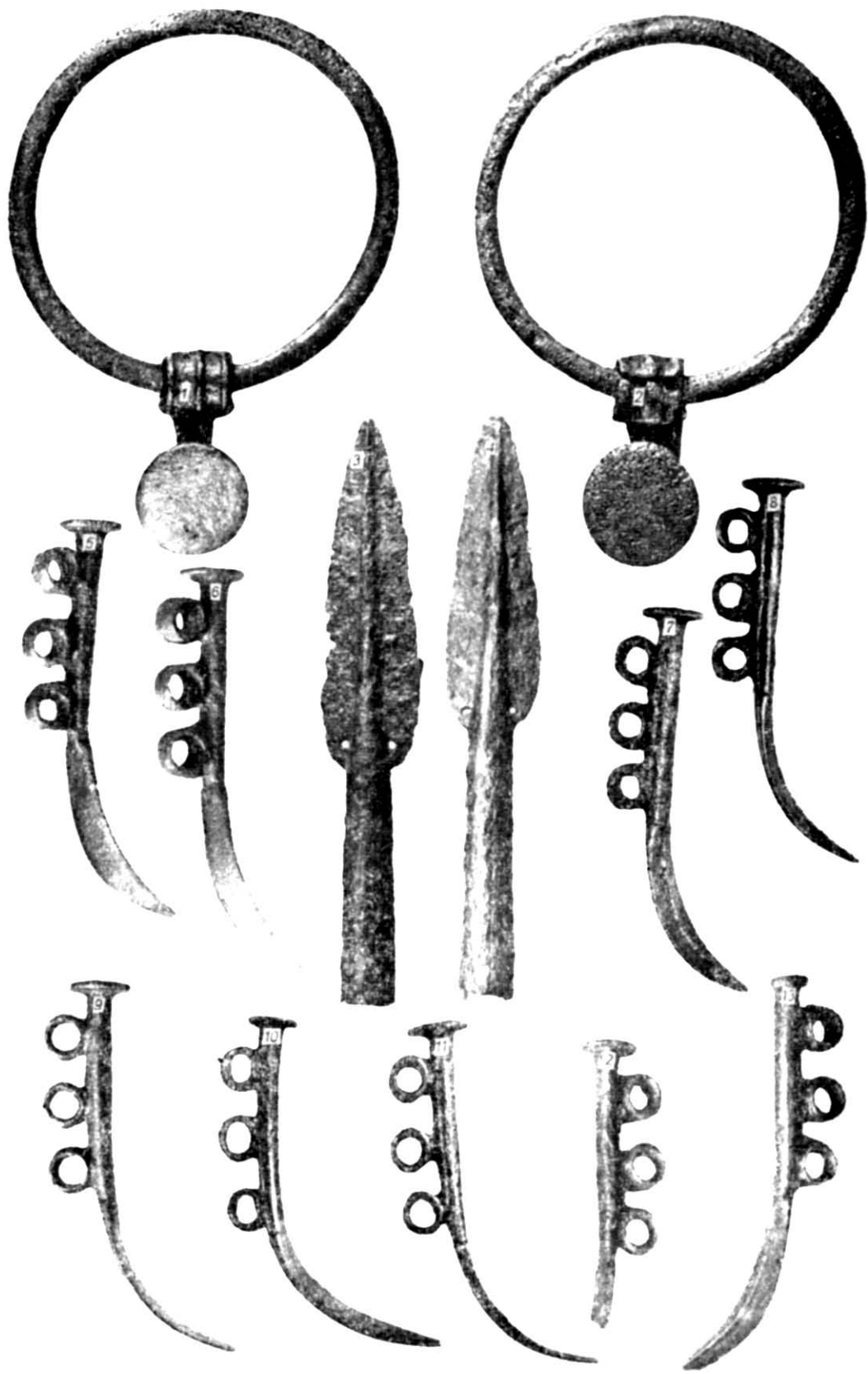

Рис. 2. Предметы из погребения у с. Бутенки.
1, 2, 5-13 — даны в $\frac{1}{2}$ натур. величины; 3, 4 — в $\frac{1}{3}$ натур. величины.

Очень интересны железные наконечники копий из нашей находки. Они не находят полной аналогии в памятниках Северного Кавказа и Украины. В лесостепной и степной частях Украины в предскифское время известны бронзовые копыя с пером лавролистной формы и ребром, переходящим в длинную втулку. Эти копыя послужили прототипом для железных, получивших распространение в раннескифское время. По форме пера копыя из Бутенок несколько отличны. Они имеют более удлиненное листовидное перо, слегка расширяющееся от вершины к основанию, по сторонам которого имеются два сквозных отверстия. Этот последний признак особенно необычен и отличает копыя из Бутенок от предскифских и раннескифских. Нам известно лишь два железных наконечника копий с отверстиями в нижней части пера с территории УССР. Один из них происходит из погребения № 75 Высоцкого могильника⁹ (рис. 3, 1). Второй — из «скифских могил Киевской и Полтавской губерний» Киевского исторического музея¹⁰ (рис. 3, 2).

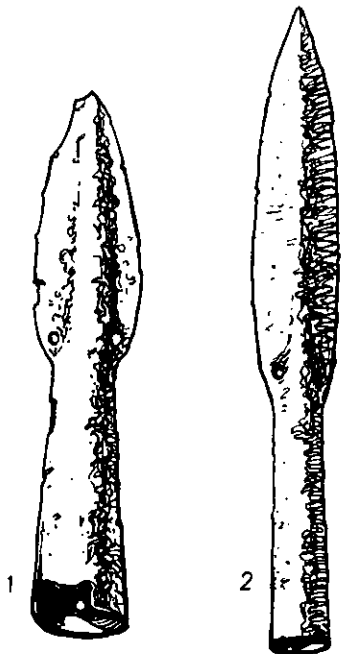

Рис. 3. Копье из Высоцкого могильника (1/2 натур. величины) (1). Копье из Киевского исторического музея (1/4 натур. величины) (2).

А. И. Тереножкин обратил наше внимание на несколько бронзовых наконечников копий, происходящих из могильника и клада в Италии и Сицилии¹¹. В основании листовидного пера этих наконечников имеется пара сквозных отверстий. Особенно близким по форме пера к нашим железным является наконечник копыя из могильника Кума близ Неаполя в Италии. По датировке Мюллера-Карпе, эти наконечники относятся к VIII в. до н. э. Наконечник, в кладе V периода бронзового века (900—700 гг. до н. э.), найденном в округе Дессау в Восточной Германии, оказался наряду с тремя бронзовыми наконечниками аналогичный нашим железный наконечник копыя с маленькими отверстиями в нижней части пера.

Очень своеобразны широкие большие круглые бронзовые браслеты с гвоздевидным выступом сбоку. Аналогий таким браслетам нет в древностях Кавказа. Браслеты из Бутенок более всего похожи на браслеты чернолесской культуры, выделяющиеся крупными размерами, разнообразным, в том числе, спиральным орнаментом и наличием «замка» в виде круглой бляшки с входящим в нее гвоздевидным стержнем. Среди чернолесских браслетов этого рода преобладают овальные, но имеются и круглые¹². Судя по форме, размерам и гвоздевидному выступу, браслет из Бутенок следует признать имитацией чернолесских браслетов.

Таким образом, на основании общего обзора вещей и аналогий мы приходим к выводу, что погребение, обнаруженное у с. Бутенок, относится к VIII — первой половине VII вв. до н. э.

⁹ Раскопки В. И. Каневца в 1951 г., фонды ИА АН УССР, инв. № 243.

¹⁰ КИМ, инв. № 21785, из собрания А. А. Бобринского.

¹¹ Один из могильника Кума, близ Неаполя, в Италии, два других из клада бронзовых изделий из Адерно в Сицилии; Н. Müller-Kärge, Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen, Berlin, 1959, стр. 38, рис. 55, 2; стр. 25—30, табл. 8, 1—2.

¹² А. И. Тереножкин, Поселения и городища в бассейне р. Тясмина, КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 90—94, рис. 28—29.

Условия находки свидетельствуют о том, что это было бескурганное погребение с трупосожжением. Вещи вместе с пережженными костями, по-видимому, были сложены в ямку, вырытую в материке на глубине 1—1,20 м, над которой был, возможно, поставлен дубовый столб, обозначавший место захоронения. Погребение, несомненно, принадлежало конному воину. По составу инвентаря и по времени погребение у Бутенок входит в ряд наиболее ранних памятников кочевников в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа, выделенных А. А. Иессеном на основании изучения новочеркасского клада (погребения близ Лермонтовского разъезда, клад у горы Бештау, погребение у хут. Кубанского, клад из Ессентуков, погребение близ станицы Чернышевской на р. Чир)¹³. Общими для них являются бронзовые удила и трехпетельные псалии кобанского типа, большие бронзовые кольца с подвижной муфтой, бронзовые бляхи с петлей на оборотной стороне, бронзовые двухлопастные ромбические или овальноромбические стрелы. По мнению А. А. Иессена, эти комплексы могли принадлежать скифам или киммерийцам или каким-то местным северокавказским племенам¹⁴.

Погребение у с. Бутенок по обряду захоронения, по-видимому, следует отнести к погребениям, характерным другой группе населения.

Погребальный обряд VIII—VII вв. до н. э. в лесостепной и степной Украине в настоящее время еще недостаточно изучен. На территории степного Приднепровья и Приазовья к этому времени относится несколько могил¹⁵. Все они являются впускными, находятся в насыпи более древних курганов. Господствует обряд труположения в скорченном или вытянутом положении. В погребениях нередко встречаются лощеные сосуды.

В курганах у сел Камышеваха и Черногоровка были встречены предметы конского снаряжения.

Нам неизвестны погребения бондарихинской культуры, распространенной в X—VIII вв. до н. э. в лесостепном Левобережье. Нет достаточных данных и для полной характеристики погребального обряда и погребальных сооружений памятников чернолесской культуры лесостепного Правобережья. Все же на основании тех немногочисленных данных, которыми мы располагаем для этой территории, можно отметить, что господствующим здесь являлись бескурганное трупосожжение в урнах и без них¹⁶. Наряду с ними существовали коллективные погребения с трупосожжением под насыпью кургана (курган № 185 на р. Тенетинке) и вытянутое труположение (курган № 52 у с. Гуляй-Город)¹⁷.

На основании обряда захоронения (бескурганное трупосожжение) могилу у с. Бутенок, по-видимому, можно связать с погребениями чернолесской культуры, памятники которой за последнее время открыты

¹³ А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, ВССА, стр. 119—126; его же, К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР, СА, т. XVIII, М., 1953, стр. 50—70.

¹⁴ А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, ВССА, стр. 130.

¹⁵ С. Первомаевка, курган № 2, погребения 4, 5; курган № 3, погребение 4, курган № 5, погребение 1 (В. А. Іллінська, Г. Т. Ковпаненко, Е. О. Петровська, Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомаївки, АП, т. VIII, 1960, стр. 129, 132—134); погребение у с. Камышеваха (ОАК за 1892 г., стр. 37—38); Черногоровка, курган № 1, погребение 3 (Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 207, 242, табл. XIII, 2, 3, 5, 6, 7).

¹⁶ А. И. Тереножкин, Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье, ВССА, стр. 107.

¹⁷ Е. Ф. Покровська, Курган передкіфського часу в басейні р. Тясмину, Археологія, т. VIII, 1953, стр. 128—130, 133.

и в бассейне р. Ворсклы¹⁸. Этот вывод в известной степени подтверждается наличием в составе инвентаря браслета чернолесского типа.

Материалы погребения у с. Бутенок еще раз свидетельствуют о существовании оживленных связей между населением Кавказа и Среднего Поднепровья. До недавнего времени эта связь прослеживалась главным образом по материалам правобережной Лесостепи¹⁹, тогда как в лесостепном Левобережье были известны лишь единичные находки этого рода²⁰. Погребение у с. Бутенок представляет, таким образом, ценное дополнение к имеющимся ранее данным.

Оно интересно также и тем, что указывает на довольно раннее проникновение в чернолесскую культуру вещей северокавказского происхождения, о чем раньше можно было судить лишь по составу вещей клада из с. Залевок около г. Смелы²¹.

¹⁸ Г. Т. Ковпаненко, Пам'ятки скіфського часу в басейні р. Ворскли, Археологія, т. XIII, 1961, стр. 65.

¹⁹ А. И. Тереножкин, Среднее Поднепровье в начале железного века, СА, 1957, № 2, стр. 59.

²⁰ Г. Т. Титенко, Закавказские удила, найденные на Полтавщине, КСИА, вып. 3, 1954, стр. 77—80; Труды VIII АС, т. IV, М., 1897, табл. LXXXII, 57.

²¹ П. М. Третьяков, Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину, АП, т. I, 1949, стр. 230, рис. 7.

ЖЕРТВЕННИК РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ у с. ЖАБОТИН

Е. Ф. ПОКРОВСКАЯ

В 1958 г. на поселении раннескифского времени у с. Жаботин были открыты остатки культового сооружения, проливающего свет на идеологические представления земледельческих лесостепных племен скифского времени.

Сооружение это находилось в северо-западной части поселения, к западу и юго-западу от жилищ VII—VI вв. до н. э., исследованных в предыдущие годы¹, и представляло собой остатки постройки с глинобитным, хорошо обожженным полом, в средней части которого находился своеобразный жертвенник (рис. 1).

Пол был открыт на глубине 0,3—0,7 м от поверхности. Он имел почти правильную квадратную форму размерами 9×9,5 м. Непосредственно на полу лежал тонкий слой мелких кусков обожженной глиняной обмазки и слой обожженного суглинка, смешанного с черноземом, толщиной до 20 см. Все это было перекрыто сверху слоем завала более крупных кусков глиняной обмазки, покрывавшей не только пол, но и значительную часть восточного участка раскопа за пределами пола. Этот завал, как удалось установить, представляет собой остатки сгоревшей каркасной постройки, относящейся к более поздней поре скифского времени (рис. 1).

Сохранность пола, особенно в восточной и северной частях, оказалась хорошей, и это позволило восстановить последовательность его сооружения. Сначала равномерным пластом был нанесен, а затем обожжен слой хорошо промешанной глины, толщиной от 2 до 4 см. После обжига сверху он был обмазан еще тонким слоем специально приготовленной глины, поверхность которой была тщательно заглажена, вероятно, при помощи специального катка, а затем вторично обожжена. На многих кусках пола хорошо прослеживается верхний тонкий слой обмазки толщиной 1—1,2 см, сероватого цвета, очень плотный, напоминающий цемент, и под ним слой обожженной докрасна глины с грубо заглаженной поверхностью.

Конструкция стен и перекрытия помещения не выяснена. Можно полагать, что тонкий слой обмазки и обожженного суглинка на полу представляет собой остатки каркасных, обмазанных глиной стен, значительно более легких, чем стены жилых помещений, открытых на этом поселении. Для перекрытия такого большого помещения необходимы

¹ Е. Ф. Покровская, Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин, Черкасской обл., КСИА, вып. 4, К., 1955, стр. 88—90; ее же, Отчет о работе жаботинского отряда Среднеднепровской экспедиции 1957 г., научный архив ИА АН УССР; ее же, Отчет Среднеднепровской экспедиции 1958 г. о раскопках поселения раннескифского времени (VII—VI вв. до н. э.) у с. Жаботин, научный архив ИА АН УССР.

были опорные столбы вокруг пола и в его средней части, однако никаких следов столбовых ям не обнаружено.

Жертвенное место находилось в средней части пола и представляло собой круг 1,35 м в диаметре, сделанный неглубоким пальцевым

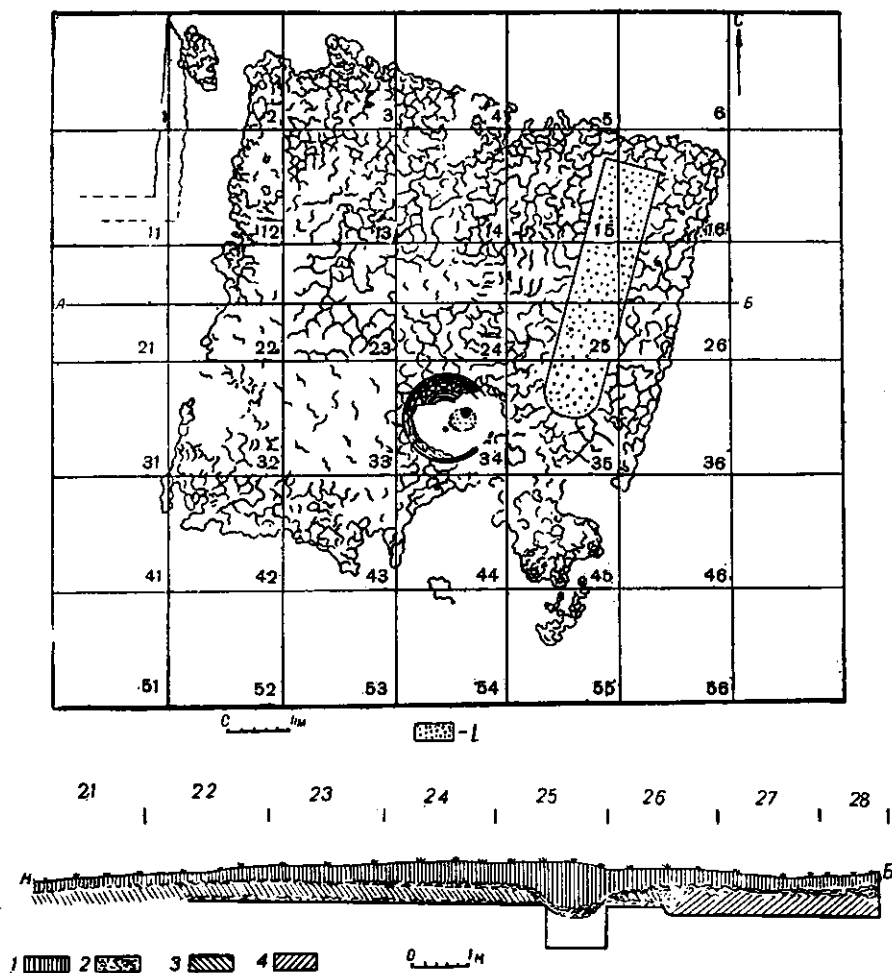

Рис. 1. План и разрез по АБ глинобитного пола на раскопе XIX.

1 — яма. 2 — черноземный слой; 3 — завал глиняной обмазки; 4 — слой обожженного чернозема; 5 — суглинок.

вдавлением на сырой поверхности пола. Вся центральная и восточная часть его оказалась уничтоженной. В южной половине, ближе к центру, находилась яма неправильных очертаний, размером $0,6 \times 0,4$ м и глубиной до 0,9 м. В глинистой засыпке ямы были обнаружены остатки обугленного столбика диаметром 16 см (рис. 2).

Северная половина круга покрытия орнаментом, состоящим из шести концентрических поясов, постепенно сужающихся к концам (рис. 2, 3). Первый пояс, шириной до 15 см, заполнен узором бегущей волны, составленной из отрезков линии, закругленные концы которой, заходя один за другой, образовывали завитки спиралей. По обе стороны линий, соединяющих эти завитки, расположены вдавленные ямки. Второй пояс, шириной до 7 см, орнаментирован простым меандром. У основания каждого из прямоугольников меандра помещены кружки, вдавленные полой костью или тростником. Четыре остальных гладких узких пояса охватывали полудугу среднюю часть круга. Южная половина круга,

от которой сохранилась только часть юго-западного края, не орнаментирована. Она была ограничена лишь узким пояском из двух concentрических, небрежно вдавленных линий.

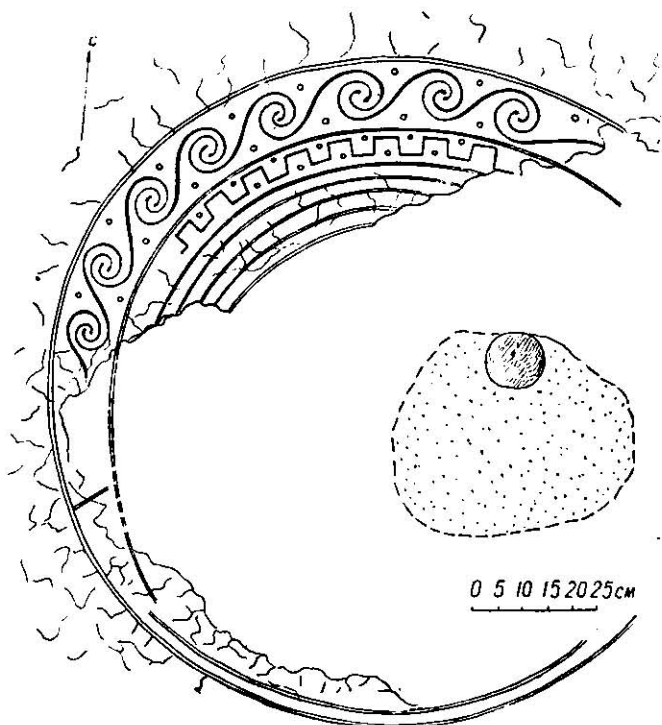

Рис. 2. План жертвенника.

Такое неравномерное оформление жертвенного места, отсутствие в центре глиняной обмазки, деревянный столбик в яме позволяют пред-

Рис. 3. Жертвенник на раскопе XIX. Вид с севера.

положить, что середину и южную половину круга занимала алтарная часть, ныне не сохранившаяся. Она, по-видимому, возвышалась над уровнем пола и была укреплена при помощи столбика. Парадной сто-

роной алтарь был обращен на северо-запад. Орнамент северо-западной половины круга представлял собой как бы коврик перед ним, в то время как оформлению южной половины круга, скрытой позади возвышенной части жертвенника, не придавалось большого значения.

Северо-восточная часть пола еще в древности была прорезана траншеей размером $4,5 \times 1,05$ м, глубиной 0,95 м. Эта траншея, расположенная на расстоянии 0,95 м от края пола, имела форму прямоугольника, закругленного с южной стороны (рис. 1). В засыпке траншеи, у дна, встречены отдельные обломки костей лошади и 5 обломков сосудов. Интерес представляет обломок ручки черпака и край лощеной миски VI в. до н. э., позволяющие определить время сооружения траншеи.

Верхняя часть засыпки до глубины 0,25 м состояла из мелких кусков глиняной обмазки, попавшей сюда в результате осадки более позднего слоя завала, покрывавшего пол, и свидетельствует о том, что во времени образования этого завала траншея была в значительной степени уже засыпана.

На полу, главным образом в восточной и северо-восточной частях, а также и вокруг него встречены отдельные обломки сосудов: стенки орнаментированных корчаг, черпаков, мисок. В юго-восточном углу стояла раздавленная миска с орнаментом из двойных отрезков валика, косо спускавшихся от края на плечи (рис. 4, 1).

У восточного края пола найден бронзовый двухлопастный наконечник стрелы с шипом.

За пределами пола на одном уровне с ним были обнаружены две ямы: одна (глубиной 0,9 м) вблизи северо-западного угла, другая (глубиной 0,6 м) на расстоянии четырех метров к северо-востоку от пола. В засыпке ям встречены кости животных и обломки сосудов. Керамический материал на полу и в ямах аналогичен и одновременен. Обломки вытянутых горшков, с более или менее отогнутым венчиком, по форме и орнаменту близки к горшкам чернолесского времени (VIII—VII вв. до н. э.). Они украшены проколами или наколами под краем, валиковым пояском, расчлененным пальцевыми ямками (рис. 4, 2), или рядом небрежно вдавленных ямок на плече (рис. 4, 5).

Черпаки больших и малых размеров принадлежат к группе ранних. Большинство из них имеет форму глубокой s-образного профиля чашечки с круглой петельчатой ручкой, заканчивающейся вертикальным отростком (рис. 4, 3, 4, 6, 10). Обычно они украшены поясом геометрического резного и штампованного орнамента (рис. 4, 3, 6, 7). Поверхность черпаков нелощеная или слаболощенная, серовато-коричневая. По форме и орнаменту они вполне аналогичны черпакам, найденным в раннем слое Жаботинского поселения (VII в. до н. э.), а также на поселении и в ранних погребениях могильника «А» у р. Тенетинки².

Наряду с глубокими черпаками имеются обломки черпаков с мелкой чашечкой, без орнамента или с орнаментом из лент двойных или тройных линий, образующих углы, спускающиеся от плечиков ко дну. Эта форма черпаков известна среди памятников VII в. до н. э., но особое распространение получает уже в начале VI в. до н. э.

Ранними являются и корчаги. Найденны обломки стенок корчаг округлого профиля, в большинстве с нелощеной гладкой поверхностью, они орнаментированы поясом сложного резного орнамента, который бывает дополнен круглым и зубчатым штампом, рельефными валиками или шипками (рис. 4, 9).

Интересны обломки чернолощеных корчаг, найденные у восточного края пола. Один из них орнаментирован крупными концентрически-

² А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы, т. II. СПб., 1898, табл. 1—5; А. И. Тереножкин. Археологические исследования близ Смелы в 1952 г., КСИА, вып. 3, К., 1954, стр. 72, табл. 1, 1—3.

ми подвесками из трех вдавленных бороздок. Средняя часть заполнена вдавленным кружком. Эти подвески поясом охватывают округлые плечики сосуда (рис. 4, 8). Другой обломок орнаментирован рельефным волнистым пояском, образованным двойной линией вдавлений. Обло-

Рис. 4. Обломки сосудов, найденных на полу сооружения в раскопе XIX.

1 — обломок миски; 2, 5 — обломки простых сосудов; 8, 3, 4, 6, 7, 10 — черпаки; 8—9 — обломки корчаг.

мок такого же сосуда был найден на раскопе IX (в 1953 г.) (рис. 5, 1) вместе с обломками корчаг, орнаментированных узорами из вдавленных спиралей, аналогичных орнаменту пола (рис. 5, 2).

Таким образом, материал, найденный на полу и в ямах, позволяет датировать наше культовое сооружение концом VII, вернее рубежом VII—VI вв. до н. э. Раннюю датировку подтверждает и бронзовый двухлопастный наконечник стрелы с шипом, найденный у восточного края пола.

Открытое в 1959 г. культовое сооружение не являлось единственным на Жаботинском поселении. Аналогичному жертвеннику принадлежал, несомненно, обломок глиняной обмазки, найденный в засыпе землянки на раскопе XVIII (1959 г.) с материалом раннего VI в. до н. э., на котором сохранилась незначительная центральная слегка углубленная часть круга с остатками пяти вдавленных концентрических поясов.

Диаметр этого круга почти соответствует размерам орнамента нашего поля (свыше 1 м). В засыпке этой же землянки был встречен кусок глиняной обмазки с росписью красной краской.

Культовому сооружению, по всей вероятности, принадлежали также остатки сооружения, исследованного на раскопе II (1953 г.)³.

Среди завала глиняной обмазки стен большой глинобитно-каркасной полужемляночной постройки были обнаружены отдельные куски обмазки с росписью красной краской и обломки тонких плиток, изготовленных из твердой цементоподобной массы, со следами вдавленного орнамента. Судя по количеству найденных здесь обломков, роспись покрывала небольшую часть помещения, может быть часть стены или какое-то иное глиняное сооружение (очаг, жертвенник?). Куски обмазки с росписью часто имели отпечатки жердей на обратной стороне.

Рис. 5. Обломки чернолощенных корчаг.

Судя по отдельным деталям, орнамент состоял из геометрических фигур: треугольников, прямых узких лент, сходящихся концами, и, возможно, растительных мотивов в виде завитков, лепестков и т. п. Роспись сделана красной краской по голубовато-серому фону или темно-красной краской по побелке, нанесенной на гладкую поверхность обмазки. Обломки орнаментированных плиток, украшенных узором, подобным обнаруженному на полу, принадлежали, по-видимому, также остаткам жертвенного места.

Обломки глиняной обожженной обмазки с остатками вдавленного спирального орнамента были найдены В. А. Городцовым⁴ в зольнике № 4 на Бельском городище (VII—VI вв. до н. э.). Эти находки позволяют предполагать, что подобные сооружения существовали в ранне скифское время и в бассейне р. Ворсклы.

Специальные культовые сооружения известны в лесостепном Приднепровье и в последующее время. При раскопках Пастырского и Матронинского городищ в слое VI—V вв. до н. э. В. В. Хвойка обнаружил два глиняных сооружения в виде обожженных «столбов», он описал их как жертвенники⁵.

Жертвенник Матронинского городища представлял собой «возвы-

³ М. И. Вязьмитина і Є. Ф. Покровська, Поселення VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботина, АП, т. VI, К., 1956, стр. 45.

⁴ В. А. Городцов, Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г., «Труды XIV археологического съезда в Чернигове 1909 г.», т. III, М., 1911, стр. 151, рис. 112.

⁵ В. В. Хвойка, Дрезице обитатели Среднего Приднепровья, К., 1913, стр. 40; его же, Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность, «Труды XII археологического съезда в Харькове», т. 1, стр. 93.

шенность или столб» диаметром около 1 м. Он был открыт непосредственно под верхним слоем земли, оставлен на месте и засыпан⁶. Сохранился лишь рисунок его верхней части (сделанный Хвойкой) без указания масштаба (рис. 6)⁷. Жертвенник Пастырского городища имел большие размеры и представлял собой столб высотой 1,25 м, диаметром 1,5 м⁸. Жертвенник оказался опрокинутым, верхняя часть его лежала отдельно, лицевой стороной вниз. Она была доставлена в Киевский исторический музей, где и сохранялась до 1937 г.⁹

На верхней стороне у обоих жертвенников имелась круглая площадка с чашеобразным углублением посередине, окруженным concentрическими кругами. Поверхность жертвенников беловато-серого или розоватого цвета, по предположению В. В. Хвойки, подвергалась неоднократному обжигу. Почва, окружавшая эти жертвенники, была насыщена большим количеством золы, угольков, обугленных стеблей пшеницы с невымолоченными колосьями, горелой скорлупой орехов или желудей. Здесь же были встречены обломки мисок и других сосудов, обожженные кости, среди которых на Пастырском городище были встречены и человеческие.

Рис. 6. Жертвенник Матронинского городища.

Аналогичное глиняное сооружение, но без орнамента и больших размеров было открыто В. А. Богусевичем на Большом

Каневском городище скифского времени (V—III вв. до н. э.)¹⁰. Оно было открыто на глубине 0,4 м от поверхности и представляло собой половину большого глиняного круга диаметром 3 м и толщиной 0,4 м. Глина была хорошо промешана и обожжена. Поверхность тщательно заглажена.

Культовые места известны в позднескифское время и в бассейне Северного Донца. Сложное сооружение с глиняным овальным жертвенником было открыто Б. А. Шрамко на городище V—II вв. до н. э. у с. Караван на Харьковщине. Особенностью этого культового сооружения является находка на нем множества глиняных моделей зерен хлебных культур и других злаков (пшеницы, ячменя, ржи, гороха и др.), которые, по всей вероятности, употреблялись местными жителями при выполнении обрядов, связанных с земледельческим культом¹¹.

Итак, представляется несомненным, что у земледельческих племен Лесостепи на протяжении скифского периода существовали специаль-

⁶ В. В. Хвойка и Б. И. Ханенко, Раскопки в Чигиринском уезде Киевской губернии вблизи Матронинского монастыря, АЛЮР, т. I, 1899, стр. 91.

⁷ Рисунок В. В. Хвойка (научный архив ИА АН УССР).

⁸ В. В. Хвойка, Раскопки городища Жарище у с. Пастырского Чигиринского уезда, АЛЮР, т. III, 1901, сентябрь, стр. 181—182.

⁹ При перемещении отдела археологии из музея им. Шевченко в Лаврский заповедник в 1937—1938 г. жертвенник, по-видимому был уничтожен.

¹⁰ В. А. Богусевич, Скифские и древнеславянские поселения на территории Каневского заповедника Киевского государственного университета, «Труды Каневского заповедника КГУ», вып. 9, К., 1952.

¹¹ Б. А. Шрамко, Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине, КСИА, вып. 7, К., 1957, стр. 61.

ные культовые места и жертвенники, на которых совершались жертвоприношения или другие обряды, связанные с земледельческим культом.

На существование специальных культовых сооружений и жертвенников у племен, живших в лесной местности к северу от Скифии, основой хозяйства которых являлось земледелие, указывает Геродот. По его словам, в городе Гелоне, построенном на земле будин, находились святилища эллинских богов, по-эллиниски снабженные кумирами, жертвенниками и деревянными храмами. В честь Диониса через каждые 2 года совершались празднества¹².

На земледельческие обряды и празднества гелонов и на сходство их с греческими обратили внимание греки, посещавшие землю гелонов, тем более что у собственно скифов — царских и у кочевников — обычай и обряды были совсем иные¹³.

Наличие на наших поселениях и городищах скифского времени культовых сооружений и жертвенников убеждает нас в том, что явления, отмеченные Геродотом у гелонов, были свойственны и племенам лесостепного Приднепровья. Празднества, устраиваемые в связи с земледельческими культами, и прежде всего с культом солнца, были присущи всем земледельческим народам на определенной стадии развития. Религиозные обряды, близкие дионисийским, существовали у древних славян и некоторых других племен Средней и Северной Европы¹⁴.

Встречающийся на жертвенниках круг, орнаментированный концентрическими поясами, является солярным знаком — символом солнечного божества. Культ солнца в период раннего железа в VII—IV вв. до н. э. был широко распространен у племен лесостепного Приднепровья. Изображения солярных знаков встречались в орнаменте бытовых предметов, которым придавалось особое значение.

Символ солнца в виде концентрических кружков, кружков, заполненных крестами, спиралей можно усматривать в орнаменте многих лощеных сосудов. Возможно, символическое значение имеет орнамент черпаков и круглотелых кубков в виде расходящихся от круглой ямки в центре дна лучей.

Особый интерес в этом отношении представляет черпак Жаботинского поселения с таким орнаментом, дополненным граффити на боку чашечки и прочерченным в центре крестом (рис. 7).

По предположению И. В. Фабрициус, солярный знак изображен на большом глиняном грузиле, половинки которого были специально забиты под глиняную обмазку в устье печи на Шарповском городище¹⁵.

Особенно часто встречается солярный знак на предметах конского снаряжения раннескифского времени: бронзовых и костяных псалях, бляхах, украшениях¹⁶. Интересны костяные пластины, найденные в одном из курганов у с. Жаботин¹⁷. Солярные знаки, помещенные над лежащим лосем одной из этих пластин и на лопатке лосихи, указывают, по мнению М. И. Вязьмитиной, на связь изображения с солярным культом и идеей плодородия¹⁸.

Обращает на себя внимание совпадение орнаментального мотива из концентрических поясов, заполненных узором бегущей волны, на жаботинском жертвеннике с орнаментом на золотых бляшках конского убора из Келермесского кургана, символизирующим собою солярный

¹² Геродот, IV, 108.

¹³ Там же, 59.

¹⁴ ВДИ, 1947, № 2, примечание 1, стр. 279.

¹⁵ И. В. Фабрициус, Тясминська експедиція, АП, т. II, 1949, стр. 92, табл. III, 10.

¹⁶ В. А. Іллінська, Скіфська вузда VI ст. до н. е., Археологія, XIII, стр. 57 и сл.

¹⁷ ДП, III, табл. LXI, 539, 540.

¹⁸ М. И. Вязьмитина, Ранние памятники скифского звериного стиля, СА, 1960, № 4 (печатается).

знак¹⁹. Аналогичный орнамент встречен и на костяных предметах погребения VIII—VII вв. до н. э. у Симферополя²⁰.

Орнамент Пастырского и Матронинского жертвенников повторяется на бронзовом навершии, найденном вблизи Чернигова²¹. Это навершие заканчивается выпуклой круглой шляпкой, орнаментированной наподобие наших жертвенников семью углубленными концентрическими поясками²². На сходство его орнамента с орнаментом жертвенников обратила внимание В. А. Ильинская. Она относит навершие к VI в. до н. э. и считает его предметом культового назначения²³.

Культовые сооружения с жертвенниками у племен с земледельческим укладом хозяйства имеют древнее происхождение. Они были распространены в III—II тысячелетиях до н. э. в Средиземноморье²⁴.

В это же время жертвенники были известны в памятниках трипольской культуры. Они представляли собой возвышения крестобразной или округлой формы, устроенные в определенных местах жилища. Эти жертвенники были хорошо обожжены, иногда орнаментированы вдавленными концентрическими кругами и изредка окрашены красной краской²⁵.

Древнее происхождение имеет и орнамент жаботинского жертвенника. Аналогичные спирали и меандр были хорошо известны начиная с III тыс. до н. э. в круге культур Восточного Средиземноморья²⁶.

Отсюда эти мотивы распространились далеко на Восток, проникнув через Малую Азию в Закавказье и на Кавказ, где они продолжали существовать в эпоху бронзы и раннего железа.

Меандр становится одним из основных орнаментальных мотивов древней Греции. Спираль же в различных вариантах являлась распространеннейшим мотивом орнамента фракийского гальштата.

Распространение этих мотивов орнамента в VII—VI вв. до н. э. в Северном Причерноморье, в частности в лесостепном Правобережном Приднепровье, говорит о том, что и на этой территории наблюдались культурные явления, близкие одновременным культурам Средиземноморья.

В жертвенниках и их орнаменте, повторяющемся и на парадных лощеных сосудах, нашла отражение идеология земледельческих племен Лесостепи, связанная с культом солнца, с идеей плодородия.

Рис. 7. Черпак из раскопа XVIII Жаботинского поселения.

¹⁹ ОАК за 1904 г., стр. 89, рис. 142—143.

²⁰ См. статью Шепинского в настоящем выпуске, табл. 7, 1—2; табл. 8, 2—4.

²¹ В. А. Шугаевский, Татарская горка близ г. Чернигова, «Труды Московской предварительной комиссии по устройству XV археологического съезда», М., 1911, стр. 247.

²² Подобный мотив орнамента украшает костяные бляхи конского убора симферопольского погребения (см. настоящий выпуск: А. А. Шепинский, Погребение начала железного века у Симферополя, табл. 5, 1—4).

²³ См. статью Ильинской в настоящем выпуске.

²⁴ John Gaskey, Excavations at Lerna, 1957, *Hesperia*, XXVII, № 2, 1958, стр. 125—144, табл. 32, d—c; Seton Lloyd and James Mellaart, Beycesultan excavations Fourth preliminary report 1937, *Anatolians Studies* vol. VIII, 1958, табл. 104, рис. 4, 5; M. Nilsson, *Geschichte der griechischen Religion*, 1941, табл. 10, 1.

²⁵ Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА, М.—Л., 1949, № 10, стр. 89.

²⁶ Дж. Пендлбери, Археология Крита, М., 1950, стр. 154, рис. 21, 22; стр. 334.

СКИФСКОЕ НАВЕРШИЕ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЧЕРНИГОВА

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

В окрестностях г. Чернигова, на левом берегу р. Десны, в урочище Татарская Горка, в 1910 г. местным жителем было найдено бронзовое скифское навершие. Информация об этой находке была дана в «Трудах Московского предварительного комитета по устройству XV археологического съезда»¹, но само навершие осталось неизданным и до сих пор не привлекало к себе внимания специалистов. Оно поступило в Черниговский историко-краеведческий музей, где и хранится вплоть до настоящего времени². Навершие это представляет выдающийся интерес из-за своей необычной формы, а также потому, что оно является самой северной из находок этого рода на территории Скифии.

Количество памятников скифского типа в северной части левобережной Лесостепи, на Сейме и Десне сравнительно невелико. Большинство из них решительно тяготеет к посульскому варианту скифской культуры. Так, например, в кургане у г. Борзна, Черниговской области³, был найден уздечный набор, очень близкий к уздечным принадлежностям из кургана № 2 у с. Аксютинцы⁴. В частности, и там и здесь оказался редкий тип бронзовых блях, изображающих в стилизованном виде в фас голову животного, припавшего на передние лапы.

В кургане у с. Кошары в северной части Сумской области оказался бронзовый ножной браслет посульского типа⁵. Два бронзовых ножных браслета и характерная для Посулья бронзовая крупная булавка с большой гвоздевидной шляпкой хранятся в Черниговском историко-краеведческом музее (рис. 1).

Обстоятельства находки навершия на Татарской Горке нам не известны, однако связь его со скифскими древностями посульского круга, где навершия составляют одну из характерных принадлежностей инвентаря мужских погребений, представляется более чем вероятной.

Навершие целиком бронзовое (рис. 2), состоит из трех частей: трубчатой втулки, полого прорезного бубенца и круглой грибовидной шляпки. Общая длина — 14 см. Втулка круглая, слегка расширяется от верхнего конца к нижнему (длина — 6,5 см, диаметр у верха — 2,5 см, у низа — 3 см). В нижней трети имеется сквозное круглое отверстие 3—4 мм в поперечнике для гвоздя, при помощи которого втулка скреплялась с древком. Бубенец грушевидной формы, из двух обращенных друг к другу основаниями усеченных конусов, высота верхнего — 5,3 см,

¹ В. А. Шугаевский. «Татарская горка» близ г. Чернигова, «Труды Московского предварительного комитета по устройству XV АС», М., 1911, стр. 247—251.

² На малоизвестное навершие из Черниговского музея наше внимание обратил В. Н. Даниленко.

³ Раскопки В. Б. Антоновича, хранится в ГИМ, № 71/57а.

⁴ Д. Я. Самоквасов, Могилы русской земли, М., 1908, стр. 109—110 (набор хранится в ГИМ).

⁵ «Корочки А. А. Сплицына», 322/311, архив ИА АН СССР.

нижнего — 1,2 см. Диаметр основания 5,2 см. Место соединения мягко округлено. В стенках острым зубилом вырублены прорезы. В верхней части их пять в форме удлинненных треугольников (высота — 5 см, основание — 1,5 см). В нижней части пять небольших треугольных прорезей, расположенных в интервалах между прорезями верхней части.

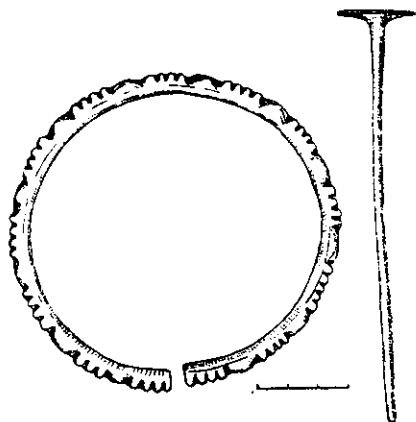

Рис. 1. Бронзовый ножной браслет и бронзовая блявка из собрания Черниговского историко-краеведческого музея.

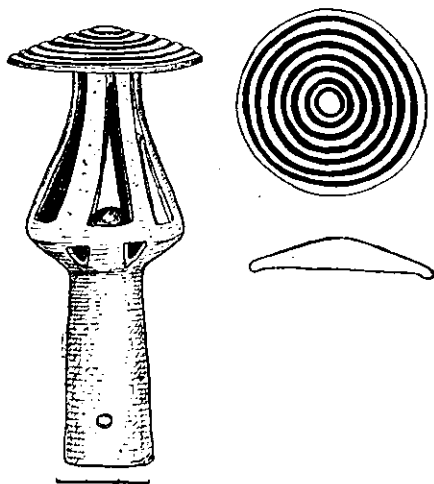

Рис. 2. Бронзовое скифское навершие, найденное в урочище Татарская Горка под Черниговом.

Бубенец наглухо отделен от втулки. В середине его находится бронзовый шарик около 1,5 см в диаметре.

Самое необычное в черниговском навершии — это венчающий его круглый диск (6 см в диаметре), укрепленный горизонтально. Сверху он слабо выпуклый и украшен семью углубленными концентрическими желобками. Нижняя сторона плоская с опущенным вниз бортиком в виде закраины. Такого рода украшение в оформлении скифских наверший является уникальным, не имеющим себе параллелей. Представляется весьма вероятным, что этот круглый щиток и украшающие его концентрические круги представляют собой не что иное, как одну из разновидностей солярной эмблемы, занимающей определенное место в семантике скифских образов.

Нам уже приходилось касаться вопроса о знаках солярного культа на ранних предметах конской узды. В тех случаях солярный знак имел вид четырехконечной лучевидной фигуры в форме бубнового туза, заключенной в круг. Семантическое значение этой эмблемы полностью выясняется при сопоставлении со знаками солярного божества в ассиро-вавилонском и хеттском искусстве⁶. Характерно, что такого рода солярные значки оказались на верхней уплощенной стороне наверший из 1-го и 2-го Келермесских курганов, раскопанных Н. И. Веселовским⁷. Этот факт показывает, что солярные значки служили одним из магических сюжетов в оформлении скифских наверший.

Весьма существенно, что во многих случаях солярный знак в виде четырехлучевой фигуры сочетается с мотивом концентрических кругов. Нередко он оказывается вписанным в центр нескольких концентрических колец.

На бронзовых бляхах из Эссентуков фигура в виде четырехлепестковой розетки находится в центре кольца, от которого отходят четыре

⁶ В. А. Іллінська, Скифська вузда VI ст. до н. е., Археологія, т. XIII, 1961.

⁷ ОЛК за 1904 г.; Эрмитаж, № Ку 1903—04, 1/41, 142; Ку 1904, 2/10.

крестовидных выступа, заключенных, в свою очередь, во второе внешнее кольцо. На каждом из выступов имеется значок в виде концентрических кругов, олицетворяющих ту же идею⁸.

На золотых бляхах конской узды из 1-го Келермесского кургана лучевидный знак находится в центре, он окаймлен тремя и четырьмя концентрическими кругами⁹. Пространство между кругами заполнено орнаментом бегущей волны. Этот же значок в центре нескольких концентрических кружков имеется на некоторых костяных предметах из погребения VIII—VII вв. до н. э. в Степном Крыму¹⁰.

В качестве солярных эмблем на неолитических наскальных изображениях Скандинавии и в искусстве гальштата также встречаются значки в виде заключенных в кольцо крестовидных фигур и концентрических кругов¹¹.

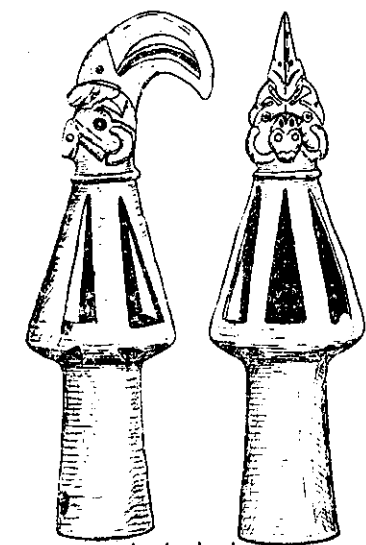

Рис. 3. Бронзовое навершие из кургана № 476 у с. Волковцы на Суле.

Еще один глинобитный жертвенник в виде круга с концентрическими кругами и дополнительными мотивами орнаментации был открыт в 1958 г. на Жаботинском поселении¹².

Полное совпадение изображений на диске черниговского навершия и жертвенниках Пастырского и Матронинского городищ с несомненностью свидетельствует о единстве заключенных в них культовых представлений. Они связаны с идеей животворящих сил солнца, огня, плодородия. В этом отношении черниговские и келермесские навершия с эмблемой солнца, представляют особый интерес, поскольку они указывают на связь этой группы ритуальных скифских предметов с кругом космических идей, солнечного культа и идеей плодородия.

Форма бубенца и втулки черниговского навершия вполне обычна и имеет многочисленные параллели в раннескифских навершиях Кубани и Посулья. Особенно близки к ним два навершия, украшенные головкой грифобарана, осложненной дополнительными элементами звериного стиля, из кургана № 476 у с. Волковцы на Суле, найденное вместе с двумя парами других наверший¹³. В свете указанных аналогий черниговское навершие, вероятнее всего, следует отнести к VI в. до н. э.

⁸ А. А. Иессен, Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе, ВССА, стр. 122.

⁹ ОАК за 1904 г., стр. 89, рис. 142.

¹⁰ См. статью Щепинского в настоящем выпуске.

¹¹ J. Déchelette, Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine. t. II, p. I, Paris, 1910, стр. 413—433.

¹² См. статью Покровской в настоящем выпуске.

¹³ ДП, вып. VI, 1907, табл. VI, 433; «Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга», СПб., 1908, стр. 150.

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО БЕЛГОРОДА

В. Д. ДЯДЕНКО

Древний Белгород (современное с. Белгородка, Киево-Святошинского района) известен как один из наиболее значительных укрепленных городских центров древнерусского государства. Археологические исследования, проводившиеся здесь В. В. Хвойкой в 1909—1910 и 1913 гг. и Д. И. Блительдом в 1947 г., дали весьма важные вещественные материалы корчевато-зарубинецкого времени и X—XIV вв.¹ Однако эти исследования почти не выходили за пределы белгородского детинца. Территория же огромного укрепленного городского посада, или «окольного града», площадь которого занимает 75 га, оставалась совершенно не изученной.

В 1958 г. на белгородском посаде были обнаружены новые интересные находки. Они относятся к раннему, до сих пор не известному периоду существования древнего Белгорода.

Здесь, в районе центральной части современного с. Белгородки, на восточном склоне глубокой естественной балки, отделявшей некогда «окольный град» от детинца, в последнее время начал образовываться новый овраг. Он находится против северного края детинца, приблизительно в 100 м к востоку от него, и врезается в плато, где был расположен посад. Весной 1958 г. в верхней части восточной оконечности этого оврага произошел обвал, и в разрезе на фоне материкового лесса открылись контуры ямы, перекрытой сверху сгоревшей землянкой времени Киевской Руси. Яма имела форму правильного усеченного конуса высотой около 2 м, диаметр по верху — 1,1 м, у дна — 2,1 м. Западная часть ее обвалилась. Ровное горизонтальное дно ямы обожжено. По-видимому, яма предназначалась для хранения зерна.

В яме обнаружены кости домашних животных (свиньи, коровы) и птицы, куски печины, уголь, крупные куски довольно чистого, с незначительными примесями, песка, мела общим весом свыше 10 кг. Очевидно, последний применялся для побелки стен.

В нижней части ямы оказалось большое количество лепной и кружалной керамики.

К первой группе относится целый лепной сероглиняный горшок (рис. 1, 1), частично деформированный от вторичного пребывания в огне. Высоко посаженные плечики его, диаметром около 14 см, круто выгнуты в верхней части. Венчик почти прямой с закругленным краем. Корпус резко суживается от плечей книзу, диаметр дна — 7 см, высота горшка — 11,5 см. На нижней части стенки сохранился орнамент в виде овала с точкой посредине и треугольника, сделанных при помощи наколов круглой полой палочки или соломинки.

¹ В. В. Хвойка, Древние обитатели Среднего Приднепровья, К., 1913; Д. И. Блительд, Дослідження древнього Білгорода, АП, т. III, К., 1952.

Кроме того, в яме найдены фрагменты стенок, венчиков и днищ от аналогичного рода горшков (рисунок 3—5). Они сделаны из глины с примесью крупной дресвы, довольно слабо обожжены, поверхность шероховатая или слабо заглаженная, желтого или розоватого цвета. Венчики обычно слабо отогнуты наружу, без орнамента.

Керамика второго типа представлена обломками гончарного сосуда типа большого кувшина (рис. 1, 2). Глина хорошо отмучена и обожжена до розового цвета. Стенки орнаментированы снаружи двумя горизонтальными поясами, верхний из которых волнистый, нанесенный

Раннеславянская керамика VII—IX вв. из Белгорода.

при помощи гребня, а нижний — прямолинейный, резной. Нижняя часть сосуда украшена рядом вертикальных пролощенных полос. Диаметр кувшина — 40 см, толщина стенок — 1,3 см (венчик и дно не сохранились).

Обнаруженные здесь остатки гончарной посуды очень близки к керамике поселений VII—IX вв., исследованных за последние годы на Пастырском городище, Черкасской области, у с. Пеньковка, Ново-Георгиевского района, Кировоградской области, у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района, Харьковской области, и др.²

Лепная керамика имеет аналогии с сосудами из раннеславянских слоев Княжей горы под Каневом³, с материалами Волынцевского могильника⁴ и других памятников VII—IX вв.

Находки, подобные вышеописанным, в с. Белгородке не единичны. Так, на восточном обрыве упомянутой балки, в пределах посада, имеется еще несколько хозяйственных ям с фрагментами лепной славянской керамики в заполнении. Подобная же керамика встречается в виде подъемного материала и за границами городских укреплений, к югу от детинца, на возвышениях правого коренного берега р. Ирпеня.

Ямы с керамикой VII—IX вв. на Белгородском посаде свидетельствуют, что еще до образования древнерусского государства и возникновения Белгорода как большого укрепленного города здесь существовало более раннее славянское поселение сельского типа.

Аналогичное явление наблюдается и в ряде других крупнейших древнерусских городов, которые выросли на месте более ранних славянских поселений сельского типа середины второй половины I тысячелетия н. э.: Киева, Чернигова, Переяславля, Пскова, Старой Ладogi и др.

² Фонды ИА АН УССР.

³ Г. М. Шовкопляс, Слов'янські пам'ятки в районі Києва, «Археологія», т. X, К., 1957, стр. 138, рис. 2.

⁴ «Нариси стародавньої історії Української РСР», К., 1957, стр. 366, рис. 1.

ГОРОДИЩА РОСТОЧЬЯ

А. А. РАТИЧ

На территории Росточья, расположенного на водоразделе притоков верхнего Днестра, Сана и Западного Буга, существовал во времена

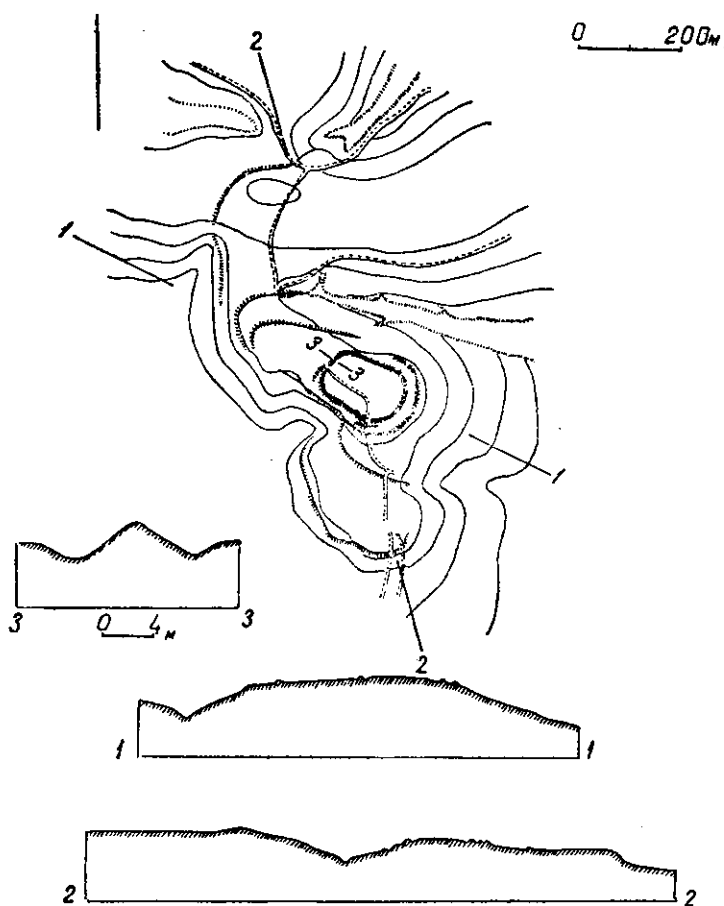

Рис. 1. План и разрезы городища у с. Рокитно.

древней Руси ряд городов и укрепленных населенных пунктов. Летописи упоминают на этой территории города Борок, Щекотин, а также реки Зубрюю и Щирицу как места военных сражений в первой половине XIII в.

Археологические исследования на территории Росточья почти не

велись. Во время разведки 1955 г. на этой территории были обследованы городища в с. Рокитно, Ивано-Франковского района, и в с. Завадов, Нестеровского района, Львовской области.

Городище в с. Рокитно расположено на хребте возвышенности в урочище Окопы в южной части деревни (рис. 1). Оно было окружено сложной системой укреплений. Центр городища имел форму эллипса,

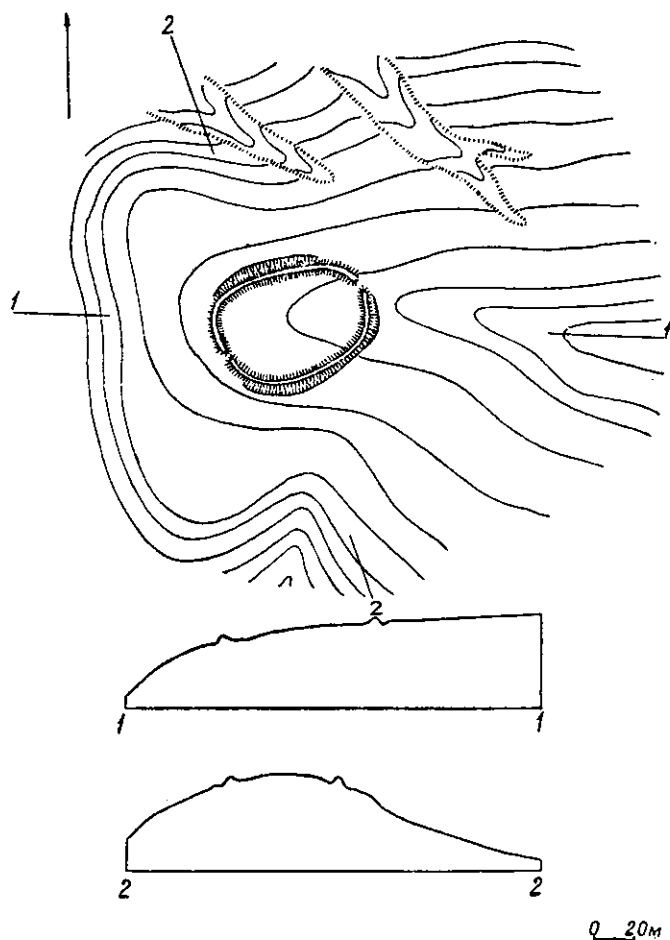

Рис. 2. План и разрезы городища близ с. Завадов.

обведенного валом, высота которого достигает 3 м, а ширина у основания — 10 м. Размеры площадки между валами — 168×127 м. На расстоянии 25—30 м от первого вала параллельно ему (с восточной, южной и западной сторон) проходил второй вал, несколько меньший по размерам. Кроме того, с севера и юга было еще по три добавочных вала, которые на разных расстояниях пересекали хребет возвышенности. Во всех валах сохранились места древних ворот.

Во время разведочных раскопок был расчищен разрез центрального вала возле южных ворот. В разрезе обнаружился однородный грунт, серая супесь, что свидетельствует об одновременной насыпи вала. В различных местах городища были заложены шурфы и в большинстве из них был обнаружен культурный слой времени древней Руси. Он содержал в себе фрагменты горшков с выуклыми стенками, изготовленными на гончарном круге из глины с примесью песка. Посуда обож-

жена довольно слабо, цвет поверхности желто-коричневый. Венчики горшков незначительно отогнуты и с внешней стороны утолщены (рис. 4, 1—4, 8). В одном шурфе обнаружены куски сгоревшего дерева, возможно остатки каких-то построек.

Второе городище (в с. Завадов) находится в 2—2,5 км на восток от городища в с. Рокитно и расположено на другой возвышенности, отделенной от первой долиной. Городище построено на самой вершине

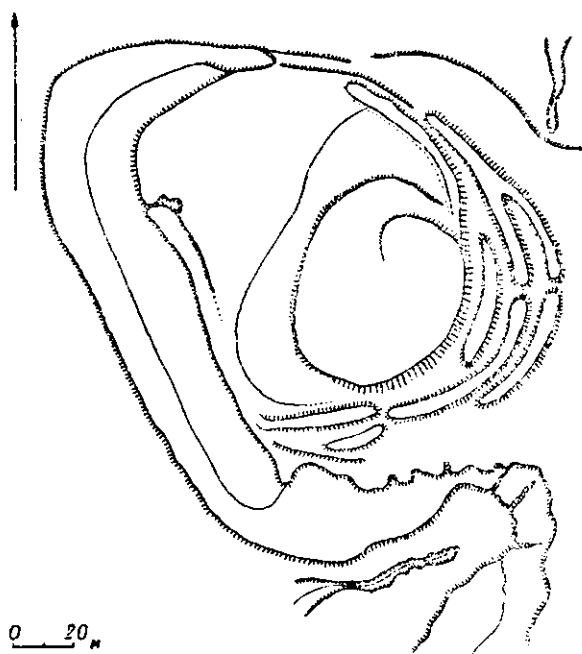

Рис. 3. План городища возле с. Малые Грибовичи.

холма с крутыми склонами с трех сторон (рис. 2); только с востока в направлении с. Малые Грибовичи его территория постепенно сливается с возвышенностью. Городище округлой формы и обведено только одним валом высотой 3 м. Размеры площадки между валами 65×45 м. В валу с востока и юго-запада сохранились места древних ворот. В двух шурфах, заложенных на территории городища, был обнаружен довольно тонкий культурный слой времени древней Руси. В нем были найдены типичные для этого времени железные ножи (рис. 4, 23), а также фрагменты горшков с линейным орнаментом и утолщенными снаружи венчиками (рис. 4, 19—22).

Третье городище Ростоцья (в с. Малые Грибовичи, Нестеровского района, Львовской области) было исследовано в 1933—1934 гг. М. Ю. Смишко¹. Городище находится на расстоянии 4—5 км на восток от городища в с. Завадов. Оно построено на вершине горы с крутыми склонами с северной, западной и южной сторон; с востока было защищено тремя рядами валов и ров (рис. 3). Между вторым и третьим валами находился еще один короткий вал, очевидно, для укрепления въезда. Как показали исследования, два вала были насыпаны из чистой земли, а третий (самый высокий) вал, судя по обнаружению в нем слоя пережженной глины, пепла и остатков сгоревших балок, возможно, имел внутри деревянные конструкции. В шурфах и раскопах был

¹ За любезное предоставление мне частично сохранившейся документации раскопок и материалов приношу М. Ю. Смишко благодарность.

выявлен культурный слой энеолитического времени (культуры воронковидных чаш), а в одном из них — культурный слой времени древней Руси, в котором были найдены фрагменты керамики, железные гвозди и кости животных. Фрагменты керамики принадлежали горшкам с вы-

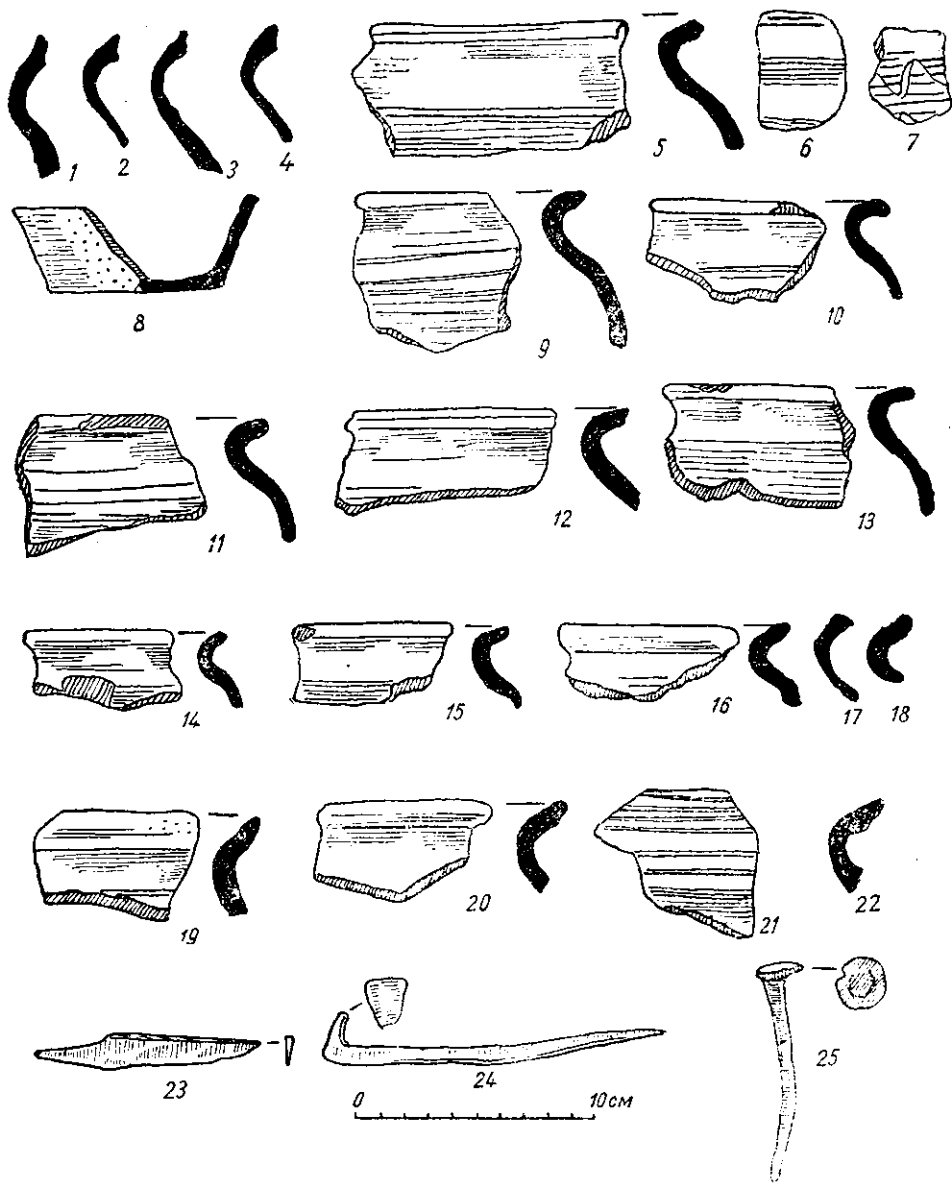

Рис. 4. Археологический материал из городищ:

1-4, 8 — у с. Рокитно; 5-7, 9-18, 24-25 — возле с. Малые Грибовичи; 19-23 — близ с. Завадов.

пуклыми стенками, изготовленным из глины с примесью песка. Обжиг горшков хороший, поверхность шероховатая, цвет преимущественно желто-коричневый, реже серый. Значительное количество бочков и плечиков украшено линейным, реже волнистым орнаментом. Венчики горшков с наружной стороны утолщены, иногда края их округлены. Редко попадаются венчики с уплощенным верхним краем (рис. 4,5-7, 9-18).

Из железных предметов найдено три гвоздя: два с головкой (рис. 4,25) и один костыль (рис. 4,24).

Исследования на городищах в селах Рокитно, Завадов и Малые Грибовичи выявили культурный слой времени древней Руси с вещественным материалом, который можно датировать в пределах X—XII вв. Опираясь на анализ археологических материалов, можно отнести время возникновения городищ в селах Рокитно и Завадов к X—XI, а в с. Малые Грибовичи — к XI—XII вв.

Городища в селах Рокитно, Завадов и Малые Грибовичи, построенные на высоких холмах возвышенности Ростоцьа недалеко друг от друга, надо предполагать были укрепленными городками, которые охраняли важные во времена древней Руси стратегические переходы между Галицкой и Волынской землями.

БРОНЗОВАЯ БЛЯХА С ЭМАЛЬЮ

Е. А. ПЕТРОВСКАЯ, Р. А. ЮРА

В 1960 г. во время разведки на территории будущего Каневского водохранилища в с. Килов, Бориспольского района, Киевской области, 75-летний колхозник Руденко Макар Захарович передал нам бронзо-

Бронзовая бляха из окрестностей с. Килов.

вую бляху с выемчатой эмалью. По словам М. З. Руденко, эта бляха была найдена им давно в урочище Куты¹, расположенном на север от с. Килов, у дороги из этого села в с. Воронков.

Урочище представляет собой песчаную луговую террасу, расположенную на берегу высохшего рукава Днепра, называемого Ревище. Мы обнаружили здесь остатки поселений периода средней бронзы с керамикой комаровского типа и зарубинецко-корчеватовской культуры.

Бронзовая бляха размерами $6 \times 9,5$ см являлась, очевидно, центральной частью нагрудной цепи. Она имеет вид лунницы с концами в форме прямоугольных петель, соединенных прямым стержнем. Стержень украшен волнообразной линией, сделанной в рельефе. Посредине внутренней стороны лунницы сделана дужка, соединенная прямым отростком с серединой стержня. В центре лунницы имеется петельчатое ушко, возможно, для подвешивания колокольчика. Неглубокое гнездо лицевой части лунницы было заполнено эмалью: в левом конце сохранились остатки красной, в правом — зеленой эмали, остальная эмаль выкрошилась. Обратная сторона бляхи гладкая.

Киловская бляха может быть сопоставлена с центральными бля-

¹ В 1947 г. урочище Куты было осмотрено сотрудниками экспедиции «Большой Киев» (см.: I. M. Самойловський, Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947—1948 рр., АП, т. III, К., 1952, стр. 78).

хами мощинской² и межигорской³ цепей, сходство которых было отмечено А. А. Спицыным⁴ и Н. Е. Макаренко⁵, а также и другими исследователями.

По мнению Б. А. Рыбакова, центром изготовления выемчатых эмалей подобного типа являлось Среднее Поднепровье⁶. Данная находка дополняет серию предметов с выемчатой эмалью на этой территории.

Датировка среднеднепровских эмалей колеблется в пределах III—IX вв. н. э., а некоторые авторы относят их к несколько более раннему времени⁷. Обстоятельства находки киевской бляхи не позволяют уточнить ее датировку.

² Н. И. Булычев, Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899, табл. IX, I.

³ И. А. Хойновский, Краткие археологические сведения о предках славян на Руси, вып. 1, К., 1896, табл. XIX.

⁴ А. А. Спицын, Предметы с выемчатой эмалью, ЗОРСА, т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 180.

⁵ Микола Макаренко, Борзенські емалі і старі емалі України взагалі, сб. «Чернігів і Північне Лівобережжя», К., 1928, стр. 93.

⁶ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 53.

⁷ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 127; В. Н. Даниленко, Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР, «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР», К., 1953, стр. 208; М. Ю. Брайчевский, Основные вопросы археологического изучения антов (культура полей погребений), там же, стр. 67.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В РАЙОНЕ ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА в 1959 г.

В. И. МИТРОФАНОВА, Д. Я. ТЕЛЕГИН, Н. М. ШМАГЛИЙ

В сентябре — октябре 1959 г. Днепровской экспедицией Института археологии АН УССР была проведена разведка правого берега Днепра в зоне затопления будущего Днепродзержинского водохранилища¹ от с. Романково, Верхнеднепровского района, до с. Табурище, Ново-Георгиевского района, Кировоградской области.

Долина Днепра в районе разведки имеет неширокую пойму, на которой изредка встречаются отдельные песчаные или черноземно-илистые возвышения. В Днепр на обследованном участке впадает три небольших притока: Омельник Сухой, Омельник Келебердянский и р. Самоткань.

До начала наших работ долина Днепра на данном отрезке представляла собой в археологическом отношении по существу белое пятно. Здесь до 1959 г. были известны лишь отдельные находки кремневых или бронзовых орудий (Мишурич Рог, Калужино, Деревка).

За время работы экспедиции обнаружен 121 памятник, в том числе 18 стоянок неолитического и энеолитического времени, 41 поселение эпохи бронзы и 62 селища периода Киевской Руси и ранних славян, главным образом черняховской культуры. Кроме того, обнаружено несколько мест с находками ископаемой фауны, отмечены следы палеолита, найдено незначительное количество материалов скифского времени. На поселениях собран подъемный материал. Многие пункты прощурфованы.

Ниже даем краткую характеристику основных местонахождений неолита, энеолита и эпохи бронзы².

Памятники неолита представлены дюнными стоянками, расположенными около сел Калужина, Деревки, Успенки и Каменных Потоков (рис. 1). Кроме того, неолитические находки отмечены на более поздних поселениях у сел Литвиновки и Сусловки.

Среди перечисленных местонахождений наибольший интерес представляют две стоянки у сел Успенки и Каменных Потоков.

Неолитическая стоянка у с. Успенки (пункт № 4) расположена в пойме против центра села в урочище Курганка. Последнее представляет собой островок, высотой 3—4 м, образовавшийся у места выхода скал. На поверхности в небольших выдувах собраны неолитические ма-

¹ В работе экспедиции принимали участие Телегин Д. Я. (начальник экспедиции), Шмаглий Н. М., Кучера М. П., Митрофанова В. И., Петровская Е. А., Драчук В. С., Бодянский А. В., Лысова Г. И., Рузанов А. М. и Дремлюга Н. Ф.

² Описание памятников раннеславянского времени см. в статье М. П. Кучеры и В. С. Драчука в настоящем выпуске.

териалы. На поселении заложены два шурфа, в которых найден смешанный материал с преобладанием неолитической керамики. Толщина культурного слоя 0,3—0,5 м.

Неолитическая коллекция включает 42 черепка и 15 кремней. Черепки хорошо обожжены, красноватые, с небольшой растительной примесью в тесте. Орнамент гребенчатый, накольчатый и проглаженный.

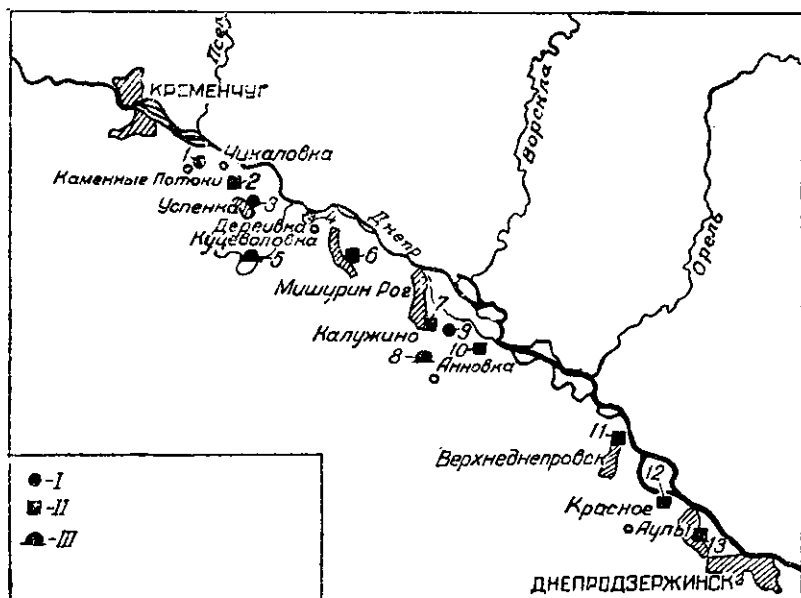

Рис. 1. Схематическая карта памятников эпохи неолита и бронзы в районе Днепродзержинского водохранилища по материалам разведки 1959 г.

I — поселения эпохи неолита и энеолита; II — поселения эпохи бронзы; III — курганные группы.

Часть черепков узора не имеет. Расположение орнамента зональное, но имеются обломки, на которых узор состоит из отдельных полей, заполненных наколами. Венчики сосудов прямые без утолщения, под срезом ряд ямок (рис. 2,5). В составе кремневых находок имеются мелкие пластины и отщепы.

Стоянка у с. Каменных Потоков (пункт №2) расположена в урочище Сиваш на краю надпойменной террасы. Высота местонахождения над озером — 4—5 м. Площадь находок 30×80 м². На поселении заложено 4 шурфа (2×1 м²). Находки встречаются в почвенном слое, а иногда в подпочве. В шурфе 4 открыто погребение, относящееся, по-видимому, к неолитическому времени. Покойник лежал на спине, вытянуто, головою на северо-восток. Вблизи скелета найден зуб вырезуба и кусочек охры.

Всего здесь собрано 20 фрагментов керамики и 36 кремней. Имеется одно плоское доннышко крупного сосуда. Оно слегка вогнуто и покрыто снизу оттисками двузубчатого штампа. Остальные фрагменты тонкостенные с небольшой примесью травы. Орнамент гребенчатый (рис. 2,6), накольчатый (рис. 2,3) и прочерченный (рис. 2,4). Обращает на себя внимание техника нанесения гребенчатого орнамента в отступающей манере.

Кремень в целом микролитический. Здесь имеются ножевидные пластины с ретушью, скребки, округлые на отщепках, некоторые довольно высокой формы.

Неолитические стоянки района Днепродзержинской ГЭС в целом принадлежат к группе памятников гребенчато-накольчатой керамики.

Керамика энеолитического времени обнаружена на поселении у с. Литвиновки, а также на нескольких пунктах в с. Деревке. Наиболее полный комплекс находок этого времени представлен на пункте, которому присвоено условное название Деревка 10. Поселение расположено на северной окраине села в 50—60 м от каменного карьера на краю надпоймы. Здесь при зачистке на глубине 0,3—0,8 м собрано

Рис. 2. Керамика эпохи неолита (1—6), энеолита (7) и средней бронзы (8—14).
1 — Деревка 4; 2 — Калужино; 3, 4, 6 — Каменные Потоки; 5 — Успенка; 7 — Деревка 10;
8—12 — Литвиновка; 13—14 — Мишурич Рог 4.

большое количество неолитических черепков, в том числе фрагменты сосудов, форма которых реконструируется, а также кости животных. По другую сторону карьера в 200—300 м от поселения на уровне надпоймы Омельника обнаружен могильник. Погребения находились, по-видимому, под каменными закладками, ныне разрушенными размывом. Одно погребение было расчищено. Покойник лежал на спине головой на юго-восток с подогнутыми вверх в коленях ногами, руки слегка согнуты в локтях, кисти рук на тазе. Находок при этом погребении не было. На площади могильника найдены три медные цилиндрические бусины.

Типологически керамика из Деревки 10 очень выдержана. Это

остродонные сосуды типа Среднего Стога II (рис. 2,7). В глиняном тесте обильная примесь толченой ракушки. Обжиг хороший, поверхность имеет расчесы. Сосуды орнаментированы оттисками мелкозубчатой гребенки, лишь на одном черепке отмечен перевитый шнур. Узор располагался по венчику и плечикам. Композиция орнамента состоит из рядов косо поставленных оттисков гребенки. Встречается гребенчатый зигзаг. Иногда гребенка ставилась горизонтально, образуя оттиски в виде сплошной пунктирной линии. Часть сосудов по венчику украшена вертикальными или диагональными полосами оттисков гребенки.

Кроме описанной группы керамики, которая является основной, на поселении найдено 12 фрагментов поздней ямочно-гребенчатой керамики. находка последней имеет важное значение для синхронизации памятников типа Среднего Стога II с поздними проявлениями ямочно-гребенчатого неолита на Украине.

Кремневый инвентарь весьма невыразительный. Поселения у с. Деревки датируются второй половиной III тысячелетия до н. э.

Среди памятников более позднего времени имеются поселения периодов ранней (Литвиновка), средней (Красное, Мишуриин Рог 4) и поздней бронзы (Аулы, Суשובка 3, Куцеголовка 5, Чикаловка 5).

Поселение у Литвиновки расположено на песчаном возвышении, которое поднимается над лугом на 5—7 м. В северо-западной части этого возвышения на размытом во время половодья участке в слое гумусированного песка при зачистке были обнаружены многочисленные обломки лепных сосудов эпохи бронзы. Кроме керамики, найдено значительное количество костей животных, кремневые пластины, скребки, отщепы и обломок точильного камня. Культурный слой с находками бронзового века залегает на глубине 0,6—0,8 м.

Сосуды имеют высокий, прямой или слегка отогнутый наружу венчик, слабо выраженную шейку, переходящую в округлосе тулово. Дно плоское. По венчику иногда имеется утолщение в виде «воротничка». Сосуды украшены оттисками прямоугольного штампа, образующего горизонтальные ряды по венчику, плечикам и верхней части тулова. Иногда прямоугольный штамп заменяется отпечатками типа «гусенички», «гребенки» или проглаженными линиями (рис. 2, 8, 12). Глиняная масса содержит примеси песка, «крававика» и толченой раковины. Цвет поверхности черепка темно-коричневый снаружи и черный с внутренней стороны. Внешняя поверхность, как правило, заглажена.

К средней поре бронзы относится поселение в с. Красном, Верхнеднепровского района, Днепропетровской области. Оно расположено на небольшом (высота 3 м) песчаном возвышении в пойме Днепра. Среди находок имеются обломки венчиков и стенок от горшков баночной формы, украшенных параллельными рядами валиковых налепов, треугольных в сечении. Поверхность сосудов заглажена и имеет серый или светло-коричневый цвет. В глине примесь песка и толченого гранита.

Поселение у с. Мишурина Рога, Днепропетровской области, находится в юго-восточной части села на возвышении левого берега р. Омельника Сушого. В зачистке берега и в шурфе обнаружен мощный культурный слой, насыщенный костями животных и обломками керамики с многоваликовой орнаментацией (рис. 2, 13, 14).

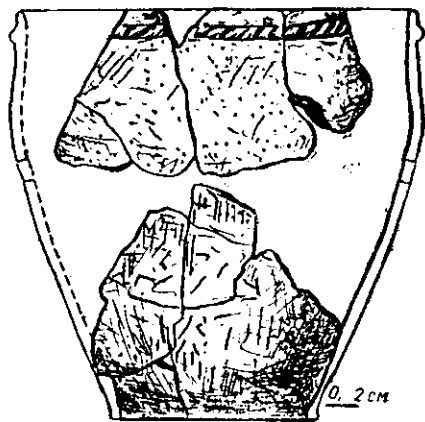

Рис. 3. Сосуд с поселения поздней бронзы у с. Чикаловки.

Среди памятников поздней бронзы наилучшей сохранностью отличается поселение у с. Чикаловки, Кременчугского района, Полтавской области, расположенное на возвышении в пойме Днепра. Здесь на площади 300×300 м отмечено 30 зольных пятен, представляющих собой места древних жилищ. На одном из таких пятен была заложена траншея размером $4 \times 0,5$ м, в которой под пахотным слоем обнаружен насыщенный золою культурный слой мощностью около 0,3 м. В траншее найдено много костей животных, обломков керамики, а также раздавленный большой сосуд баночной формы (рис. 3).

На поселении собран значительный материал: обломки сосудов, преимущественно баночной формы, два каменных растиральника и ми-

Рис. 1. Керамика эпохи средней бронзы.

1—2 — Аулы; 3—4 — Сусловка; 5—6 — Чикаловка.

ниатюрный сосудик (рис. 4, 5). В орнаментации сосудов обычны налпные валики под венчиком, отпечатки шнура или пальцевые вдавления. На двух черепках имеется орнамент из прочерченных косых линий (рис. 4, 6).

Поселение поздней бронзы обнаружено на огородах первой надпойменной террасы в с. Куцеволовке, Онуфриевского района, Кировоградской области. Керамика здесь аналогична вышеописанной; имеется много обломков лепных сосудов, орнаментированных под венчиком расчлененным валиком. На одной стенке нанесен орнамент в виде треугольников, составленных из отпечатков зубчатого штампа. Рядом с поселением на высоком мысу надпойменной террасы, на территории кирпичного завода, вероятно, был расположен могильник этого же времени. Здесь при земляных работах было обнаружено одно парное погребение с двумя сосудами, от которых сохранилась лишь нижняя часть одного горшка баночной формы.

Два поселения поздней бронзы обследованы в с. Аулах, Криничанского района, Днепропетровской области. Одно из них расположено на восточной окраине села на песчаном возвышении в урочище Остров. Другое находится на первой надпойменной террасе. Керамика представлена обломками венчиков и стенок лепных горшков баночной формы. У иных сосудов шейка переходит в округлое тулово, которое, суживаясь книзу, заканчивается небольшим плоским дном. Сосуды украшены ямками треугольной формы и валиками под венчиком (рис. 4, 1, 2). Среди керамических находок имеется обломок крышки и два обломка ручек, круглых в сечении. Глина, из которой изготовлены сосуды, содержала примеси песка, шамота и зерен «крававика». Поверхность сосудов шероховатая, серого цвета. Кроме керамики, найдены обломок

сверленного каменного топора и высверлина от топора-молота. Оба поселения датируются временем поздней бронзы и относятся к числу памятников типа Верхней Ушкалки и поселения у Белозерского лимана.

Поселение у с. Суשובки расположено на надпойменной террасе. Мощностъ культурного слоя в зачистке до 1 м.

Кроме поселений эпохи бронзы, на обследованном участке отмечены отдельные курганы и курганные группы. Одна из них, состоящая из одиннадцати курганов, расположена в долине р. Омельника Сухого между селами Анновкой и Мостами, а другая в долине р. Омельника Келебердянского, близ хут. Дачи.

Значение работ, проведенных Днепродзержинской экспедицией 1959 г., состоит прежде всего в том, что они показали густую заселенность обследованного участка в неолите, энеолите и в эпоху бронзы. Памятники неолита днепро-донецкого типа здесь обнаружены впервые. Анализ полученных в результате разведки материалов позволяет сделать заключение, что в эпоху бронзы основным населением здесь были носители культуры многоваликовой керамики, а также позднесрубной культуры в днепровском ее проявлении.

ПАМЯТНИКИ РАННЕСЛАВЯНСКОГО ВРЕМЕНИ И КИЕВСКОЙ РУСИ В ЗОНЕ ВОДОХРАНИЛИЩА ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКОЙ ГЭС

М. П. КУЧЕРА, В. С. ДРАЧУК

Осенью 1959 г. археологической разведкой в зоне сооружения Днепродзержинской ГЭС¹ на участке правого берега Днепра от Кременчуга до Днепродзержинска было обнаружено свыше 60 поселений I и начала II тысячелетий н. э. Памятники этого времени на указанной территории до сих пор были совершенно не известны².

Подъемный материал, представленный в основном фрагментами керамики, позволяет отнести открытые поселения к трем культурным группам.

Самую многочисленную группу—34 пункта — составляют поселения черняховской культуры II—V вв. н. э. Они располагаются, как правило, на пологих склонах по краю первой надпойменной террасы, возвышающейся над окрестным лугом на 4—6 м. Из этого числа 6 черняховских поселений оказались расположенными в пойме на небольших возвышениях вблизи озер и 6 поселений было открыто на отлогих мысах или останцах коренного берега, в тех местах, где Днепр имеет узкую долину.

Поселения этой культуры обычно вытянуты вдоль террасы на 200—400 м, редко на 1—1,5 км, при ширине 100—300 м. Поселения в пойме, занимавшие естественно-ограниченные участки, имели меньшие размеры — около 1—2 га.

Поселения располагались довольно густо отдельными группами. В среднем одно поселение приходится на 3,5 км маршрута.

В с. Аулы, Криничанского района, Днепропетровской области, группа из трех поселений находилась на отрезке 3 км. В районе с. Бородаевка, Верхнеднепровского района, Днепропетровской области, на протяжении 10 км обнаружено пять поселений. В районе сел Суловка—Мишурии Рог (Лиховский район, Днепропетровской области) на отрезке 10 км обнаружено восемь поселений. В районе сел Почикаловка—Дереивка (Онуфриевский район, Кировоградской области) на протяжении 10 км находилось шесть поселений. В районе х. Партизан и с. Успенка (Онуфриевский район) на отрезке 3 км обнаружено три поселения. У с. Чечелево, Кременчугского района, Полтавской области, три поселения располагались на отрезке 2,5 км.

¹ Разведка производилась экспедицией под руководством Д. Я. Тсегина (см. его статью в настоящем выпуске).

² Две случайные находки первой половины I тысячелетия н. э. были обнаружены только на левом берегу, у сел Перволочное и Старый Орлик, Кишеньковского района, Днепропетровской обл. (см.: А. Т. Брайтчевська, Південна межа черняхівської культури на Дніпрі (за матеріалами розкопок останніх років), «Археологія», т. XI, 1957, стр. 4).

Культурный слой на большинстве поселений имеет слабую насыщенность. Керамика представлена обычными для черняховской культуры типами: лепной, кружальной с шероховатой поверхностью, кружальной серолощенной, реже чернолощенной. На 11 поселениях встретились фрагменты амфор.

Для примера кратко остановимся на характеристике группы поселений у с. Аулы, получивших условное наименование Романково, Аулы 1 и Аулы 2.

Поселение Романково занимает небольшой бугор, размером 120×80 м, высотой около 6 м, окруженный с трех сторон болотом с небольшими водоемами. Культурный слой, толщиной 0,6 м, состоит из чернозема с вкраплениями углей и золы. На всей площади поселения встречаются фрагменты керамики, кусочки обожженной глины и кости животных.

Керамика представлена фрагментами толстостенных лепных сосудов со значительной примесью в тесте шамота и дресвы, обломками гончарных серо- и чернолощенных сосудов, сформованных из отмученной глины, и несколькими фрагментами гончарных сосудов с шероховатой поверхностью, изготовленных из глины с примесью мелких зерен кварца и песка. Интересно отметить, что в находках на поверхности преобладает лепная керамика, а в толще культурного слоя — гончарная. На поселении найден фрагмент амфоры.

Поселение Аулы 1 также расположено в пойме на отдельном бугре (размером 70×300 м, высотой 5 м), окруженном с трех сторон заболоченными озерами. На этом поселении культурный слой тоньше. Среди подъемного материала и в двух заложённых шурфах встретилось больше гончарной керамики, причем преобладают сосуды с лощенной поверхностью. На одном серолощеном фрагменте имеется орнамент в виде сетки из пролощенных линий.

Поселение Аулы 2 находится на первой надпойменной террасе, высотой 5—6 м. Подъемный материал встречается вдоль террасы на протяжении 1,5—2 км, при ширине 80—100 м. Материал, собранный на поселении, состоит из фрагментов гончарной (с лощенной и шероховатой поверхностью) и лепной керамики, а также кусочков обожженной глины и обломка глиняного пряслица. Среди керамического материала преобладают фрагменты гончарных серолощенных сосудов. Часть из них сформована из тщательно отмученной глины и имеет хорошее лощение, а другая часть содержит примеси крупного песка и характеризуется плохим качеством лощения. Кружальная керамика с шероховатой поверхностью имеет значительные примеси зерен кварца и крупного песка, на многих фрагментах заметны параллельные борозды от выпадения примесей во время формовки.

Подобный характер имеет подъемный материал и на других поселениях.

Полученные данные позволяют заключить, что в области Поднепровья черняховская культура не ограничивалась лесостепью и распространялась по долине Днепра в степь³. Плотность заселения в данном районе была довольно значительной. Наряду с большими поселениями существовали небольшие поселки. Расположение поселений отдельными группами указывает на те районы, в которых осуществлялись наиболее тесные связи между общественными коллективами. Находки амфорной тары свидетельствуют о широких торговых связях обитателей периферии черняховской культуры с другими территориями. Преобладание на отдельных поселениях лепной или кружальной

³ До последнего времени считалось, что черняховская культура ограничивалась в днепровском Правобережье только лесостепной зоной (см.: М. А. Тиханова, О локальных вариантах черняховской культуры, СА, 1957, № 4, стр. 171).

керамики следует объяснять причинами хронологического порядка. По-видимому, поселения с преобладанием лепной керамики продолжали существовать и в послечерняховское время.

Вторую группу составляют 12 поселений, на которых была обнаружена только лепная керамика, и 5 поселений, где вместе с ней оказались единичные фрагменты привозных кружальных амфор или кувшинов с линейным орнаментом.

Лепная керамика характеризуется в основном теми же чертами, что и лепная керамика черняховских поселений. Отличие заключается в том, что здесь преобладают толстостенные горшки с более значительной примесью шамота и дресвы. Помимо сосудов с плавными изгибами бочков, встречаются сосуды биконической формы.

Судя по керамическому материалу, аналогии которому имеются в керамике из раскопок последних лет на р. Тясмин⁴, поселения второй группы можно датировать VI—VII и отчасти VIII вв. н. э.

Располагались эти поселения, как и черняховские, в различных топографических условиях: на первой надпойменной террасе (9), на коренном берегу (6) и в пойме (2). В тех случаях, когда коренной берег имел крутой обрыв, для поселений выбиралось место у оврагов, по которым было легко спускаться вниз к источникам воды.

Поселения с лепной керамикой располагались реже, чем черняховские. Размещение их группами отмечено только в двух местах в районе впадения в Днепр р. Омельника. Первая группа из трех рядом расположенных поселений находилась у с. Деревка, Онуфриевского района, вторая (из четырех поселений) — у с. Успенка, того же района.

Поселения с лепной керамикой меньше черняховских. В длину они достигали 200—300 м, редко 500 м, в ширину — 80—100 м. Культурный слой на этих поселениях выражен слабее. Все это свидетельствует о том, что в послечерняховское время в данном районе населения стало меньше.

Третья группа памятников представлена 11 поселениями древнерусского времени. Из них семь поселений находились на месте черняховских, два — на поселениях с лепной керамикой. По условиям местоположения древнерусские поселения ничем не отличаются от поселений предшествовавшего времени⁵.

Подъемный материал на древнерусских поселениях очень незначителен, что не позволяет определить их размеры. Он представлен несколькими обломками обычных древнерусских кружальных горшков, часть из которых имеет линейный или волнистый орнамент. Судя по подъемному материалу, в период X—XII вв. эта территория была заселена очень редко и поселения существовали недолго. Не случайно здесь не оказалось ни одного городища; это также свидетельствует об отсутствии постоянной оседлости. Объясняется это тем, что данный отрезок Днепра, начиная от устья р. Сулы, находился в зоне кочевий степных неславянских племен.

Таким образом, материалы разведки значительно расширяют наши представления об истории населения данного района в период I и начала II тысячелетий н. э.

⁴ Поселения у сел Стецовка (раскопки В. П. Петрова) и Пеньковка (раскопки Д. Т. Березовца). Материалы хранятся в фондах Института археологии АН УССР.

⁵ Эти данные заслуживают внимания в связи с тем, что в литературе высказаны по этому вопросу совершенно противоположные мнения. См.: М. Ю. Брайтчевский, К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э., СА, 1957, № 3, стр. 125; Г. Ф. Корзухина, К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э., СА т. XXII, 1955, стр. 65—78.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛЮР — Археологическая летопись Южной России.
АП — Археологічні пам'ятки УРСР.
АС — Археологический съезд.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии.
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ДП — Древности Приднепровья.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИА АН УССР — Институт археологии АН УССР.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
КГУ — Киевский государственный университет.
КИМ — Киевский исторический музей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МДАПВ — Матеріали та дослідження з археології Прикарпаття і Волині.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МГУ — Московский государственный университет.
ОАК — Отчет Археологической комиссии.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РАНИОН — Российская Академия научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА — Советская археология.
РА — Památky Archeologicné.
SC — В. L a t y s c h e v, Scythica et Caucasica.
WA — Wiadomości archeologiczne.

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические исследования на новостройках

А. И. Тереножкин, Археологические обследования в зоне Киевской ГЭС в 1960 г.	3
В. И. Довженко, Археологические работы на территории Каневской ГЭС в 1960 г.	8
Д. Я. Телегин, Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г.	13
Д. Т. Березовец, Раскопки в Верхнем Салтове 1959—1960 гг. (Печенежское водохранилище)	18
В. Н. Даниленко, Археологические исследования в зонах строительства ГЭС на Южном Буге в 1959—1960 гг.	23

Статьи

В. И. Довженко, Археологический комментарий к сведениям литературных источников о смердах и закупах	28
В. А. Богусевич, Остерский городок	37
В. Н. Петров, М. Л. Макаревич, Об изображении на древнерусском браслете	43
Ю. Н. Захарук, Вопросы хронологии культур энеолита и ранней бронзы Прикарпатья и Волыни	48

Публикации

В. А. Месяц, Житомирская раннепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение)	53
А. А. Щепинский, Погребение начала железного века у Симферополя	57
Г. Т. Ковпаненко, Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы	66
Е. Ф. Покровская, Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин	73
В. А. Ильинская, Скифское навершие из окрестностей Чернигова	82
В. Д. Дяденко, Раннеславянские памятники на территории древнего Белгорода	85
А. А. Ратиц, Городища Росточья	87
Е. А. Петровская, Р. А. Юра, Бронзовая бляха с эмалью	92

Сообщения

В. И. Митрофанова, Д. Я. Телегин, Н. М. Шмаглий, Обследование памятников неолита и бронзы в районе Днепродзержинского водохранилища в 1959 г.	94
М. П. Кучера, В. С. Драчук, Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС	100
Список сокращений	103